

Рыбаков Анатолий

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРОША

1

Автобаза находится недалеко от нашей школы. На соседней улице. Когда в классе открыты окна, мы слышим рокот моторов. Это выезжают на работу грузовики и самосвалы. Они возят материалы на разные стройки Москвы.

Ночью машины длинными рядами стоят на пустыре. Их охраняет сторож. Завернувшись в тулуп, он спит в кабине. В случае какого-нибудь происшествия его могут сразу разбудить. Могут, например, сообщить ему, что ночью что-нибудь украли.

Днем у ворот автобазы толкуются владельцы легковых машин. У них заискивающие лица: они не умеют сами ремонтировать свои автомобили и хотят, чтобы это сделали рабочие.

Автобаза шефствует над нашей школой. Поэтому в смысле политехнизации наша школа лучшая в районе. Из других школ приходят смотреть наш автокабинет.

Водить машину мы учимся на грузовике «ГАЗ—51» Его нам тоже подарила автобаза.

Школьный завхоз Иван Семенович всегда норовит угнать грузовик по хозяйственным надобностям. Сердится, когда мы выезжаем практиковаться. Кричит, что ему срочно необходимо привезти уголь или еще что-нибудь.

Несмотря на это, мы отъездили свои двадцать часов. Некоторые ребята даже имеют права на управление автомобилем. Эти права называются «Удостоверение юного водителя». В них написано: «...имеет право на вождение автомашин только на детских автотрассах». Так написано в удостоверении.

Но с этими удостоверениями можно разъезжать по городу. Конечно, если не нарываться на милицию. Впрочем, если не нарываться на милицию, можно ездить без всякого удостоверения.

На автобазе мы проходим производственную практику.

У параллельного класса «Б» — строительная практика. Они работают на строительстве пионерского лагеря в Липках. Там они и живут. Не практика, а дача. А мы должны весь июнь париться в Москве.

Мне эта практика вообще не нужна. У меня нет технических наклонностей. Если меня что и интересует на автобазе, то это поводить машину. Но практикантам не дают руля. И мне здесь делать абсолютно нечего.

Когда мы пришли на практику, директор автобазы сказал:

— Кто будет хорошо работать, может даже разряд получить. Не скажу — пятый. Четвертый.

Мы стояли во дворе. Директор был массивный человек, с темным от загара лицом, одетый в синюю рабочую куртку. Я сразу понял, что он бывший шофер. У всех старых шоферов такие, навсегда загорелые, лица. Ведь всю свою жизнь они проводят на открытом воздухе, на ветру и под солнцем. Директор двигался и разговаривал так спокойно и медленно, будто все время сдерживал себя. Это тоже подтверждало, что он бывший шофер. Со слабыми нервами нельзя водить машину — сразу в аварию попадешь.

— Чем плохо получить разряд?... — спросил директор и с надеждой посмотрел на

нас. Думал, что мы ужасно обрадуемся услышать про разряд.

Но мы молчали. Мы знали, что на прошлой практике только одна девочка получила разряд. За необыкновенную дисциплину и послушание.

Директор посмотрел на небо, медленным взглядом проводил проходившего мимо слесаря и добавил:

— А кто не хочет работать, пусть прямо скажет, я того моментально освобожу.

Некоторые были бы не прочь смотаться отсюда. Я, например, поскольку у меня нет технических наклонностей. Но то, что директор называл «освободить», означало «выгнать». И никто не сказал, что не хочет работать.

Потом вышел главный инженер и повел нас показывать автобазу. Чтобы мы имели представление о всем хозяйстве в целом.

Это правильно. Если ты являешься частью чего-то целого, то надо иметь о нем представление. Иначе не будешь знать, частью чего ты, собственно говоря, являешься.

Рядом с главным инженером шли Семечкина и Макарова. Они записывали по очереди. Совершенно механически. Когда записывала одна, другая даже не слушала, что говорит главный инженер. Только смотрела ему в рот, будто хотела сказать: «Ах, как интересно вы объясняете! Я просто оторваться не могу».

Я ничего не записывал. Приду домой — запишу.

Я шел на некотором расстоянии от главного инженера. Достаточно близко, чтобы слышать, что он рассказывает, и достаточно далеко, чтобы это не выглядело излишним усердием.

Сзади тянулся длинный хвост ребят. Они осматривали, что им попадалось на глаза, и рассуждали о качествах разных машин. Больше всех рассуждал Игорь. У его брата есть собственный «Москвич». Игорь считает себя крупным специалистом в этой области.

А я слушал главного инженера. Все равно придется писать отчет о практике.

Оказывается, автобаза состоит из двух служб: технической и эксплуатации. К технической службе относятся ремонт и вообще уход за машинами. К службе эксплуатации — перевозка грузов на линии.

Техническая служба подчиняется главному инженеру. Служба эксплуатации — начальнику эксплуатации.

Но главный инженер — первый заместитель директора, а начальник эксплуатации — только второй.

Я сразу сообразил, что это неправильно. То, что главный инженер — первый заместитель, а начальник эксплуатации — только второй. Ведь самое важное — это перевозка грузов. Можно было бы для смеха высказать эту мысль. Но если сказать главному инженеру, что его из первых заместителей надо перевести во вторые, то он ползет в бутылку. Он хотя и маленького роста, но у него длинный нос и сердитый голос. Не стоит связываться.

Мы закончили осмотр цехов и вернулись во двор. Во дворе стояла «техничка», закрытая машина с фургоном, на которой написано: «Техническая помощь». Я подумал, что хорошо бы мне попасть на эту машину.

Конечно, ребятам с техническими наклонностями повезло. На автобазе есть разные цеха: механический, кузнечный, моторный, агрегатный, электротехнический, сварочный, обойный, малярный, медницкий, жестяницкий и другие. Но меня из всех технических специальностей привлекает только одна — шоферская. И если я попаду на «техничку», то буду выезжать с ней на линию. И, может быть, шофер даст мне руль.

Главный инженер провел нас в кабинет и объявил:

— Теперь я вас распределяю по рабочим местам.

Я спросил:

— Можно нам самим решить, кто куда пойдет?

— Нет! — ответил главный инженер. — Это будет непедагогично.

Он скосил глаза на бумажку, которая лежала у него на столе под стеклом, и, точно так, как мы отвечаем урок, заглядывая в шпаргалку, пробубнил:

— «Следует также учитывать личные качества учеников. Рассеянному (невнимательному) поручается работа, требующая внимания. Слабовольному — работа, требующая волевых усилий. Робким (замкнутым) — организаторская работа. Ленивым — работа, результаты которой будут сразу видны». — Он посмотрел на нас: — Поняли?

Мы поняли. Нас надо распределить на рассеянных (невнимательных), робких (замкнутых), слабовольных и ленивых.

Я сказал:

— У нас таких нет.

— Каких — таких?

— Рассеянных, невнимательных, слабовольных, робких и замкнутых. Что касается ленивых, то как вы их узнаете?

Этим вопросом я сразу поставил главного инженера в тупик. Выручил его Игорь, брат которого имеет «Москвич».

Игорь вообще у нас самая выдающаяся личность. У него бледное лицо. А это считается в нашей школе самым шикарным. Особенно если лицо оттенено черными волосами. Голос у Игоря низкий, басовитый, как у завуча. Наша классная руководительница Наталья Павловна всегда ставит нам Игоря в пример. Его поразительную воспитанность и трезвый ум. На самом деле Игорь большой дипломат.

Игорь подмигнул нам: мол, не беспокойтесь, сейчас я этого дядю окручу, — и, обращаясь к главному инженеру, почтительно сказал:

— Вячеслав Петрович, вы хотите распределить ребят согласно их склонностям и интересам?

Он уже знает, как зовут главного инженера!

— Вот именно, — обрадовался главный инженер и опять скосился в шпаргалку, — «согласно склонностям и интересам»!

— Тогда позвольте нам это обсудить, — рассудительно проговорил Игорь, — мы каждому наметим цех согласно его склонностям и интересам.

— Что ж, — согласился главный инженер, — ты дело говоришь.

И укоризненно посмотрел на меня. Дал понять, что Игорь говорит дело, а я несу чепуху.

Я давно привык к тому, что Игорь говорит умно, а я глупо, что с ним соглашаются, а со мной нет. И укоризненный взгляд инженера я оставил без всякого внимания. Тем более, что он опять вдруг нахмурился:

— Но вы будете мудрить!..

— Нет! — закричали мы. — Мудрить мы не будем.

Мы стали распределяться по цехам.

С теми, у кого были склонности и интересы, дело решилось быстро. Гринько с Арефьевым попросились в электроцех — они электрики и радисты. Полекутин — в моторный. Гаркуша с Рождественским — в малярный, они художники. А Игоря

главный инженер взял к себе в техники — так он ему понравился.

Но с теми, кто не имел склонностей и интересов, получилась полная неразбериха. Особенно с девочками. Они все хотели работать вместе, в одном цехе.

Поднялся шум и крик.

Главный инженер хлопал глазами и поворачивался то в одну, то в другую сторону. Я чувствовал, что сейчас все ему надоест и он распределит нас по-своему.

Тут, к счастью, очередь дошла до меня. Я объявил, что хочу проходить практику в службе эксплуатации.

Главный инженер удивился моему выбору. Но согласился: обрадовался возможности сбавить меня. Я ему сразу не понравился.

Я отправился к начальнику эксплуатации. Это был толстый черный человек с мясистыми губами. Ровно час я дождался, пока он с кем-то ругался по телефону. Даже кончив говорить, он все время хватался за телефонную трубку.

Я объявил, что явился для прохождения производственной практики. Он был поражен.

— Что они там, с ума посходили?!

И схватился за телефон.

Я испугался, что он позвонит директору, и торопливо добавил:

— Я хочу работать на машине техпомощи.

Он весело засмеялся, даже погладил телефонную трубку.

— Дорогой мой, ты попал не по адресу! Честное благородное слово. Машина техпомощи мне не подчиняется. Она подчиняется главному инженеру.

Вот как я просчитался!

Он начал объяснять мне, что автобаза состоит из двух служб: технической и эксплуатации. К технической службе относятся...

Но я перебил его:

— Извините, я ошибся.

И пошел обратно, к главному инженеру. С мрачным видом он сидел один в своем кабинете, за большим письменным столом. Я ему объяснил, что в службе эксплуатации для меня подходящей работы нет.

— Эге, брат, — сказал главный инженер, — ты, я вижу, порядочный волынщик!

И без дальнейших разговоров послал меня в цех профилактики, или, как его здесь просто называют, гараж.

2

И все же нам здорово повезло, мне и Шмакову Петру. Он тоже попал в гараж.

Те, кто работали в мастерских, имели дело с частями автомобиля. Мы в гараже — с автомобилем в целом. Здесь его моют, смазывают, регулируют, делают текущий ремонт и профилактику. Слесари сами перегоняют машины с места на место, даже выезжают на улицу пробовать, как действуют тормоза. И у нас со Шмаковым Петром была полная возможность попрактиковаться за рулем.

— Как ты думаешь, Шмаков, — спросил я Петра, — дадут нам здесь поездить?

Он подумал и ответил:

— Дадут.

Он всегда думал перед тем, как ответить.

— Для этого надо что-то делать, — сказал я.

— Успеем.

— Так вся практика пройдет, — настаивал я.

— Надо приглядеться, — сказал Шмаков Петр.

Но, сколько мы ни приглядывались, никто и не думал давать нам руль. Отношение к нам было самое безразличное. Даже равнодушное.

Самостоятельной работы нам не давали — боялись. Дело здесь ответственное. Из-за недовернутой гайки может случиться авария. И даже катастрофа. Катастрофа — это та же авария, только с человеческими жертвами.

И работали мы медленно. А слесари не могли ждать: они выполняли график, у них был план.

По правде сказать, я и сам был не очень-то заинтересован в этой работе. Но болтаться без дела, когда вокруг тебя работают, неудобно.

Уж раз я попал сюда, то не желаю, чтобы на меня смотрели как на бездельника и дармоеда.

Мы здесь были «на подхвате». Сходить куда-нибудь. Что-нибудь принести. Сбежать на склад или в мастерские. Подержать инструмент, посветить переносной лампой, промыть части...

Хорошо, когда достанется мыть машину целиком, во дворе, под брандспойтом. Совсем другое дело! Струя так и бьет! Направляешь ее то в одно место, то в другое, грязь большими комками отваливается и падает в канаву. От кузова идет пар, вода быстро испаряется под лучами июньского солнца. И, когда машина, свежая, блестящая, сходит с помоста, видишь результаты своего труда.

Но такая приятная работа перепадала нам редко. Мы работаем утром, а машины моют вечером, когда они возвращаются с линии.

Видно, нам со Шмаковым не так уж повезло. Тем, кто работал в мастерских, пожалуй, повезло больше. Мастерские работали в одну смену, и наши ребята имели дело с одними и теми же людьми. Они привыкли к этим людям, и люди привыкли к ним.

А гараж работал круглосуточно, в три смены. И мы со Шмаковым Петром имели дело с разными бригадами.

Когда на третий день пришла бригада, с которой мы работали в первый день, они нас даже не узнали, они совершенно забыли про нас. Смотрели на нас с удивлением: «Как, разве вы все еще здесь?!»

Они даже не знали наших имен. Шмаков Петр выглядел старше меня, и они его называли «парень». «Эй, парень, а ну-ка, парень!» Мне они говорили сначала «пацан». «Эй, пацан, а ну-ка, пацан!» А когда они услышали, как ребята зовут меня «Крош», они тоже стали называть меня «Крош», а некоторые даже «Кроша»... «Эй, Кроша, а ну-ка, Кроша!» Они думали, что меня так называют из-за моего невысокого роста. На самом деле «Крош» — это сокращенное прозвище от моей фамилии — Крашенинников. В школе всегда сокращают фамилии, тем более такую длинную, как моя. Вот и получилось «Крош». А рабочие в гараже придавали этому прозвищу другой, унижительный для меня оттенок.

В общем, наше положение никак меня не устраивало. При таком положении нам никогда не доверят руля.

Я поделился своими мыслями со Шмаковым Петром. Он ответил: «Сиди спокойно».

Шмакову. Петру хорошо так говорить. С его характером можно сидеть спокойно. Скажут ему: «А ну, парень, сними болт!» Шмаков Петр молча берет гаечный ключ и

начинает снимать болт. Ни на кого не смотрит. Кряхтит. Углублен в работу, будто делает невесть что... И все к нему относятся с уважением. Такой у него серьезный и сосредоточенный вид.

А потом оказывается, что Шмаков снял вовсе не тот болт, который нужно было снять.

Я бы сквозь землю провалился от стыда. А Шмаков ничего... Как ни в чем не бывало начинает все переделывать. И все считали, что Шмаков работает лучше меня.

Происходило это вот почему. Я не мог просто так, как Шмаков, крутить гайку. Мне надо знать, что это за гайка и для чего я ее кручу. Я должен понять работу в целом, ее смысл и общую задачу. Дедуктивный способ мышления. От общего к частному. Шмаков Петр не задает вопросов, а я задаю вопросы. А слесари не хотят отвечать на вопросы. Им некогда. А может быть, не могут ответить на них.

Даже бригадир слесарей Дмитрий Александрович, худой человек в берете, похожий на испанца, сказал мне:

— Ты, университет-эмансипе, поменьше спрашивай.

Я сначала не понял, почему он так меня назвал. Потом оказалось, что у Чехова есть рассказ «Святая простота». К священнику, куда-то в провинцию, приезжает сын, известный адвокат. И отец-священник называет сына-адвоката «университет-эмансипе».

Очень приятно, что бригадир слесарей Дмитрий Александрович ходит в берете, похож на испанца и так хорошо знает Чехова. Но тем более глупо с его стороны давать человеку кличку.

Особенно донимал нас слесарь Коська, парнишка из ремесленников.

Шмакова он побаивался. Шмаков но обращал на него никакого внимания. А ко мне он привязывался, посылал то туда, то сюда. «Эй, Кроша, тащи обтирку!» — кричал он, хотя обтирку поручали принести ему. Он был слесарь всего-навсего четвертого разряда.

Особенно любил этот Коська задавать нам со Шмаковым Петром дурацкие вопросы-загадки.

— А ну, скажите, практики (так он называл нас), а ну, скажите: что работает в машине, когда она стоит на месте?

Я пожимал плечами:

— Что? Мотор.

— Мотор выключен.

— Свет.

— Выключен свет.

— Значит, ничего не работает.

— Эх ты, Кроша несчастный! Тормоза у нее работают, вот что!

— А если ее не поставили на тормоз? — возражал я.

Коська хохотал:

— Как же ее можно оставлять не на тормозе! Сразу видно, что вы ни черта не знаете.

И вот, чтобы утереть этому Коське нос, я принес из дому свое «Удостоверение юного водителя» и показал его слесарям.

Я никак не ожидал, что эти права произведут на них такое впечатление.

Они просто обалдели, когда я им их показал.

Тем более, что я не дал их в руки. Только показал надпись на книжечке: «Удостоверение юного водителя». Потом раскрыл и показал свою фамилию, имя,

отчество и фотокарточку.

Все молодые слесари здесь мечтают стать шоферами. При каждом удобном случае садятся за баранку. Лица у них перекашиваются от страха. Зато вылезают они из-за руля с таким видом, будто совершили полет в космос.

То, что я, школьник, имею водительские права, поразило их.

У них и в мыслях не было, что эти права ненастоящие. Ведь они отпечатаны в типографии. Не будет же типография печатать какую-то липу.

Слесари были нормальные люди и рассуждали здраво.

Именно поэтому они приняли мои права за настоящие. И были буквально потрясены.

У Шмакова Петра не было прав. Он в свое время не пошел сдавать экзамен. Сказал тогда: «Кому они нужны, эти детские права?!»

Теперь он жалел, что так сказал тогда. Теперь, когда он увидел, какой авторитет я сразу приобрел этими правами, он пожалел, что не пошел сдавать экзамен.

Но Шмаков был не так прост, как казался с виду. Он держался так, будто и у него тоже есть такие права.

Когда слесарь Коська меня почтительно спросил: «Чего ж ты не ездешь, если права имеешь?», то Шмаков вместо меня ответил: «А чего к рулю рваться. Пусть те рвутся, у кого прав нету».

Из этого ответа получалось, что у Шмакова тоже есть права. Именно поэтому он не рвется к рулю.

Я тоже держался так, будто права есть у нас обоих. Из товарищеской солидарности. Тем более, что своим ответом Шмаков поставил слесаря Коську на место.

Ни у кого не возникло сомнения, что права есть у нас обоих. Наш авторитет неизмеримо возрос.

Но в последующих событиях эти права, мои настоящие и Шмакова предполагаемые, сыграли роковую роль.

3

Постепенно к нам привыкли, и мы втянулись в работу.

Нам стали доверять операции, которые полагается выполнять слесарям четвертого разряда. Например, проверить, как закреплен передний буфер, номерной знак, стоп-сигнал, фары или смазка. Надо знать, где, когда и чем смазывать.

Однажды мне даже досталась работа пятого разряда: проверить и закрепить радиатор. Сначала надо внимательно осмотреть радиатор, не течет ли, потом оба шланга, тоже не текут ли, затем осторожно подтянуть хомутики. Очень сложное и ответственное дело. А его поручили мне. И оказалось, что все сделано правильно.

Когда бригадир Дмитрий Александрович, похожий на испанца, проверял мою работу, я с безразличным видом вытирал руки обтирочными концами. Главное, не суесться. Если ты суесться, обязательно подумают, что ты сделал что-то не так.

Теперь мы не стояли как болваны, не таращили глаза, ожидая, куда нас пошлют. Сами знали, что надо делать.

Мы привыкли, и к нам привыкли. Руля нам, правда, не давали. Но мы не теряли на это надежды. Мы снова стали считать, что нам здорово повезло, мне и Шмакову Петру. Ребята, работавшие в цехах, были прикреплены к одному месту. А мы разгуливали по

всей автобазе. То туда пошлют, то сюда — гараж связан со всеми цехами. Все завидовали нашей живой, оперативной работе.

Часто мы работали во дворе. Солнышко светит. Дышится легко. Все видишь: кто приехал, кто уехал, кто куда пошел, куда что понесли. Слышно, как начальник эксплуатации ругается по телефону. Словом, находишься в курсе жизни всей автобазы.

Давно ли главный инженер водил нас по цехам?.. А теперь мы здесь свои. Вахтер даже пропуска не спрашивает.

По утрам так не хочется вставать. Но что-то толкает тебя: вставай, вставай! Нехорошо, неудобно... Опоздаешь на какие-нибудь двадцать минут, а кажется, что все работают давным-давно. Каждый на своем месте, делает свое дело, а ты оказываешься лишним. И не знаешь, что было с утра. Может, ничего не было, а может, было. Чувствуешь свою неполноценность. Дело не в дисциплине. Дело в том, что другие работают, а ты нет. Следовательно, они работают за тебя.

Лучше всего приходит минут так за двадцать, за пятнадцать. Ночная смена еще не ушла, утренняя только приходит. Их бригадир передает работу нашему. Рабочие переодеваются, смеются, шутят, рассказывают всякие небылицы. Мы знаем, кто говорит правду, а кто врет.

Дождаясь смены, мы сидим на скамейке у ворот гаража. Утреннее солнышко приятно греет. Шоферы с путевками выбегают из диспетчерской, они опоздали и должны торопиться. Машины выезжают на линию, оставляя за собой голубоватый дымок.

Во дворе стоит директор. Все с ним здороваются: «Здравствуйте, Владимир Георгиевич». И директор отвечает: «Здравствуйте». Одних он называет по имени-отчеству, других только по имени, третьих только по фамилии, а некоторых никак не называет, просто говорит «здравствуйте». Например, нам.

Впрочем, Игоря он называет по имени. Игорь работает в конторе, в техническом отделе, трется возле начальства, и директор знает, что его зовут Игорь. А фамилии, может быть, не знает.

Игорь ходит по цехам и заполняет бланки. В руках у него большая блестящая папка, в кармане самопишущая ручка, он угощает рабочих папиросами «Беломор». Держит себя ласково-снисходительно, будто он заместитель главного инженера.

Так он держится с рабочими. А нам подмигивает, якобы потешаясь над собственной ролью. Насмешливо называет себя «клерком». Чтобы мы не подумали, будто он задается. Знает: тех, кто задается, мы быстро от этого отучаем. Очень простым способом. И не хочет испытать на себе этот способ.

Игорь любит околачиваться среди старших, любит быть в курсе всего, находиться в центре событий. Знает по имени-отчеству все начальство, всех механиков, мастеров и бригадиров. Знает, что нашего начальника эксплуатации скоро заберут в трест, и даже называл фамилию будущего начальника эксплуатации. Сообщил, что директору вчера вlepили выговор за плохую подвозку материалов на строительство жилого квартала в Черемушках. Словом, Игорь знал такое, чего ни я, ни Шмаков Петр, ни другие ребята никогда бы не узнали.

Он знал даже владельцев легковых машин, которые подъезжали к нашему гаражу. Выйдет, бывало, на улицу и показывает:

«Эта „Волга“ известного врача-гомеопата, по фамилии Липа. А та, двухцветная, — одного типа, он на Центральном рынке фруктами торгует. А этот вот задрипанный „Москвичок“ — профессора такого-то...»

Хотя Игорь околачивается возле начальства, всех знает и угощает рабочих папиросами «Беломор», он никаким авторитетом среди них не пользуется. Рабочие даже не знают, что он такой же практикант, как мы. Думают, что это новый служащий из технического отдела.

В школе Игорь считался «выдающейся личностью», а здесь мы чувствуем свое превосходство. Ведь у нас со Шмаковым самая грязная работа, мы не вылезаем из-под машин. Мы этим очень гордимся. Гордимся нашими грязными куртками и замасленными брезентовыми брюками. У меня нет технических наклонностей, но уж если пришлось работать, надо работать. И, когда Игорь со своей блестящей папкой приходит к нам в гараж за сведениями, мы ему отвечаем:

— Подожди, некогда, не видишь разве?!

Услышав такой ответ, Игорь очень злится, хотя и старается не показывать этого.

Так получилось и сегодня.

Мы со Шмаковым снимали с машины прогоревший глушитель. Нет ничего канительнее этой работы. Стоишь в яме и возишься с обгорелым глушителем. Работать неудобно, ни к чему не подберешься. Болты, гайки заржавели, ничего не провернешь, ничего не поддается. Шмаков кряхтел изо всех сил, но дело не подвигалось.

И вот у края ямы появляется Игорь, присаживается на корточки и ласково говорит:

— Здорово, трудяги!

— Здорово! — ответил я довольно неприветливо.

А Шмаков и вовсе ничего не ответил.

— Втыкаете?!

Но ответа от нас не дождался и сказал:

— Сегодня после работы общее собрание практикантов. Явка обязательна.

— Начинается, — пробормотал я.

— Чего ты бормочешь? — ласково спросил Игорь.

— А то, что надоели твои собрания!

— Оно не мое, — все так же ласково возразил Игорь, — главный инженер собирает и Наталья Павловна.

Наталья Павловна — наша классная руководительница.

— Знаем, — ответил я, — ты подстроил.

— Я вас предупредил! — объявил Игорь и ушел вместе со своей блестящей папкой.

Мы со Шмаковым продолжали работать. Проклятый глушитель никак не поддавался, и я очень нервничал. Ведь мы работали со слесарем Лагутиным. А это очень неприятный тип.

Здоровый, красивый парень. Но грубиян ужасный. По малейшему поводу выражался самыми нецензурными словами. Лицо его при этом свирепело, наливалось кровью, глаза дико вращались, он становился какой-то бешеный. Я твердо решил: если Лагутин попытается меня оскорбить, я ему дам достойный отпор.

Лагутин увидел, как мы долго возимся с глушителем, и спустился в яму. Но при этом довольно грубо оттолкнул меня. Конечно, яма тесная, в ней трудно не задеть другого. Но я был уверен, что Лагутин оттолкнул меня нарочно, и сказал:

— Можно не толкаться?

Лагутин не нашелся что ответить. Только вытаращил на меня глаза. Но, когда мы, наконец, сняли глушитель и вытаскивали его из ямы, он ни за что ни про что обругал Шмакова Петра.

Шмаков преспокойно ругнулся в ответ.

Я потом ему сказал:

— Ругаясь, ты унижаешь самого себя.

— Я не член-корреспондент, — ответил Шмаков Петр.

Особенно возмущало меня отношение Лагутина к Зине. Зина была диспетчером автобазы. И она была влюблена в этого Лагутина, что ли, черт их разберет... Раз двадцать в день появлялась в гараже. Делала вид, что ищет кого-то. А искать в гараже некого. Кого надо, можно вызвать по радио: «Водителя такого-то просят немедленно зайти к диспетчеру».

Зина проходила по гаражу и смотрела на Лагутина. У него делалось сонное лицо. А если она подходила к нему, то хмурился, делал вид, что занят, что ему некогда. Зина уходила. Жалко было на нее смотреть. И противно. Нельзя так унижаться!

Шмаков по этому поводу говорил:

— Чего она за ним бегаёт?! Не обязан он с ней гулять. Дура!

А мне было жалко Зину. Не будет же она ни с того ни с сего приставать к Лагутину. Может быть, он с ней гулял, потом бросил?

Бывают иногда случаи, что девушка ни с того ни с сего влюбляется в парня, даже если он не обращает на нее внимания. Но такие случаи редки. Я знаю только один такой случай. Это наша одноклассница Надя Флерова. Худущая такая девчонка с блестящими глазами. Она дружит с Майкой Катанской. А Майка самая красивая девочка в школе. И если какой-нибудь деятьель влюбляется в Майку, то Надя Флерова немедленно влюбляется в этого деятьеля.

Это, конечно, исключительный случай. Надя Флерова влюбляется из чувства соперничества к подруге. А может быть, наоборот, из чувства солидарности. Такие дела интересуют меня меньше всего.

Майка Катанская и Надя Флерова работали в обойном цехе. Там ремонтируют сиденья, шьют брезентовые покрытия, инструментальные сумки и тому подобное.

Когда Майка проходила по автобазе, все на нее смотрели. Такая она красивая. Высокая, с двумя длинными черными косами. Мне было неприятно, что все на нее смотрят. Что за привычка — оборачиваться вслед человеку!

Лагутин тоже смотрел на Майку. Видно было, что она ему нравится. Он понес вдруг в обойный цех сиденье с машины. Сиденье было совсем хорошее. Но Лагутин сказал, чтобы отремонтировали. А вчера, когда мы уходили домой, он стоял в воротах и смотрел на Майку. И что-то сказал ей и Наде Флеровой.

Что именно он сказал, я не расслышал. Но в ту минуту я решил: если Майка ответит Лагутину, то я буду ее презирать. Женщина, не оберегающая своего достоинства, ничего другого не заслуживает.

Майка даже не обернулась.

Я этому очень обрадовался.

Обернулась Надя Флерова. Но на Надю Флерову мне плевать!..

Мы сняли глушитель и отнесли его на заварку. Потом принесли с заварки и очень долго ставили. Ставить глушитель еще труднее, чем снимать: приходится держать его на весу, затекают руки.

Теперь, чтобы закончить эту машину, надо заменить ей подшипники передних колес. Подшипники я уже принес со склада. В глянцевиной, промасленной бумаге они

лежали на верстаке. Но ставить их должен сам Лагутин. А его не было, он околачивался в обойном цехе. Я пошел за ним туда.

С довольной физиономией Лагутин сидел на краю верстака и курил. Майка строчила на машине. Надя Флерова шила на руках. Мастер Иван Кузьмич кроил на полу кусок дерматина.

— Надо ставить подшипники, — сказал я Лагутину.

Он ничего не ответил.

Я не стал повторять. Он хорошо расслышал, что я сказал.

Я подошел к девочкам. Мне было интересно послушать, как с ними разговаривает такой грубиян, как Лагутин. Но он молчал. Может быть, я перебил его. Может быть, он не хотел при мне продолжать. А может быть, к моему приходу уже все закончил, исчерпал себя.

Вдруг в цех вошла диспетчер Зина и остановилась в дверях.

Я подумал, что сейчас будет небольшой скандалец, и очень этому обрадовался. Пусть Майка увидит, каков фрукт этот Лагутин.

— Товарищ Лагутин, можно вас на минуточку, — жалким голосом проговорила Зина.

У Лагутина сделалось сонное лицо.

— Чего еще?!

— На минуточку, — повторила Зина.

Все мы, и Майка, и Надя, и даже мастер Иван Кузьмич, смотрели на них.

Лагутин нахмурился:

— Что за секреты такие?

— По делу, — сказала бедная Зина.

— Ладно, — лениво сказал Лагутин, — зайду в диспетчерскую.

Зина постояла еще немного, повернулась и вышла из цеха.

Наступило молчание.

Я улыбался.

Лагутин исподлобья посмотрел на меня:

— Чего зубы скалишь?!

На что я ответил:

— Мои зубы, хочу и скалю. Идемте лучше ставить подшипники, а то мы уйдем на собрание.

Он прямо позеленел, когда я сказал «лучше». Понял, на что я намекаю. И проворчал:

— Без вас поставят.

— Как хотите, — сказал я и вышел из цеха.

4

После работы мы собрались на пустыре и уселись возле старой машины «ГАЗ—51». Эта машина была списана. Как негодная подлежала разборке на части.

Собрание открыл Игорь. Он сказал, что мы отработали неделю и пора подвести итоги. Но прежде всего надо выбрать председателя и секретаря.

Председателем выбрали его самого. Игоря у нас всегда выбирали председателем. Секретарем предложили меня. Но я сказал, что у меня болит рука, я ушиб ее молотком. Это было давным-давно, я уже забыл об этом. А теперь, к счастью, вспомнил. Мне

поверили. Вместо меня секретарем выбрали Макарову.

На собрание пришли наша классная руководительница Наталья Павловна и главный инженер автобазы. Тот самый, который водил нас в первый день по цехам. Оказывается, он считается руководителем нашей практики. А я и не знал.

Главный инженер сказал, что администрация автобазы создала нам наилучшие условия. Все ребята распределены согласно их интересам, склонностям и личным качествам. Все цеха и бригады оказывают нам полное внимание. В общем, все идет прекрасно. Он надеется, что мы получим трудовые навыки. А если у кого есть претензии, он их с удовольствием выслушает.

Но по его лицу было видно, что претензии он выслушает без всякого удовольствия. Все молчали, никто не выражал претензии.

Тогда Игорь сказал, что он целиком присоединяется к главному инженеру. Практика идет прекрасно. Администрация относится к нам великолепно. Все ребята сделали колоссальные успехи. А если кто и отстает, то сам виноват, пусть подтягивается. Но кто именно отстает, Игорь не сказал. Он старается никого не задевать.

На самом деле практика у нас шла вовсе не так хорошо, как они говорили. Взять, например, меня со Шмаковым. Мы только последние два дня работали нормально. А до этого были «на подхвате». А те, кто работали в механическом цехе, до сих пор ничего не делали. Стояли за спинами рабочих, смотрели, как те работают на разных станках. Мы их называли «заспинниками». Один из таких «заспинников», Солоухин, сидел рядом со мной. Я подтолкнул его, чтобы он высказался. Солоухин махнул рукой: не хотел связываться.

Тогда я сказал:

— Некоторые ребята не работают, только смотрят.

— Нет, — возразил главный инженер, — они не смотрят, а наблюдают. У них наблюдательная практика.

Наша классная руководительница Наталья Павловна очень обрадовалась тому, что все идет хорошо. Она всегда радуется, когда все идет хорошо, и огорчается, когда идет плохо. И мне тем более не хотелось ее расстраивать. Она уже старенькая, и у нее слабое сердце. И я не стал возражать главному инженеру.

Наталья Павловна сказала, что она очень рада тому, что все идет хорошо. Но, добавила она, практику надо увязывать с учебным процессом, со школьной программой. Когда мы работаем, мы должны все время думать про физические и химические законы, которые изучали в школе. Должны увязывать эти законы с тем, что мы видим и делаем на производстве.

Мы ничего не возразили Наталье Павловне. Мы никогда ей не возражаем. Пусть себе говорит.

После этого главный инженер сказал:

— Товарищи! Я, к сожалению, не успел просмотреть ваши наряды. Но думаю, что заработок каждого составит не менее чем рубль тридцать в день.

Все этому обрадовались и очень оживились.

— Внимание! Есть существенное предложение! — с важным видом объявил Игорь.

Но ребята не могли успокоиться. Рубль тридцать в день! Никому не снились такие деньги... Особенно девочкам. Они хихикали, перешептывались, наверно, обсуждали, как будут тратить свою зарплату.

— Тише, дети, — сказала Наталья Павловна, — чем тише вы будете сидеть, тем скорее мы кончим собрание.

Она всегда так нас успокаивала.

Но Игорь очень обиделся, что ребята не хотят выслушать его существенное предложение. При всей своей воспитанности он был очень капризен. Он обиженно надул губы и сразу стал похож на ребенка:

— Если это неинтересно, то я могу не говорить.

Это были красивые слова. Ни при каких обстоятельствах Игорь не отказался бы говорить. Когда все успокоились, он сказал:

— Наталья Павловна совершенно права: надо увязать нашу работу со школой. А потому я вношу такое существенное предложение...

Тут Игорь сделал паузу, чтобы заинтриговать нас и придать своим словам больше значительности. Это примитивный ораторский прием. Однако у Игоря он всегда достигал цели — воцарялась напряженная тишина. Я же, наоборот, никогда не умел пользоваться этим приемом. Как только я делал паузу, тут же начинал говорить кто-нибудь другой. Игорь убедился, что все его слушают, и торжественно произнес:

— Я предлагаю общими усилиями нашего класса восстановить этот списанный автомобиль и подарить его нашей школе.

И он величественным жестом показал на сломанный автомобиль, возле которого мы сидели.

Все обернулись и воззрились на эту несчастную машину. Даже человеку, незнакомому с автомобильным делом, было очевидно ее плачевное состояние. Она стояла на деревянных колодках и была совершенно «раскулачена»: с нее были сняты все сколько-нибудь годные части.

— Состояние этой машины тяжелое, — продолжал Игорь. — Но тем значительнее будет наша заслуга!..

И он сказал еще несколько прочувствованных слов. Если мы восстановим эту рухлядь, то увековечим наш класс, прославим себя в веках и о нас будут говорить потомки. Он сказал несколько по-другому, но смысл был такой.

У Натальи Павловны сделалось растерянное лицо. Она всегда приходила в замешательство, когда кто-нибудь из нас выступал с неожиданным предложением. Не знала, как на это отреагируют директор школы и завуч.

— А вы справитесь с этим? — тревожно спросила Наталья Павловна.

Все были так обрадованы предстоящей большой получкой, что потеряли способность к здравому суждению. И хором закричали: «Справимся!»

Я тоже был рад, что получу такие большие деньги. Но нельзя же из-за этого терять самообладание, здравый смысл и трезвый взгляд на вещи.

Я сказал:

— Прежде всего давайте осмотрим этот тарантас. И тогда будем решать. — И, чтобы мои слова выглядели убедительнее, добавил: — Надо составить дефектную ведомость и определить объем работ.

Вот какие словечки я ввернул! Они произвели на ребят большое впечатление.

Даже Игорь не нашелся что ответить. Только насмешливо спросил:

— Ты, по-видимому, боишься?

— Ничего я не боюсь! — ответил я. — Но надо подойти ответственно.

Тут встал Вадим Беляев, ткнул пальцем в кузов несчастной машины и сказал:

— Я отлично знаю этот драндулет. Он еще в очень хорошем состоянии. А если

чего не хватает, то я достану в два счета.

Так как в дальнейших событиях Вадим будет играть существенную роль, я скажу о нем два слова.

Во-первых, Вадим закадычный друг Игоря, его верный помощник и адъютант. Не помню, в каком классе мы сочинили про Игоря песенку, в которой были такие слова:

~И, ожидая приказаний,

~Вадим трепещет перед ним...

«Перед ним» — перед Игорем.

Во-вторых, Вадим «трудный ученик». В том смысле, что был известный на всю школу делец. Он менял марки, завтраки, конфетные и спичечные этикетки, устраивал по благу подписки на всякие собрания сочинений, во время фестиваля молодежи доставал значок какой угодно страны, даже Канады. Вадим мог раздобыть билет на любой футбол, концерт, выставку, куда угодно. Как это ему удавалось, никто не знал. Он не был спекулянтom. Он был даже, в общем, невредный парень. Но у него была судорожная страсть что-то доставать, что-то менять. Может быть, он был просто больной. Ведь предупреждала же нас Наталья Павловна, что Вадим вроде как психический, и заклинала нас не вступать с ним ни в какие сделки.

В первый день практики Вадим принес на автобазу карманный радиоприемник величиной с папиросную коробку «Казбек», только потолще. Где достал Вадим этот приемник, я не знаю. Он его принес, удивил всех и больше не приносил.

На следующий день Вадим явился в финских брюках, очень узких, в обтяжку, прошитых вдоль и поперек белыми нитками. Это хорошие, удобные брюки с множеством карманов. Но толстому Вадиму они были узки. Он не мог в них ни сесть, ни встать. Они даже не застегивались у него на животе. На следующий день на Вадиме этих брюк уже не было.

Так каждый день Вадим удивлял всех какой-нибудь новой вещью. То принесет большой красочный проспект с моделями американских автомобилей, то папиросную зажигалку с вделанной в нее крошечной пепельницей. То еще что-нибудь. В общем, разное. Принесет на одни день, а потом эта вещь исчезает неизвестно куда. И непонятно, чья эта вещь, Вадима или еще чья-нибудь. Может быть, он ее просто взял взаймы.

Но из-за этих штучек Вадим сразу стал заметной и даже известной фигурой на автобазе. Его знали все. Тем более, что Вадим предпочитал быть «на подхвате», любил разгуливать по автобазе. Я не мог понять толком, в каком цехе он работает. То он возился на складе, то уезжал куда-то с агентом, то выполнял поручения Игоря.

И вот теперь он стоял, толстый, упитанный, розовощекий, с твердым светлым ежиком на голове, в громадных роговых очках, и утверждал, что он все достанет в два счета.

— Вот видишь, — мягко, но с упреком сказал мне Игорь, — Вадим понимает общую задачу, а ты не понимаешь.

— Я-то понимаю, — ответил я, — а Вадим болтает, чего не знает!

— Нет! — возразил Игорь. — Машину можно восстановить. Я тоже в этом немного разбираюсь.

Игорь, намекал на то, что у его брата есть «Москвич» и он, Игорь, лучше нас всех водит машину. Но водить машину — одно, а ремонтировать — совсем другое.

— Вот так, — продолжал Игорь. — А в тебе, Крош, нет энтузиазма. Ты не хочешь участвовать в общем деле.

— Не извращай мою мысль, — сказал я. — Я хочу участвовать в общем деле. Но не хочу, чтобы мы раздавали пустые обещания. Я работаю в гараже и знаю, что такое автомобиль в целом. Надо прежде всего определить объем работ. Пусть Шмаков Петр скажет, он тоже работает в гараже.

Но Шмаков Петр ничего не сказал. Он и без того молчалив, а на собраниях у него и вовсе пропадает дар речи. Он покряхтел, но не выдал из себя ни слова.

Зато сказал Вадим:

— Считаю предложение Игоря реальным. Пусть выскажутся ребята.

— Пусть выскажутся, — согласился Игорь, — а Крош всегда против. Это не его вина, а его беда.

Этим выражением он хотел меня унижить.

Ребята, работавшие в механическом, спросили, будут ли они сами вытачивать детали для нашей машины или будут только наблюдать.

— Конечно, сами, — заверил Игорь. — Правильно, Вячеслав Петрович?

Вячеслав Петрович — главный инженер. Он ответил:

— Если вы будете восстанавливать машину, то только своими руками.

Но никто не обратил внимания на его многозначительное если. Все обратили внимание только на слова: своими руками.

Полекутин и другие ребята, работавшие в моторном цехе, заявили, что они наверняка соберут мотор на машину.

Майка и Надя Флерова взялись сшить сиденья и спинку сиденья.

Те, кто работал в электроцехе, сказали, что у них в цехе полно всякого электрооборудования. Его можно восстановить и поставить на машину.

Рождественский и Гаркуша взялись покрасить машину в любой цвет. Резвяков обещал заварить все нужные части — он работал на сварке. Свидерский и Смирнов сказали, что отремонтируют радиатор и сделают все медницкие и жестяницкие работы. Словом, все загорелись этой идеей.

— Наш класс единоклубен, — сказал Игорь. — Кроме Кроша. К счастью, он остался в гордом одиночестве.

Я возразил, что меня не поняли. Я вовсе не против, но считаю...

Игорь перебил меня и, противно улыбаясь, сказал, что я могу на деле доказать, что я не против...

Почему так получается? Какую бы глупость ни говорил Игорь, все с ним соглашались. А когда я говорю, на лицах появляется недоверчивое выражение, будто ничего, кроме ерунды, от меня ждать нельзя. Каждый раз я даю себе зарок больше не выступать. И все же опять выступаю.

— Теперь, — сказал Игорь, — я предлагаю избрать штаб. Он будет руководить работой по восстановлению машины.

— Зачем штаб?! — закричал я. — Только заседания устраивать!

Все закричали, что действительно никакого штаба не надо. Никто не хотел заседать.

— Это правильно, — вдруг согласился Игорь, — пожалуй, штаба не надо. Но руководителя выбрать необходимо. Чтобы координировать работу.

Ему самому хотелось быть руководителем.

Тогда я предложил Полекутина, который лучше всех разбирается в технике.

— Полекутин лучше всех разбирается в технике. Пусть он и будет руководителем. Но подлиза Вадим возразил:

— Для руководителя нужны организаторские способности. Поэтому я предлагаю Игоря. Он работает в конторе и будет все координировать. А Полекутина я предлагаю избрать заместителем по технической части.

Все с этим согласились. Выбрали Игоря руководителем, а Полекутина заместителем по технической части.

Игорь заявил:

— Как хотите, но необходим помощник по снабжению. Я предлагаю Вадима. Пробивной парень.

Вадим, конечно, пробивной парень. Но он любит делать всякие дела, может зарваться и скомпрометировать нас.

И я сказал:

— Я против.

— Почему? — спросил Игорь.

Я не хотел говорить почему.

— Против, и все!

— Надо обосновать свой отвод, — настаивал Игорь.

Я ляпнул:

— Он твой приятель.

Все расхохотались. Игорь опять противно улыбнулся:

— Это не основание для отвода.

Снабженцем выбрали Вадима.

Тогда Игорь заметил:

— Вот видите: я, Полекутин и Вадим и есть тот штаб, который я предлагал с самого начала.

Решили, пусть это называется штабом. Черт с ним, если ему так хочется!

— Теперь, — сказал Игорь, — пусть каждый цех выберет старшего.

Все стали выбирать.

В гараже работали только двое: Шмаков Петр и я.

Шмаков выбрал в старшие меня.

5

От этого собрания у меня остался на душе неприятный осадок. Мне казалось, что ребята только и думают о моем неудачном выступлении и смеются надо мной.

Разве я против восстановления машины? Мне было только неприятно, что это предложил Игорь, а не кто-нибудь другой. Например, Полекутин, который лучше всех разбирается в технике. Полекутин предложил бы это для дела, а Игорь для того, чтобы показать себя.

Я много раз замечал: Игорь затевает какое-нибудь дело, подает идею, подымает шум и треск, а когда все проваливается, виноватыми оказываемся мы. И я не хотел, чтобы это повторилось сейчас.

Это мне и следовало сказать на собрании. Напомнить об идеях Игоря, привести примеры из прошлого. Все бы закричали, что я прав. Игорь с Вадимом остались бы в позорном меньшинстве.

Но собрание прошло. Эту речь я уже не мог произнести. Я пересказал ее в общих чертах Шмакову Петру. Шмаков сказал:

— Плюнь!

Я заговорил с Полекутиным. Он тоже сказал:

— Плюнь!

Полекутина мы называем «папашей», такой он высокий и здоровый. Он и Шмаков самые сильные в классе.

Вскоре я убедился, что никто и не думал о моем неудачном выступлении. Даже Вадим забыл, что я давал ему отвод. Впрочем, Вадим легкомысленный человек.

Вадим помогал теперь Игорю. А Игорь развил бурную деятельность, завел себе еще одну блестящую папку. В нее он складывал бумаги, относящиеся к восстановлению машины. В этих бумагах одобрялась наша инициатива. Игорь был даже в райкоме. Там тоже одобрили нашу инициативу. Однако бумажки не дали, сказали: «Валяйте действуйте!»

Я не понимал: при чем тут бумаги? Нужны не бумаги, а запасные части.

Игорь собирал бумажки, а машина между тем валялась на пустыре. Рабочие начали над нами посмеиваться. Мол, взялись не за свое дело.

Слесарь Коська сказал:

— Комики!

А бригадир Дмитрий Александрович выразился так:

— Артисты.

Я сказал Шмакову Петру:

— Рабочие над нами смеются.

На что последовало его обычное:

— Плевать!

Я пошел в моторный цех к Полекутину.

— Надо что-то делать.

— Что же я сделаю? — спросил Полекутин.

— Как — что? — удивился я. — Ведь ты заместитель по технической части. Надо думать.

— Пусть Игорь думает, это его идея.

— А почему ты молчал на собрании?

На этот убийственный довод Полекутину нечего было ответить.

Тогда я предложил:

— Соберемся после работы и осмотрим этот несчастный драндулет.

После работы мы собрались на пустыре. Я, Шмаков Петр, Полекутин, Гринько из электроцеха, Таранов из агрегатного. Я позвал их, чтобы более квалифицированно решить вопрос.

Мы подняли капот и осмотрели двигатель. Он был грязный, без свечей, без ремня, вообще какой-то пустой.

— Я не могу сказать, в каком состоянии двигатель, — объявил Полекутин, — его надо снять и разобрать.

Мишка Таранов сказал:

— И коробку скоростей надо снять, и задний мост, и передний мост. Снять и разобрать. Тогда мы увидим, в каком они состоянии.

Гринько высказался более определенно:

— На машине нет никакого электрооборудования.

А Шмаков Петр сказал:

— Щиток сняли.

Действительно, на том месте, где полагалось быть щитку, торчали голые провода.

— И подушки сперли, — добавил Шмаков.

Сидений в кабине не было.

Мы начали думать, что нам делать.

Я предложил:

— Давайте составим дефектную ведомость.

Дефектная ведомость — это такая ведомость, в которой указаны все дефекты машины.

— Где мы ее возьмем? — спросили ребята.

— Сейчас достану, — ответил я и пошел в гараж.

В верстаке у Лагутина я видел пачку таких ведомостей. Они напечатаны типографским способом. В них перечислены все части автомобиля. Надо против каждой части поставить галочку: годная эта часть или негодная. Очень здорово придумано.

В гараже никого не было, все ушли на обед. Я открыл верстак и увидел там пачку ведомостей. Но когда я поднял эту пачку, то увидел под ней два подшипника. Те самые, которые позавчера мы с Лагутиным должны были поставить на машину и про которые Лагутин сказал, что поставит сам. Это были именно те подшипники в той же промасленной бумаге. Рядом лежал бланк требования, по которому я получал эти подшипники на складе.

Как же так? Ведь машина уже вышла из ремонта, а подшипники лежат в верстаке. Значит, Лагутин забыл их заменить. И машина вышла из ремонта со старыми подшипниками. Халатный человек этот Лагутин.

Я вернулся на пустырь. Возле наших ребят стоял шофер Зуев.

— В этой машине толку не будет! — сказал Зуев. — Легче новую собрать.

Удивительная особенность шофера Зуева заключалась в том, что он был всегда небрит. Если человек не бреется совсем, то у него вырастает настоящая борода. А если он хоть редко, но бреется, то в какой-то день он должен быть выбритым. А рыжая щетина Зуева всегда была одной и той же величины. Не увеличивалась и не уменьшалась.

Это был худой, молчаливый человек. Шофер. Но за какую-то провинность его сняли с машины и перевели в гараж. Кажется, даже временно лишили водительских прав. Не знаю точно. Меня он не интересовал. Он был какой-то апатичный. С кем он сошелся, так это со Шмаковым Петром. Они любили разговаривать. Сядут в холодке и произносят по одной фразе в полчаса.

— Пионерский лагерь знаете? — спросил Зуев.

— Конечно! — ответили мы.

— Там стоит другая списанная машина. Куда лучше этой. А за эту и не беритесь.

Зуев ушел.

Полекутин объявил:

— Ничего не выйдет.

И стал доказывать, что восстановление машины обойдется чуть ли не в две тысячи рублей. Полекутин здорово разбирался в технике.

— Почему ты молчал на собрании? — спросил я.

— Тогда я не знал, в каком она состоянии.

— Ага! А ведь я предлагал сначала осмотреть.

— Я не помню, что ты предлагал! — ответил Полекутин. — У тебя вообще не поймешь, что ты предлагаешь. А эту лайбу нужно отправить на свалку.

— Хорошо, — дипломатично сказал я, — раз уж мы ее осмотрели, давайте составим дефектную ведомость.

В дефектной ведомости нам пришлось писать всего два слова: «в ремонт» и «отсутствует».

Двигатель — в ремонт, аккумулятор — отсутствует, коробка передач — в ремонт, динамо — отсутствует. И все в таком духе.

Мы кончили составлять дефектную ведомость. Появились Игорь и Вадим. В руках у Игоря была его знаменитая папка. В руках у Вадима ничего не было.

— Привет! — сказал Игорь. — Чем занимаемся?

Я объяснил ему, чем мы занимаемся.

— Прекрасно!

Игорь сел на подножку, вынул из папки чистый лист бумаги, из кармана вечную ручку и начал что-то писать.

— Что ты пишешь? — спросили мы.

Он ничего не ответил и продолжал писать. Потом прочитал написанное, сначала про себя, затем вслух:

— «Поручается товарищам Полекутину, Крашенинникову, Шмакову, Гринько и Таранову составить дефектную ведомость и представить ее в штаб».

Мы молчали: не знали, как на это реагировать.

Только Вадим сказал:

— По этой ведомости я все моментально достану.

Игорь мечтательно посмотрел на Вадима и дописал:

«Помощнику по снабжению Вадиму Беляеву — обеспечить запасными частями».

— Теперь не подкопаешься, документация в порядке, — сказал Игорь, щуря глаза с таким видом, будто эту писанину он ведет только для того, чтобы заткнуть рот каким-то там бюрократам.

Мы понимали, что Игорь сам законченный бюрократ.

6

Мы пошли домой вчетвером: я, Шмаков, Игорь и Вадим. Мы живем на одной улице. Я со Шмаковым в одном доме, Игорь с Вадимом в соседнем.

Во дворе мы увидели малышей, игравших в футбол, и включились в игру. Решили доставить малышам удовольствие: им не может не польстить, что мы с ними играем.

Вадим — толстяк, носился как угорелый, толкался, «ковался» и бил мимо ворот.

Шмаков, наоборот, стоял на одном месте и ждал, когда к нему прилетит мяч. А когда мяч прилетал к нему, выбивал его на соседний двор.

Игорь играл на эффект. Хотел, чтобы все видели, как здорово он забивает голы. Требовал, чтобы ему пасовали. Если не забивал гол, говорил, что ему дали плохой пас. Сам он никому не пасовал.

Мы погоняли мяч минут пятнадцать. Потом надоело. Тем более, что малыши расхныкались. Заскулили, что мы не даем им бить по мячу. Одного, самого задиристого, мы слегка, по-отечески, проучили, чтобы с малолетства не привыкал склочничать. Но мяч им отдали. Бог с ними, пусть и они поиграют...

Мы уселись вокруг вкопанного в землю стола. По вечерам здесь играют в домино. Домой идти не хотелось. Был июньский, солнечный день. Не такой жаркий и утомительный, как в центре города, а легкий и приятный. В нашем районе

микроклимат! Особый климат, гораздо лучший, чем климат других районов Москвы.

Мы живем на окраине города. Вернее, на бывшей окраине. Теперь здесь новый жилой массив. Вдоль широких проспектов стоят восьми— и шестиэтажные дома.

Но раньше здесь была деревня. Я даже помню остатки этой деревни: косогоры, овраги, разбитая бульжная мостовая, сельмаг, телефон-автомат, один на всю улицу, деревянные домики, еще и сейчас сохранившиеся кое-где на задних дворах.

До сих пор мы употребляем названия, оставшиеся от тех далеких времен: «Дедюкин лес», «косогор», «ссылный овраг»... Оврага и косогора больше нет. От леса осталось несколько деревьев, там собираются разбить парк.

Мы сидели во дворе, вокруг деревянного столика, и наслаждались нашим микроклиматом.

Игорь очень смешно рассказывал про контору, где он работал. Игорь любил тереться среди старших, курил, важно рассуждал с ними, а за глаза всячески высмеивал. И он очень красочно и смешно расписал недостатки работы конторы.

Мне тоже захотелось рассказать про недостатки работы гаража. Но никаких особенных недостатков у нас нет. К счастью, я вспомнил про подшипники и сказал:

— У нас тоже случаи бывают дай бог! Выписывают на машину новые детали и забывают их поставить.

И рассказал про подшипники, которые видел в верстаке у Лагутина.

В ответ Игорь снисходительно изрек:

— Крош, ты наивен!

А Вадим чуть не подавился от смеха:

— Ой, Крош, уморил!

Даже у Шмакова на лице появилось слабое подобие улыбки. Я с недоумением смотрел на них, не понимал, чего они смеются.

— Чудак ты! — сказал Вадим. — Он их нарочно не поставил. Оставил на машине старые, а новые загонит налево.

Я опешил:

— Но ведь это обман. Машина со старыми подшипниками выйдет из строя.

— Не выйдет, — успокоил меня Игорь, — старые подшипники еще наверняка хорошие, иначе бы он их заменил.

— Все равно — жульничество! — сказал я.

Игорь прищурился:

— Каждый делает свой маленький бизнес.

— Не каждый, — возразил я, — только Лагутин.

— Тем лучше, — рассудительным голосом проговорил Игорь, — единичный случай. И потом: если бы старые подшипники сменили, их бы выбросили. А так они еще ходят. Никто особенно не пострадал.

— Лагутин украл эти подшипники, — сказал я. — Так и надо?

Игорь поморщился:

— Зачем употреблять сильные слова? «Украл»! Скомбинировал! Сообразил на сто грамм... Сколько стоят эти подшипники? Рубль, полтора... Мелочь!

Я сказал:

— Какой же это рабочий класс? Таскать у собственного государства.

Игорь махнул рукой:

— Высокие слова...

Но тут во двор въехала «Победа». Из нее вышли девушка и два парня, приятели

Игоря... Игорь поднялся и пошел к ним...

У каждого из нас есть знакомые ребята помимо школы и помимо дома, где мы живем. Это вполне естественно. Иногда это родственники. Какие-нибудь двоюродные братья или сестры, живущие на другом конце Москвы. Иногда знакомые, которые неизвестно откуда взялись.

Один такой знакомый есть и у меня. Юра, сын Полины Григорьевны. С Полиной Григорьевной моя мама познакомилась на курорте давным-давно, много лет назад. С тех пор они изредка звонят друг другу по телефону. Болтают о разных пустяках. Говорить им совершенно не о чем. Но каждый разговор заканчивается фразой: «Обязательно надо повидаться». Видятся они раз в году. Один раз в году мама ездит к Полине Григорьевне. В следующем году Полина Григорьевна приезжает к маме. Это называется «курортное знакомство».

И вот, когда Полина Григорьевна приезжает к нам, она приволакивает с собой Юру. Перед их приездом мама «делает глаза»:

— Сегодня придет Полина Григорьевна. Будь дома и займи Юру.

Чем его занимать, я не знаю. Это поразительно унылый тип. Все, что отпустила ему природа, ушло у него в рост. Он на голову выше моего папы, а папа на голову выше меня. Костлявый, как Кощей. И похож на вопросительный знак.

Говорить с ним абсолютно не о чем. Он учится в спецшколе, где преподавание ведется на французском языке. И если открывает рот, то только для того, чтобы произнести какую-нибудь французскую фразу. Так он учится думать по-французски.

Мне это в конце концов надоело, и я стал шпарить по-английски. У меня достаточный запас слов, чтобы городить всякий вздор. Так мы с ним и проводили вечер. Он произносил длинные французские фразы, я по-английски чесал все, что взбрело на ум.

Прощаясь, он говорил: «Же ву ремерси де ту кер, пур се суар агреабль», что означало: «Сердечно благодарю вас за приятный вечер». На что я отвечал: «Джон ком ин зе руум энд супен зе виндау», что означало: «Когда Джон входит в комнату, он открывает окно». Эту фразу я вызубрил еще в шестом классе.

Наши мамы стояли в коридоре и радовались тому, как здорово мы владеем иностранными языками.

Такой у меня знакомый. И я не прятал его от своих товарищей. Когда мне надоел наш англо-французский разговор, я выводил Юру во двор. Знакомил с ребятами, предоставляя возможность ему играть с ними, а им — любоваться таким удивительным экземпляром. Впрочем, он никогда не играл, стоял в стороне, смотрел на нас и изредка думал по-французски.

Другие наши ребята тоже имели посторонних знакомых. И при случае знакомили нас с ними. Это в порядке вещей. Другое дело Игорь.

Игорь никогда не знакомил нас со своими приятелями. Он нас стыдился. Строил из себя взрослого. Не хотел показывать своим еще более взрослым приятелям, что водится с маленькими. Маленькими он считал нас.

Нам, конечно, на это наплевать. Мы никому не набиваемся на знакомство. Но в поведении Игоря была какая-то подлость. Когда появлялись его приятели, он старался отделаться от нас. Прибежал к недостойным уловкам. Нарушал товарищескую этику.

Так и сейчас. Как только «Победа» подъехала к тротуару, у Игоря на лице появилось отчужденное выражение, он поспешно встал и направился к машине.

Как я уже сказал, из машины вышли девица и два парня, одетые подчеркнуто

небрежно: кеды, помятые брюки, спортивные куртки. Только на девушке вместо куртки был полосатый свитер.

Они поздоровались с Игорем. О чем-то поговорили. Игорь поднял руку с открытой ладонью. Этот жест обозначал у него: «Все будет сделано». Потом они сели в машину и уехали по направлению к автобазе.

Мы со Шмаковым проводили их равнодушным взглядом. Но Вадим переживал. Игорь — его закадычный друг, а поступает по-свински.

А кто виноват? Сам Вадим. Никто не заставляет его играть такую унижительную роль — быть у Игоря на побегушках. Сам хочет. И нечего переживать.

— Не взял тебя Игорь, — равнодушно, но не без ехидства проговорил Шмаков.

Вадим пожал толстыми плечами:

— А куда он меня должен брать? Что я — маленький?

— Я так, между прочим, — зевнул Шмаков.

— Эти ребята с киностудии, — сказал Вадим, — я их знаю.

Этой осведомленностью Вадим хотел несколько сгладить неловкость своего положения. Мол, Игорь ничего от него не скрывает, он в курсе его дел.

Мы знали, что Игорь после школы собирается поступить в ГИК — Государственный институт кинематографии. Он уже снимался в массовых сценах, в толпе. Мы специально ходили смотреть картины, в которых он снимался. Но никогда не могли его разглядеть. Игорь, сидевший рядом с нами, говорил: «Вот, вот, видите, рядом с тем, это я». Того, кто рядом с Игорем, мы видели, а самого Игоря не видели. Но нам было приятно, что наш товарищ снят в картине, которую смотрят миллионы людей, мы не хотели казаться лопухами, которые не могут разобрать, что к чему, и отвечали: «Да-да, видим».

7

Что бы ребята ни говорили, для меня Лагутин — жулик. Я не мог привыкнуть к мысли, что он работает рядом со мной, ходит, разговаривает, как обычный нормальный человек. Я не мог оторвать от него взгляда, все время смотрел на него.

Лагутин сердито спросил:

— Чего zenки пялишь?

Но я не мог заставить себя не смотреть на него. Тем более, что мы работали вместе, срочно ремонтировали одну «Победу».

На этой «Победе» раньше ездил начальник из главка. Но ездить ему было некуда, машина целыми днями стояла у подъезда. Только зря платили зарплату водителю. А теперь ее передают в таксомоторный парк. Так она будет возить пассажиров. А если начальнику понадобится поехать, он вызовет такси и поедет. Выгоднее и государству и самому начальнику — ему, наверно, тоже совестно держать у подъезда машину без дела.

Некоторые хозяйственники пытаются всучить таксомоторным паркам барахло. И таксисты поэтому очень тщательно принимают машины.

Мы готовили машину так, чтобы при сдаче ее не было никаких недоразумений.

Так как в этот день произошли важные события, расскажу все по порядку.

С самого утра Вадим бегал по автобазе и что-то собирал в свой склад. Склад ему выделили для сбора частей к машине, которую мы будем восстанавливать. Это был крошечный навесик из старого железа, с оторванной дверью.

Вадим примчался к нам и выпалил:

— Собирайте части на машину, директор разрешил.

Мы со Шмаковым удивились:

— Какие части?

— К нашей машине, неужели не понятно? Директор разрешил.

— В гараже нет никаких частей, — ответили мы, — это в цехах есть части и детали, а здесь ничего нет.

— Все равно, что найдете, тащите на склад! — приказал Вадим и умчался.

Мы, конечно, не стали заниматься такой ерундой. Тем более, у нас срочная работа. Рассчитывали эту «Победу» закончить завтра, а директор приказал кончить сегодня. В помощь нам дали Зуева, того самого, с небритой бородой, который любил беседовать со Шмаковым.

И, как только нам дали в помощь Зуева, Лагутин сразу помрачнел. Я это заметил потому, что все время приглядывался к нему.

Мы со Шмаковым Петром подавали инструмент, держали переноску, приносили запасные части. Но, в отличие от первых дней, делали это сознательно. Не ждали, пока нам прикажут, а сами по ходу дела видели и подавали.

И вот по ходу дела я сообразил, что сейчас будут ставить амортизаторы. Амортизаторы поглощают всякие толчки на дороге, смягчают движение машины. На эту «Победу» были выписаны новые амортизаторы. Вчера я их получил на складе и поставил в верстаке у Лагутина.

Я открыл верстак, амортизаторов не было. Я присел на корточки, снова внимательно осмотрел — нет амортизаторов. Странно! Я их сам сюда вчера поставил.

Я обошел верстак кругом. Может быть, Лагутин их вынул?.. И действительно! За верстаком, под кучей обтирки, я увидел торчащие рычаги амортизаторов.

Я их вытащил, поставил на верстак и стал вытирать.

В это время мимо меня проходил бригадир Дмитрий Александрович, похожий на испанца. Он посмотрел на амортизаторы, потом на меня, остановился и спросил, что я делаю.

Я ответил, что вытираю амортизаторы.

Дмитрий Александрович взял в руки один амортизатор, повертел его в руках, нажал на рычаг, потом спросил меня:

— Где взял?

— Как — где? — ответил я. — На складе.

— Сам получал?

— Сам, — ответил я.

Дмитрий Александрович нахмурился:

— Надо смотреть, чего берете.

Он взял амортизаторы за рычаги и направился к яме, где под машиной работали Лагутин с Зуевым. Я пошел за ним.

— Лагутин! — сказал Дмитрий Александрович.

— Чего? — ответил Лагутин из-под машины.

— Пойди сюда!

Лагутин вылез, увидел амортизаторы в руках у Дмитрия Александровича и нахмурился.

— Это откуда? — Дмитрий Александрович показал на амортизаторы.

Лагутин снова посмотрел на них, взял один в руки, повертел, пожал плечами:

— Не знаю...

— Как — не знаешь? — Дмитрий Александрович кивнул на меня. — Говорит, на складе получил!

— На складе он новые получил! — Лагутин повернулся ко мне. — Куда новые дел?

Только сейчас я сообразил, в чем дело. Это, оказывается, старые амортизаторы. Отремонтированные, но старые. Недаром я их нашел за верстаком.

Мне стало неудобно. Я смущенно улыбнулся:

— Перепутал... Эти амортизаторы лежали за верстаком.

— Пора бы разбираться, — строго сказал Дмитрий Александрович, — принеси-ка те, я тебе покажу, как старые от новых отличить.

— Их там нет, — ответил я.

Лагутин еще больше нахмурился:

— Как — нет?! Ты куда их вчера поставил?

— В верстак, вы мне сами велели, — ответил я.

— Как это — нет?! — повторил Лагутин, подошел к верстаку, присел, поднялся, осмотрел верстак кругом, потом уставился на меня: — Куда ж ты их поставил?

Я молча смотрел на Лагутина. Все мне было ясно. Не надо иметь много сообразительности, чтобы все понять. Новые амортизаторы Лагутин сплавил налево, а на машину хотел поставить хотя и отремонтированные, но старые. Специально для этого запрятал их за верстак. Поэтому Лагутин так разозлился, что в помощь нам дали Зуева. Боялся, что Зуев помешает ему поставить старые амортизаторы. Но помешал не Зуев, а я. Мое излишнее усердие.

Глядя Лагутину в глаза, я ответил:

— Я же их при вас ставил. И верстак вы за мной закрыли.

Не знаю, что прочитал Лагутин в моем взгляде, но отвернулся и сказал:

— Куда же они подевались?

Все принялись искать пропавшие амортизаторы. Все, кроме меня. Я отлично знал, что амортизаторов не найдут. Но другие не знали. И искали. Говорили, что за ворота амортизаторы вынести не могли — сторож бы увидел. Поставить на другую машину тоже не поставили — «Победы» в это время не ремонтировались. Может быть, кто-то спрятал их для смеха — есть на автобазе такие шутники.

Через полчаса вся автобаза знала, что в гараже пропали новые амортизаторы.

Когда пропадает что-нибудь одно, моментально обнаруживается пропажа другого, а потом и третьего и четвертого... Стало известно, что в электроцехе пропали почти новый аккумулятор и почти новая динамика, в обойном цехе — почти новые сиденье и спинка сиденья, в механическом — еще что-то...

На эти слухи я не обращал внимания. Не может быть, чтобы в один день обокрали всю автобазу! Пропали амортизаторы, все заволновались, стали искать, рыться, и всем стало казаться, что у них в цехе тоже что-то пропало. А то, что пропали амортизаторы с «Победы», это факт. И я знал, что подменил их Лагутин. Но сказать это я не мог: у меня не было доказательств.

Прозвенел звонок. У рабочих начался обеденный перерыв. Мы совсем кончили работу и вышли во двор.

Во дворе было полно народу. Служащие грелись на солнышке. Молочница прикатила свою тележку. Рабочие покупали молоко и, усевшись в холодке, пили его, закусывая булкой. Бутылка молока и половина батона — это их обычный завтрак. На

автобазе есть буфет, но все предпочитают молоко.

Вдруг появляется директор. Рядом с ним — главный инженер, мастер обойного цеха, бригадир электриков и Игорь. У всех хмурые лица, а Игорь и вовсе трясется от страха. Директор, не оборачиваясь, спросил:

— Который?

Мастер Иван Кузьмич показал на Вадима. Бригадир электриков тоже показал на Вадима. Все они показали на Вадима. Вадим стоял, ничего не понимая, и улыбался.

— Пошли! — мрачно проговорил директор.

И направился к сарайчику, где Вадим хранил запасные части. Все двинулись за ним. Мы, конечно, тоже. Я сразу почувствовал неладное. Не из-за мрачного вида директора, а из-за растерянного лица Игоря. Если Игорь растерялся, значит, произошло нечто из ряда вон выходящее.

Вадим открыл склад. Директор шагнул туда. Через минуту из склада вылетело новое сиденье, затем спинка сиденья, потом почти новая динамка, потом полетели еще какие-то запчасти, и, наконец, директор протянул бригадиру электриков почти новый аккумулятор.

Мы стояли потрясенные, раздавленные, уничтоженные. Не смели поднять глаз, так нам было стыдно. И только Вадим не проявлял никакого волнения. Спокойно стоял возле сарая. И каждый раз, когда директор что-нибудь выбрасывал из сарая, самодовольно улыбался. Обводил всех торжествующим взглядом, точно приглашая полюбоваться, как много хороших запасных частей он успел сюда натаскать.

Директор брезгливо вытер руки ветошью и спросил:

— Где амортизаторы?

— Какие амортизаторы? — удивился Вадим.

— С «Победы».

— Не знаю, — ответил Вадим.

Директор повернулся к Игорю:

— Чтобы амортизаторы были.

— Хорошо, хорошо, — поспешно ответил Игорь.

— Это заберите! — приказал директор, ткнул ногой в выброшенные со склада части и удалился.

Рабочие забрали все хорошее. А негодное оставили.

Мы стояли возле сарая и молчали. Тут был весь наш класс. Что мы могли сказать? Факт налицо. Пропавшие части обнаружены у нас. Какой позор!..

8

Потом Майка сказала:

— Как некрасиво...

Все закричали, зашумели, заговорили. Все обвиняли Вадима. Это он сказал, что директор разрешил собирать части. Ребята поднажали. Вот что из этого получилось.

Когда Вадима выбирали в снабженцы, я знал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Вадим обязательно что-нибудь натворит, и мы влипнем в историю. Сейчас мне очень хотелось об этом напомнить. Хотелось сказать: «Когда я давал отвод Вадиму, вы меня не послушались. Вы послушались Игоря. Пеняйте на себя».

Меня так и подмывало это сказать. Но я сдержал себя. Не потому, что я жалел Вадима, а потому, что он ни в чем, по-моему, не был виноват. Он не таскал эти части

потихоньку, а открыто пришел и открыто сказал, чтобы мы собирали. Вопрос в том: разрешил директор или нет. Если разрешил, то Вадим ни при чем. А если Вадим сам это выдумал, тогда он виноват. В этом надо спокойно разобраться. Нельзя вдаваться в панику.

Я спросил Вадима:

— Директор разрешил собирать части или ты это сам придумал?

— Конечно, разрешил! — ответил Вадим.

— Откуда ты знаешь?

Вадим показал на Игоря:

— Мне Игорь сказал. Правда, Игорь?

Вместо ответа Игорь задумчиво пробормотал:

— Куда могли деться амортизаторы?

— Никаких амортизаторов я не брал! — закричал несчастный Вадим.

Мне не понравилось, что Игорь уваливает от ответа, и я сказал:

— Дело не в амортизаторах. Ты прямо скажи: разрешил директор собирать части или нет?

Игорь вытаращил на меня свои голубые глаза и медленно проговорил:

— Допустим... А что?

— Пожалуйста, без «допустим»!

— Ну, разрешил!

— Чем же тогда виноват Вадим?

— А вот чем! — рассудительным голосом ответил Игорь. — Надо было не самовольничать, а спросить разрешения у начальника цеха.

— Но ведь Вадим сам ничего не брал, — возразил я, — брали ребята.

Игорь укоризненно покачал головой:

— Не надо обвинять всех. Коллектив здесь ни при чем.

— Ты свою демагогию брось! — закричал я. — Не прикрывайся коллективом. Тоже взял себе привычку! Отвечай прямо: в чем вина Вадима?

Игорь даже потемнел от злости. Но старался показать выдержку:

— Вадим обязан был предупредить ребят, чтобы они ничего самовольно не брали.

Тут голоса ребят разделились. Одни считали, что Вадим виноват, другие — что нет. Последних было большинство.

Майка сказала:

— Каждый должен отвечать за себя сам, а не прятаться за спину товарища. Мы с Надей взяли без разрешения подушку и спинку сиденья. Значит, мы виноваты. Нечестно все сваливать на одного.

Надя Флерова добавила:

— Все виноваты.

Пока ребята спорили, мне в голову пришла блестящая идея. Я закричал:

— Погодите, сейчас все станет ясно! — и спросил Игоря: — Директор тебя предупредил, что надо просить у начальников цехов?

Игорь почувствовал в моем вопросе ловушку, внимательно посмотрел на меня. Потом осторожно ответил:

— Предупредил... В общем... сказал: «Пусть начальники цехов покопаются в своих резервах».

— Значит, директор тебя предупредил! — воскликнул я. — А ты предупредил Вадима?

И тут все поняли, что это и есть главный вопрос. И устали на Игоря. Его ответ решал все...

— Видишь ли, — неуверенно начал Игорь, — не может быть, чтобы я его не предупредил...

— Врешь! — закричал Вадим. — Ни о чем ты меня не предупреждал. Велел собирать части, и все!

— погоди! — нетерпеливо отмахнулся Игорь. — Я не помню точно формулировки... Во всяком случае, я Вадиму но велел таскать что попало. Вадим не маленький. Должен соображать. У него на плечах голова, а не дыня.

Тогда я сказал:

— Директор тебя предупредил, а ты Вадима нет. Значит, ты думал, что у Вадима голова, а директор думал, что у тебя не голова, а дыня.

Игорь увидел, что я положил его на обе лопатки. Но он был большой дипломат, вместе со всеми рассмеялся моей шутке и добродушно проговорил:

— Ну ладно. Дело не в том, кто виноват. В какой-то степени, может быть, и я. Хотя я теперь вижу: на прошлом собрании Крош был прав, когда давал отвод Вадиму.

Этим он хотел завербовать меня в союзники. Но это был бы беспринципный союз.

— Дело не в Вадиме, а в тебе, — ответил я. — Ты виноват. И ты хотел все свалить на Вадима. Не вышло.

Ребята согласились с предложением Майки: виноват весь класс, мы должны извиниться перед дирекцией и пообещать, что больше этого не повторится.

Я воздержался от голосования. Считал, что виноват не класс, а Игорь.

Игорь сразу повеселел:

— Ладно, пусть будет так. Но как быть с этими несчастными амортизаторами? Считают, что мы их взяли.

— Пусть считают! — закричали ребята. — Не брали мы никаких амортизаторов.

Майка сказала Вадиму:

— Вадим, дай честное слово, что ты не брал!

Вадим приложил руку к сердцу и дал честное слово, что он этих амортизаторов в глаза не видел.

И все ему поверили. А я тем более. Ведь я знал, кто подменил амортизаторы.

Игорь тоже поверил Вадиму. Но боялся директора. И потому внес такое предложение:

— Выберем делегацию. Она пойдет к директору и передаст ему наше решение. В состав делегации предлагаю: Майю, Полекутина и Кроша.

— Сам дрейфишь! — заметил я.

— Нет, — возразил Игорь. — Но я слишком часто хожу к директору по разным текущим делам. Мой приход не произведет нужного впечатления. А если пойдет специальная делегация, то это произведет нужное впечатление.

Мы тут же пошли к директору. Майя, Полекутин и я. Игорь тоже увязался с нами. Так он любил «фигурировать». Но в кабинете стоял несколько в стороне, как человек, зашедший сюда случайно.

— С чем пришли? — спросил директор.

Мы договорились, что начнет Майка. Как с женщиной, директор обязан говорить с ней вежливо. Вообще-то он человек выдержанный, но мало ли что... А если понадобится по ходу дела, то вмешаемся мы с Полекутиным.

Майка сказала:

— Класс признает свою вину. Мы действительно взяли кое-что без разрешения. Больше этого не будет.

— А амортизаторы? — спросил директор.

— Мы не брали. Они нам не нужны.

— Кто их взял?

— Этого мы не знаем.

— Надо найти, — спокойно сказал директор.

Тут я увидел, что по ходу дела пора вмешаться. И спросил:

— Интересно, как же мы их найдем?

Директор развел руками:

— Это дело ваше.

Вдруг высовывается Игорь со своим хорошо поставленным баском:

— Не беспокойтесь, Владимир Георгиевич, мы примем меры.

Он хотел задобрить директора.

— Нет, — возразил я, — напрасно Игорь обещает. Класс его на это не уполномочивал. Мы не брали амортизаторов, не знаем, где они, и не намерены их искать. А зря обещать нечего.

Директор внимательно посмотрел на меня. Он вообще как-то чересчур внимательно разглядывал нас, точно никак не поймет, что мы за люди такие.

Главный инженер сидел возле директора и молчал. Он считался руководителем практики, отвечал за нас, ему было неудобно за происшедшее и оставалось только молчать.

Директор спросил:

— Кто разрешил вам без спросу брать части из цеха?

— Ведь мы признали свою вину, — ответила Майя.

— Думаете, признали вину — значит, оправдались?

Майка перебросила косу с одного плеча на другое. Это значило, что она начала волноваться:

— А что мы должны делать?!

— Не с того конца начинаете, — сказал директор. — Надо разобрать машину на агрегаты. Потом развезти агрегаты по цехам. А там уже посмотреть: какие части годятся, какие нет.

— Это правильно, — согласился Полекутин.

Я тоже подтвердил, что правильно.

Игорь сказал:

— Именно так мы и решили поступить, Владимир Георгиевич.

— Аккуратно, чтобы ни одной гайки не потерять, — предупредил директор.

— Не беспокойтесь, — заверил его Игорь.

Игорь увидел, что разговор с директором оказался вовсе не таким страшным, сразу осмелел и опять вошел в роль руководителя и начальника штаба.

Когда мы вышли из кабинета, он остался там. Сказал нам вдогонку:

— Подождите меня во дворе, я сейчас выйду.

Во дворе нас ждали ребята. Хотели узнать, что и как. Мы им объявили, что все в порядке.

Вышел Игорь, тряхнул волосами, весело сказал:

— Инцидент исчерпан. Завтра организованно кидаемся на разборку лайбы. Но не той, что на пустыре. В лагере, в Липках, где прошло наше невинное детство, есть еще

одна. Тоже списанная, но в лучшем состоянии. Ее передают нам. Завтра мы ее притащим.

Все закричали, что это здорово и Игорь молодец.

Я тоже подумал, что Игорь все же молодец. Когда Зуев сказал про машину в Липках, мы пропустили это мимо ушей. А Игорь сразу ухватился и уже договорился с директором. Есть у него административные способности, этого отрицать нельзя.

Все же я заметил:

— Это мы знали. Еще раньше тебя.

— А почему молчали? — ехидно спросил Игорь.

На это мне нечего было ответить.

Мы стали решать, кто поедет в Липки за машиной. Впрочем, это было ясно. Буксировкой машины занимается гараж, а в гараже работали мы со Шмаковым Петром...

— Пусть едут Сережа со Шмаковым, — сказала Майя, — ведь они знают машину в целом! — и улыбнулась.

Майка никогда не называла меня «Крош», только по имени. И всегда говорит обо мне с улыбкой, значение которой я не понимаю и потому не знаю, радоваться мне этой улыбке или огорчаться.

— Это разумно, — согласился Игорь, — и я поеду с ними. А старшим здесь останется Ванька Полекутин.

Игорю в лагере делать было абсолютно нечего. Просто ему хотелось прокатиться и не хотелось ковыряться здесь. Ну и пусть едет! Полекутин без него здесь гораздо лучше со всем справится. Полекутин серьезный парень — не трепач, не звонарь и хорошо разбирается в технике.

Но Игорю этого было мало.

— С нами поедет Вадим, — объявил он.

— Зачем? — удивились мы.

— Мало ли что там потребуется. А как ни говори, парень он пробивной.

Но, как я догадался, Игорь взял Вадима специально для того, чтобы было кем командовать. Знал, что мною и Шмаковым Петром ему командовать не удастся.

9

Вечером я сказал дома, чтобы меня завтра пораньше разбудили. Мне надо ехать в Липки буксировать машину.

Подробнее я не стал рассказывать. Не люблю рассказывать дома про школу, а тем более про автобазу. Зачем? Мама никак не может запомнить ни фамилии ребят, ни имени учителей. Скажешь ей про одного, а она думает на другого. Каждый раз нужно начинать все снова, про каждого объяснять, кто он и что он. Кроме того, многие ребята живут в нашем доме. Мама знает их родителей. И может им ляпнуть чего не следует. Она удивительно несообразительна на этот счет.

Не помню в каком классе, я пришел домой и рассказал, что Шмаков Петр третий раз подряд хватает двойку по русскому. Даже не помню, почему я это рассказал. Сидел на кухне и болтал. Без всякого ехидства и злорадства. Тем более, что Шмаков схватил третью двойку зазря. Только первые две схватил за дело.

А моя мамаша встретила во дворе бабушку Петра и говорит ей про эти двойки. Конечно, из самых лучших побуждений. Хотела ей что-то посоветовать, поделиться

опытом, что ли.

Ничего в этом особенного не было: я рассказал маме, а она поделилась опытом. Тем более, что Петр не скрывал дома двоек: они у него в дневнике.

Но бабушка Петра приходит домой и начинает его ругать: «Позор! О твоих двойках знает весь дом. Все соседи говорят».

Мы чуть не поссорились со Шмаковым навсегда. Я никак не мог ему втолковать, что никакого злого умысла не было ни с моей стороны, ни с маминой. Он не желал слышать никаких объяснений и сказал, что если это повторится, то я могу здорово схлопотать. Мне пришлось признать, что я звонарь и что у меня чересчур длинный язык. Только после этого мы со Шмаковым помирились.

А все мамина непосредственность. Она не сплетница. Просто у нее искренняя, правдивая натура. Она не понимает, что разные люди воспринимают все по-разному. Что для одного пустяк, для другого черт знает что.

Я ценю в маме ее искренний, непосредственный характер. Но не желаю попадать из-за него впросак. Я перестал рассказывать ей про школьные дела. Сказал только, что буду зарабатывать в день рубль тридцать.

— Сколько это будет в месяц? — спросила мама и стала считать в уме.

Я подсчитал это уже на собрании.

— В июне тридцать дней. Значит, тридцать девять рублей, почти сорок.

Но отец сказал, что я получу только за рабочие дни, то есть без воскресений. Это составит тридцать два рубля пятьдесят копеек. Почти тридцать, а не почти сорок.

— Как ты собираешься их тратить? — спросил отец.

— Куплю моторчик к велосипеду.

— Ни за что! — заявила мама. — Я и так волнуюсь, когда ты едешь на велосипеде. А с моторчиком... ни за что!

Я ей спокойно объяснил, что случиться происшествие может только с растяпой. Многие наши ребята имеют велосипеды с моторчиками, и ни с кем пока ничего не случилось.

На это последовал обычный ответ:

— Не забывай, что ты самый младший.

Я действительно самый младший в классе. Меня отдали в школу, когда мне не хватало трех месяцев до семи лет. Другим ребятам было полных семь, а некоторым и восемь. Игорю даже почти девять. Я оказался самым младшим и стоял на левом фланге.

Постепенно я вырос, и меня в классе перестали считать самым младшим. Только мама продолжала так считать. И чуть что, говорила: «Не забывай, что ты самый младший».

Так она сказала и сейчас. И добавила:

— Когда тебе исполнится восемнадцать лет, будешь ездить на чем хочешь.

Раньше мама говорила «шестнадцать лет»... «Исполнится шестнадцать лет — делай что хочешь».

Но теперь, когда до шестнадцати лет оставалось всего семь месяцев, появилась новая цифра — восемнадцать... «Вот когда тебе будет восемнадцать лет и ты станешь студентом, вот тогда...» и так далее.

Сейчас она опять прибегла к этим аргументам. Чтобы я не покупал моторчика к велосипеду.

Мне не хотелось вести этот отвлеченный спор. Если я решу купить моторчик, то настою на этом тогда, когда придет время покупать. Зачем мне настаивать на этом два

раза: сейчас и потом?

— Ничего еще не решено, — сказал я. — Может быть, куплю моторчик, может быть, подпишусь на Чехова и Бальзака.

Я лег в постель, завел будильник и поставил его рядом с кроватью, чтобы не проспять. Я долго не мог заснуть, думал о сегодняшних происшествиях на автобазе. Игорь плохой товарищ. Чем больше приглядываюсь к нему, тем больше в этом убеждаюсь. Валить на товарища собственную вину — подлость в кубе.

Так что в истории с Вадимом я держался правильно: осадил Игоря.

Вот в истории с амортизаторами что-то в моем поведении было неправильно. Что именно, никак не могу решить.

Я не могу доказать, что Лагутин подменил амортизаторы. Но я это твердо знаю. И, зная это, я молчу и, значит, покрываю Лагутина. Не только покрываю, но и разговариваю с ним, работаю рядом, общаюсь, как с любым другим, то есть веду себя с ним, как с честным человеком. Значит, я иду на сделку с собственной совестью.

Что же делать? Открыто сказать про Лагутина?.. Сказать про человека, что он вор, это ужасно... И у меня спросят: «Где доказательства?» А доказательств у меня нет.

Но если бы я тогда не смолчал с подшипниками, открыто сказал бы про них, то теперь Лагутин не посмел бы подменить амортизаторы. Даже если бы мне тогда не поверили, Лагутин все равно не подменил бы амортизаторов: побоялся. Значит, сказав про подшипники, я бы все это предотвратил. А вдруг бы мне не поверили? Сочли бы болтуном, а то и клеветником... Встает вопрос: что дороже — амортизаторы или репутация?

Но это уже философия. А я не люблю философии.

И, чтобы скорее заснуть, я решил думать не о Лагутине, а о чем-нибудь приятном. Например, о том, как я истрачу свои тридцать два рубля пятьдесят копеек.

Прежде всего надо сделать подарок отцу и матери.

Моторчик покупать не буду. Человеку, имеющему водительские права, глупо ездить на велосипеде. На Бальзака и Чехова не подпишусь, успею.

Поеду в туристскую поездку, вот что! Куда-нибудь в Крым или на Кавказ. Может быть, и Майка поедет. Когда мы будем взбираться на скалы, я буду ей подавать руку.

Вместе мы будем купаться в Черном море. Майка начнет тонуть. Я брошусь в воду и спасу ее. Как все утопающие, она будет сопротивляться. Мне придется даже стукнуть ее кулаком по голове. Но это для ее же пользы.

На берегу Майке сделают искусственное дыхание. Она очнется и откроет глаза. Увидит тех, кто делал ей искусственное дыхание. Но меня среди них не будет. Я буду сидеть в стороне. И она не догадается, что спас ее я. Слабым голосом она спросит: «Кто меня спас?»

Я загадочно отвечу: «Тут, один...»

И вот мы с Майкой путешествуем дальше. Опять взбираемся на скалы, я подаю Майке руку, по-прежнему оберегаю ее. Но Майке все это кажется незначительным и мелким по сравнению с геройским поступком таинственного незнакомца. С грустью думает она о нем. Сравнивает его со мной. Сравнивает не в мою пользу: ведь не я, а он спас ее. И в душе Майка презирает меня за это.

Но я молчу. По-прежнему, хотя и печально, подаю Майке руку, когда мы взбираемся на скалы. Мне горько, что мой самоотверженный поступок она приписывает другому.

Грустные, мы заканчиваем туристскую поездку. Майка грустит при мысли о

спасшем ее незнакомце, я грущу при мысли, что Майка думает о нем.

Мы возвращаемся в Москву. Майка рассказывает девчонкам, как она тонула и как неизвестный юноша спас ее. Спас и ушел. Ушел потому, что скромн, благородн и пожелал остаться неизвестным. Девчонки переживают, восхищаются, охают и ахают, завидуют Майке. Надя Флерова мучается при мысли, что такое романтическое приключение произошло с Майкой, а не с ней. Все уверяют Майку, что прекрасный юноша еще непременно объявится. С пляжа он ушел. Но он не выпустил Майку из виду, узнал, кто она, и появится при самых неожиданных обстоятельствах. Может быть, даже выжидает случая, чтобы снова спасти ее.

Так мы учимся последний год. Майка думает о своем спасителе. Наши отношения с ней уже не такие дружеские. Она по-прежнему называет меня Сережей, а не Крошем, по-прежнему улыбается, но уже с оттенком грусти: я напоминаю ей о юноше, которого она любит и будет любить всегда...

Мы кончаем школу. Наступает выпускной вечер. И вот среди гостей оказывается человек, который тогда, на пляже, делал Майке искусственное дыхание. Это может быть кто угодно. Даже кто-нибудь из родителей. Например, отец Инны Макаровой.

Он подходит к Майке и говорит:

«Очень рад вас видеть».

«Откуда вы меня знаете?» — спрашивает Майка.

«Как — откуда! Когда вас вытащили из воды, я делал вам искусственное дыхание».

«Ах», — говорит Майка и грустно улыбается.

Тогда отец Инны Макаровой спрашивает:

«Где тот прекрасный молодой человек, который вытащил вас из воды?»

Майка улыбается еще печальнее:

— «Не знаю...»

«Позвольте, — удивляется отец Инны Макаровой, — как вы не знаете? С ним вы пришли на пляж и с ним ушли».

Майка стоит как громом пораженная. Берет меня за руку и дрожащим голосом спрашивает:

«Сережа! Почему ты мне не сказал?»

Я равнодушно отвечаю:

«Какое это имеет значение?»

И отхожу в сторону.

Весь вечер Майка смотрит на меня и терзается мыслью о том, как она была ко мне несправедлива...

И все девчонки с восхищением смотрят на меня. Я брожу некоторое время по залу и ухожу домой.

Потом мы с Майкой поступаем в разные институты и перестаем видеться.

И вот случайно, через год или через два, мы встречаемся... Я уже заслуженный мастер спорта, чемпион страны по...

Тут я стал думать, в каком виде спорта я буду чемпионом. Думал долго. И не успел подумать, что произошло во время нашей случайной встречи с Майкой.

По-видимому, я заснул...

На следующее утро, ровно в семь часов, мы со Шмаковым были в гараже.

Что я особенно ценю в Шмакове Петре, так это его точность. Договорились в семь, он и пришел в семь. При всей своей медлительности Шмаков не лишен чувства ответственности.

Зато Игорь явился без пяти восемь. А Вадим прискакал, когда мы уезжали. И поэтому они не увидели утреннего выезда машин на линию.

Мощное зрелище! Шмаков Петр даже рот разинул от удивления. Громадные грузовики и самосвалы выезжали из ворот на полной скорости, один за другим, нескончаемым потоком мчались по шоссе и растекались по улицам города. Я бы все отдал, только бы вот так, за рулем, на полном газу, промчаться в этой могучей колонне.

Мы со Шмаковым стояли у гаража и смотрели на мелькавшие в кабинах лица шоферов. За рулем, да еще в колонне, они выглядят совсем не так, как обычно, гораздо внушительнее и мужественнее. Вот что значит вести машину!

И сама автобаза в этот ранний час выглядела гораздо оживленнее и, я бы даже сказал, красочнее. Из репродуктора доносился звонкий, требовательный голос диспетчера: «Водитель такой-то, получите путевые документы!.. Водитель такой-то, приготовьте прицеп! Водитель такой-то, срочно явитесь к начальнику эксплуатации!..» Шоферы выбегали из диспетчерской, на ходу засовывали путевку в карман, садились в кабины и выезжали из ворот, пристраиваясь в хвост колонне... Суетился кладовщик, выдавая бочки, брезенты, инструмент... Слесари ночной бригады торопились закончить свои недоделки. На мойке в облаках водяных брызг домывались последние машины. Все торопились, спешили, шумели... Но этот шум и спешка были утренние, бодрые, свежие и радостные. И машины выезжали тоже свежие, чистые, блестящие... А вечером они вернутся запыленные, испачканные цементом, известью, кирпичной крошкой, честно отработавшие свой тяжелый, трудовой день.

В середине двора стоял директор Владимир Георгиевич и молча наблюдал за происходящим. Он ни во что не вмешивался, не отдавал никаких приказаний, никому ничего не говорил. Мимо него пробегали люди, проезжали машины, а он только молча смотрел. Но здесь, во дворе, спокойный и молчаливый, он тоже выглядел гораздо внушительнее, чем в своем кабинете.

Интересно, о чем он думал в эту минуту? Сколько груза перевезут его машины? Но это в уме трудно подсчитать. На базе триста машин, каждая поднимает по пять, семь, а то и десять тонн груза, сделает несколько рейсов. Может быть, он думал, как пройдет сегодняшней день, не будет ли каких-нибудь происшествий? Эти триста машин сейчас скроются из его глаз, будут работать в разных концах Москвы, и мало ли что может случиться с каждой из них. Директору какого-нибудь завода хорошо: все рабочие перед его глазами. А директору автобазы хуже: шоферы разъезжаются на весь день, он за каждого отвечает и должен до вечера волноваться.

Выехали последние машины, и автобаза сразу опустела. Но только на несколько минут. Один за другим приходили ремонтники, здоровались с директором и расходились по цехам. Началась первая смена.

Мы отправились в Липки с шофером Ивашкиным. Он возил в лагерь строительные материалы. И ему поручили на обратном пути прибуксировать нашу машину. Сначала мы заедем на склад за кровельным железом, а уж потом поедем в лагерь. А мы-то надеялись с ходу, с ветерком, прокатиться до Липок.

Впрочем, нас ожидал такой удар, что мы забыли и про склад, и про кровельное железо... С нами едет Зуев. Он будет вести вторую машину.

Мы ужасно расстроились. Мы рассчитывали сами вести вторую машину. А нам

навязали Зуева. Если нам не доверяют, то, спрашивается, зачем нас посылают?

Зуев ехал в кабине. Мы в кузове. Сидели, прислонясь спиной к кабине, глазели по сторонам и возмущались тем, что с нами послали Зуева.

Ехать в открытом кузове, между прочим, гораздо удобнее, чем в кабине. В кабине смотришь только вперед. Появится на дороге что-нибудь интересное, мелькнет и пропадет. А из кузова видишь все еще очень долго.

Так что сзади гораздо лучше! Тем более, что день был жаркий, в кузове дул ветерок, и ехать было довольно приятно, если бы не сознание, что нас лишили удовольствия буксировать машину.

По двухъярусному мосту мы пересекли Москву-реку, проехали мимо стадиона в Лужниках, мимо новой эстакады у Крымского моста, свернули на Садовую, потом у высотного здания на Красную Пресню, два раза пересекли железную дорогу и, наконец, выехали на окраину Москвы. Машина въехала в ворота склада, а мы остались дожидаться на улице.

Это была даже не улица, а сплошные заборы. Я ненавижу заборы. Они наводят на меня тоску. А в детстве навели даже страх — мне казалось, что кто-то притаился за ними. И для чего они нужны?! Разве при социализме должны быть заборы?

Я поделился этой мыслью с ребятами. Но они со мной не согласились, сказали — нельзя без заборов! А Игорь менторским голосом добавил:

— Не умничай, Крош.

У Игоря было надутое, обиженное лицо. Уж кому-кому, а такому первоклассному водителю, как он, могли доверить буксировку машины. А тут послали Зуева... Все раздражало Игоря. Даже то, что Ивашкин заставляет нас так долго ждать.

По этому поводу Шмаков заметил:

— Нагрузить машину железа не так просто. Его не только взвешивают, но и считают количество листов.

— Неужели? — удивился я.

— А ты думаешь! Ведь оно оцинкованное, дорогое!

Я позавидовал глубоким практическим познаниям Шмакова Петра.

Наконец появилась машина Ивашкина. Мы влезли в кузов и легли на железо. Из-за этого мы не могли глазеть по сторонам. Но дорога в Липки нам хорошо знакома. Сколько раз ездили по ней в лагерь, когда были пионерами. Машины, поля, деревни, мачты электропередач, лески и перелески — все это было нам хорошо знакомо.

Ивашкин гнал машину вовсю. Обгонял другие машины, хотя на шоссе стояли знаки, запрещающие обгон. Один раз обогнал даже машину, которая сама в это время кого то обгоняла. Двойной обгон — грубое нарушение! Но зато как приятно мчаться так быстро. Бесспорно, Ивашкин — лихач. Но машину ведет классно, ничего не скажешь. Если бы за рулем сидел апатичный Зуев, ни рыба ни мясо, мы ползли бы как черепахи.

Солнце палило. Железо нагрелось, нам стало жарко. Даже прекрасная езда Ивашкина не улучшила нашего настроения. Мы никак не могли примириться с Зуевым. И зачем его послали! Особенно возмущался Игорь. Кривил губы и возмущался:

— «Приучайтесь к труду», «Будьте самостоятельны»... Красивые слова!

— Липа! — мрачно вставил Шмаков Петр.

— Глушат инициативу, — с серьезной миной добавил Вадим.

На этот раз я был согласен с Игорем. Действительно, машину потащат на буксире со скоростью самое большее пятнадцать километров в час. Неужели мы не могли бы сидеть за рулем!

— За нас думает дядя, — продолжал Игорь, — а нам думать не дают. Мы для них деточки. Это в шестнадцать лет! Когда Александр Македонский разгромил фиванцев при Херонее, ему не было восемнадцати. Наполеон в двадцать три года уже был генералом... Росли люди!

Он сделал паузу и мрачно добавил:

— Ничего не поделаешь. Двадцатый век — век стариков.

Машина продолжала мчаться по шоссе. Один раз Ивашкин даже проскочил на красный свет. Счастье его, что это был светофор-автомат и рядом не было милиционера.

— Где-то я читал, — начал вдруг Шмаков Петр, — про парнишку одного, не то казах, не то кореец. В шахматы играет, как первокатегорник. А ему всего пять лет.

Игорь снисходительно улыбнулся:

— Вундеркинд.

— А сколько мастеров спорта в шестнадцать лет? — настаивал Шмаков.

Игорь презрительно прищурился:

— Не видишь разницы между физическим развитием и интеллектуальным?

Но Петр гнул свое:

— А музыканты?

— Музыка — узкое дарование, — изрек Игорь.

— Олег Кошевой в шестнадцать лет был начальником штаба «Молодой гвардии»! — сказал Вадим.

— Исключительный случай, — возразил Игорь.

— На тебя не угодишь! — сказал Вадим. — «Исключительный случай, узкое дарование, чисто физическое развитие»!.. Ты не знаешь, чего хочешь.

Было ясно, что после эпизода с запасными частями Вадим начинает выходить из-под влияния Игоря. Я был этим очень доволен.

— И техника растет, — брякнул Шмаков.

Шмаков выражался иногда очень непонятно. Не все его понимали. Но я понимал. И, когда я видел, что он говорит не совсем ясно, я развивал его мысль.

— При Александре Македонском, — пояснил я мысль Петра, — был очень низкий уровень техники: слоны, мечи, копья, щиты. Разве можно сравнить с современной армией: ракеты, авиация, танки. И, чтобы овладеть современной техникой, надо гораздо больше образования.

— Эх, ты, — засмеялся Игорь, — слоны были не у Македонского, а у Кира!

— Македонский воевал не с Киrom, а с Дарием, — ответил я.

— Дело не в царях, а в слонах, — сказал Игорь.

— Дело не в слонах, а в царях, — сказал я.

Игорь насмешливо кивнул на кабину:

— Я вижу, тебе очень нравится Зуев.

— Зуев — одно, Александр Македонский — другое, — ответил я. — Лев Толстой был глубокий старик, но это не значит, что его век — это век стариков. Примеры: Лермонтов, Добролюбов...

Потом пошла такая медленная, ленивая перебранка, что я ее даже не запомнил.

Было жарко, было лень, и мы уже доехали до поворота на Липки.

Липки — дачный поселок. В нем полно заборов. Над некоторыми даже натянута колючая проволока. Живут здесь частники и дачники. Дачники снимают у частников дачи. Частники здорово дерут с дачников.

Машина остановилась. Зуев высунулся из кабины:

— Ребята, топайте в лагерь. Мы разгрузимся и приедем.

Мы слезли с машины и пошли на строительство лагеря. Мы увидели несколько больших деревянных дач, опоясанных длинными верандами. Кругом лежали доски, бревна, тес, кирпичи и другие строительные материалы.

Мы зашли в одну дачу — пусто. В другую — тоже пусто. Ни живой души, ни мебели.

Только на третьей даче мы услышали голоса. Они доносились со второго этажа. Мы поднялись туда и увидели ребят из класса «Б». В ленивых позах они развалились на полу и вели ленивый разговор.

Когда мы вошли, они замолчали и уставились на нас. Мы воззрились на них. Нам стало ясно, что у них за практика.

— Трудитесь? — насмешливо спросил Игорь.

Они как истинные лодыри ответили:

— А что?!

— Завидую, — сказал Игорь.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что у них простой из-за отсутствия строительных материалов. Здесь сидела только часть ребят, другая ушла купаться. Однако было видно, что простой для них только одно удовольствие.

— Кормят вас, не отказывают? — заметил Шмаков Петр.

Они опять вызывающе ответили:

— А что?!

— Ряшки у вас гладкие, вот что, — сказал Шмаков.

Они радостно загоготали, будто Петр сказал им нечто очень лестное. Даже обижаться им лень.

Мы объяснили цель своего приезда и спросили, где находится списанная машина.

— У кладовщика, — ответили они.

— Может быть, оторвете свои сидалища от пола и покажете нам кладовщика? — спросил я.

Никто из них даже не двинулся с места. Они опять загоготали и начали всячески издеваться над нашим намерением восстановить машину. Они были, в общем, неплохие ребята. Но сейчас на них напало такое настроение. Бывают моменты массового психоза, когда весь класс начинает ни с того ни с сего смеяться, орать, вытворять всякие штуки. Такой момент наступил и у них.

— Довольно ржать! — сказал я.

Но они гоготали как сумасшедшие. И все по поводу машины. Таким смешным и диким казалось им наше намерение ее восстановить. Они ведь ничего не понимали в автомобильном деле. Глупости они пороли невероятные. Но каждая глупость казалась им верхом остроумия. Результат чрезмерного питания плюс безделье.

— Веселитесь! — сказали мы и пошли искать кладовщика.

...Мы думали, что быстро приготовим машину к буксировке, подцепим ее и поедем. Это оказалось не так просто. Я понял, что без Зуева мы бы ничего не сделали. Ивашкин никакого участия в работе не принимал, посидел немного и ушел.

Зуев велел нам накачать баллоны, а сам стал налаживать свет и сигнал. Без света и

сигнала запрещается буксировать машину.

Надевать покрышки на диски, заправлять в них камеры очень тяжелое дело. Мы вертели колесо туда и сюда, наверно, вертели бы до утра. Игорь кричал на Вадима, я тоже стал кричать на Вадима, — Вадим хватался то за одно, то за другое. В конце концов мне стало его жаль. Он ни в чем не был виноват, мы вымещали на нем свое раздражение. Я перестал кричать на него и сказал Игорю, чтобы он тоже не кричал. Игорь ответил: «Не учи!» — но орать на Вадима перестал.

Подошел Зуев, стал ногами на покрышку, нажал на монтировочные лопатки и заправил баллон. Нам оставалось только накачать его. Накачивали по очереди, но Игорь что-то слишком часто передавал насос. Я сказал:

— Так не пойдет! Каждый должен качнуть сто раз. И только после этого передавать другому.

Так мы и стали сменяться. Несколько раз нам казалось, что баллон накачан, но Зуев ударял по нему лопаткой и говорил: «Мало!» И мы качали еще.

Часа, может быть, через три мы накачали все баллоны. Устали смертельно и извозились в пыли.

У Зуева дело тоже подошло к концу. Мы поддомкратили машину, вынули из-под нее деревянные колодки и поставили колеса. Это была уже пустяковая работа.

Зуев сел за руль и велел нам толкать машину. Мы навалились, но машина и не думала двигаться. Так она окоченела и заржавела. Зуев вылез из кабины, уперся плечом, на помощь к нам пришел кладовщик. В конце концов под кряхтенье Шмакова Петра и яростные крики остальных машина выкатилась из сарая во двор.

Мы проголодались и объявили Зуеву, что идем в лагерь обедать. Зуев в ответ молча кивнул головой, вынул бумажный сверток с колбасой, хлебом и огурцами и тоже уселся перекусить.

Мы пошли в лагерь. Столовая была пуста. На кухне нам ничего не дали, посоветовали дожидаться ужина.

— В поселке есть чайная, — сказал Вадим.

— Талеров нет, — ответили мы.

После некоторого колебания Вадим сказал:

— Я вам ссужу, но уговор: в получку отдать.

Мы поклялись, что отдадим, и отправились в чайную в самом прекрасном расположении духа: чайная — это не школьная столовая, где кормят бульоном и киселем.

Мы уселись за столик у окна. Толстое, румяное лицо Вадима выражало некоторое беспокойство. Боялся, что мы не отдадим долг. Но деваться было некуда. Он вынул из кармана трешку и сказал:

— Ассигную тройк. Получается по семьдесят копеек с человека. Лишние двадцать копеек за мой счет. Пользуйтесь.

И, сказав про лишние двадцать копеек, совсем расстроился.

— Каждый заказывает что хочет. Не будем считать копейки, — предложил Игорь.

Мы согласились, что копейки считать нечего. Но все же лучше заказать всем одинаково. Игорь соорудил презрительную физиономию, но подчинился большинству.

Мы заказали четыре селедочных винегрета, четыре борща, четыре рагу и четыре бутылки лимонада.

Шмаков Петр заметил, что лимонад здесь наверняка дрянь. Вместо четырех бутылок лимонада лучше взять две бутылки пива. Получится по стакану на брата.

Мы нашли предложение Шмакова Петра разумным.

В одну секунду мы расправились с селедочным винегретом, запили его пивом. Потом принесли очень горячий борщ. Мы от него разомлели. Тем более, что сидели у окна: солнце хотя и склонялось к западу, но еще палило вовсю. А после рагу мы совсем обалдели. Но, в общем, после обеда мы чувствовали себя изумительно. От палящего солнца, от мертвой сонной тишины поселка нам хотелось петь, и в то же время хотелось спать.

Мы особенно не спешили. Куда спешить? Дело мы свое сделали, машину приготовили. А поведет ее все равно Зуев, потащит Ивашкин. Не уедут без нас. А уедут — скатертью дорога! Искупаемся и поедем поездом. Ехать на машине мы вовсе не обязаны. Ведь доверили ее не нам, а Зуеву. Всего хорошего, счастливого пути!

Мы заглянули на дачи, где жили ребята из класса «Б». Надо бы их разыграть, рассчитаться с ними. Но в лагере был тихий час. Если мы подыдем шум, проснутся малыши. А малыши не виноваты, что им сюда прислали больших дураков из класса «Б».

12

Машины стояли на своих местах. И машина Ивашкина, и та, которую мы должны были буксировать. Под ней, разложив на земле подушки сиденья, спал Зуев.

Он проснулся, услышав наши голоса, вылез из-под машины и сиплым от сна голосом спросил:

— Ивашкин где?

Мы ответили, что не знаем.

Зуев сполоснул лицо водой из бочки и ушел искать Ивашкина.

Практичный Шмаков тут же вытянул подушку, на которой спал Зуев, и улегся на ней. Вадим схватил спинку сиденья и тоже лег.

Тогда мы с Игорем бросились к машине Ивашкина. Каждый из нас старался первым захватить кабину. Спать нам уже не хотелось. Но раз Вадим и Шмаков нашли место для спанья, мы хотели найти место еще лучше.

Мы одновременно открыли дверцу и стали толкаться, оттесняя друг друга. В конце концов оба ввалились в кабину. Улечься было негде, и мы уселись. Я — против руля, Игорь — сбоку.

Тут я увидел, что Игорь не отрываясь смотрит на щиток. Я проследил за его взглядом. И все дальнейшие события начались с той секунды, когда наши взгляды сошлись в одной точке... Ивашкин оставил в кабине ключ зажигания. Машина была в наших руках...

— Гм! — пробормотал Игорь. — На «Москвиче» все расположено совсем по-другому...

«Москвича» я не знаю. Но «ГАЗ—51» знаю хорошо. На «ГАЗ—51» я проходил практику. И я стал все объяснять Игорю. И, чтобы лучше ему объяснить, мне захотелось завести мотор. Чтобы подтвердить свои объяснения на практике.

Конечно, это чужая машина. Но я заведу ее ровно на секунду. Ничего с ней не случится. И никто ничего не узнает. Я повернул ключ зажигания, оттянул подсос и нажал педаль стартера.

Мотор взревел. Я быстро задвинул подсос и уменьшил газ... Мотор спокойно работал на малых оборотах.

— Хорошо работает на малых, — сказал Игорь.

— Подходяще, — ответил я и выключил зажигание. Мотор стих.

— А ну-ка, пусти, я попробую, — сказал Игорь.

Мы поменялись местами. Игорь включил зажигание, подумал, вздохнул и нажал стартер.

Мотор заработал снова.

Игорь то прибавлял, то убавлял газ. Двигатель то шумел сильнее, то совсем стихал.

— Хватит, — сказал я, — выключай!

Мы снова поменялись местами.

— На «Москвиче» мотор работает тише и равномернее, — сказал Игорь.

На это я рассеянно ответил:

— Не знаю, не знаю... Не вижу разницы.

В это время я левой ногой выжал педаль сцепления. Потом отпустил. Потом опять выжал и опять отпустил. Я старался это делать плавно, как нас учил инструктор. Потом я включил первую скорость, она включилась хорошо. Я включил вторую скорость, она тоже включилась хорошо. И третья включилась прекрасно. Я включил задний ход — великолепно! Все включалось чудесно, легко, без всякого нажима. Если я заведу мотор, то сделаю все это точно так же. И спокойно поеду куда надо.

Игорь со снисходительным видом рассуждал о преимуществах «Москвича» над «ГАЗ—51»... Но его слова не доходили до моего сознания. Оно, то есть мое сознание, было целиком сосредоточено на машине. Я снова завел мотор. Выключил. Снова завел...

И вот, когда я завел мотор в третий раз, я включил первую скорость и, потихоньку отпуская сцепление, начал прибавлять газ...

Машина медленно и плавно двинулась вперед.

Тут же я начал переводить на вторую скорость, но она не включалась. Я стал торопливо заталкивать ее, но никак не мог затолкнуть. Тогда я снова включил первую. Но в это время дал слишком много газу. Машина дернулась и остановилась. Мотор заглох.

— Не блеск, — сказал Игорь.

Я немного успокоился, взял себя в руки, снова завел мотор и, глядя в заднее окошко, стал подавать машину назад. И, как только она дошла до своего прежнего места, я сразу затормозил. Мотор опять заглох.

— На тройку, — объявил Игорь.

Я начал ему объяснять, почему у меня так получилось. Но Игорь перебил меня:

— Оправдываться будешь в суде. Заглушил два раза, и все!

Подожли Шмаков и Вадим.

— Раскатываетеесь? — спросил Вадим.

А Шмаков Петр ничего не спросил. Шмаков Петр не задает вопросов. Тем более таких, какие задает Вадим.

— Пусти! — сказал Игорь и начал сталкивать меня с сиденья.

Он тоже хотел прокатиться. Я испугался. За себя я не боялся, а за Игоря боялся, хотя он ездил лучше меня.

— Придет Ивашкин, и будет дикий скандал, — предупредил я.

Игорь в ответ пробормотал:

— За меня не беспокойся. За себя лучше беспокойся.

Он завел машину, доехал до ворот, вернулся задним ходом, опять доехал до ворот,

опять вернулся... Потом поехал по направлению к той машине, которую мы должны буксировать в Москву. Остановился возле нее, высунулся из кабины и крикнул:

— Привязывайте буксир!

— Ты что, с ума спятил? — спросил я.

— Не беспокойся, — ответил Игорь, — мы только привяжем трос, все подготовим, шоферы нам спасибо скажут. Давай, Шмаков, привязывай! Вадим, помогай!

Шмаков и Вадим схватили буксир и начали его привязывать.

Я понял, что будет дальше... Игорь вошел в азарт, Вадим со Шмаковым Петром тоже вошли в азарт. И, конечно, мы хоть немножко, да протащим машину. А раз так, я не желаю оставаться в дураках... Я быстро влез в кабину второй машины и сел за руль. Если я буду зевать, то Вадим или Шмаков перехватят у меня и этот руль.

— Готово? — крикнул Игорь, высунувшись из кабины.

— Готово! — ответил Вадим. Он привязывал трос к передней машине.

Шмаков ничего не ответил. Он привязывал трос к задней машине. Как всегда, кряхтел изо всех сил.

— Крош, помоги ему! — скомандовал Игорь.

Но я не думал двинуться с места. Нашли дурака! Как только я вылезу из кабины, туда моментально залезет Вадим или тот же Шмаков Петр.

Игорь потерял терпение, выскочил из кабины и стал помогать Шмакову. Вдвоем они лежали под машиной, кряхтели, сопели, ругались... Потом встали, тяжело дыша и стряхивая с себя пыль... Все было готово.

— Так! — распорядился Игорь. — Ты, Вадим, стань на подножку к Крошу. Ты, Шмаков, ко мне. Будете передавать сигналы. Крош, ты готов?

Я ответил, что готов, и крепко ухватился за руль. На подножке у меня стоял Вадим.

Передняя машина тронулась. Трос натянулся. Моя машина дернулась и тоже пошла вперед.

Я неплохо вожу машину. Как говорит наш инструктор — «уверенно». Но сейчас у меня уверенности не было. Оттого, что не сам я ехал, а меня тащили. Волокли на аркане. Я зависел не от себя, а от Игоря. Конечно, Игорь умеет водить машину. Но буксировать машину — это совсем другое дело. Нужно думать о том, кого буксируешь. А Игорь ехал сам по себе. Дергал. Трос то ослабевал, то натягивался. Я боялся наскочить на машину Игоря.

Мы выехали со двора и остановились. Игорь вылез из кабины и подошел ко мне:

— Как?

— Порядок! Только не дергай, пожалуйста! — попросил я.

— Ты сам дергаешься, — ответил Игорь.

Мы снова двинулись вперед. Справа от дороги тянулся лес, слева — овраг, довольно глубокий. Дорога была в выбоинах. Но ни лес, ни овраг, ни выбоины меня не пугали. Теперь я чувствовал себя гораздо увереннее.

Игорь тоже чувствовал себя увереннее. Поехал быстрее. Дернул с места. Потом дернул, когда переключал скорость. Мою машину вдруг потянуло вправо. Я крутанул руль влево. Игорь опять дернул. Мою машину закинуло налево. Я крутанул руль вправо... Меня стало кидать то вправо, то влево...

Я крикнул Вадиму: «Останови!» Вадим замахал руками, но Игорь не останавливался. Меня опять закинуло влево, к оврагу. Я стал изо всех сил выворачивать руль, но руль меня не слушался. Я нажал на тормоз... Было уже поздно... Моя машина накренилась и начала сползать в овраг...

Передо мной мелькнуло испуганное лицо Вадима... Он соскочил с подножки и покатился вниз. Моя машина ползла и наклонялась все больше и больше. Я упал с сиденья на дверцу...

13

Вылезти с моей стороны было невозможно: кабина лежала на земле. Чем-то у меня были обожжены руки, я не обратил на это внимания. Единственной моей мыслью было поскорее выбраться отсюда. Я попробовал открыть правую дверцу, она была надо мной. Дверца не открывалась, ее перекосило. К счастью, стекол в ней не было. Я осторожно подтянулся и, упираясь одной ногой в сиденье, другой — в руль, вылез из кабины, спрыгнул на землю, огляделся вокруг и увидел следующую картину.

Моя машина лежала на боку, в обрыве, привалившись кузовом к дереву. Но удерживало ее не дерево, а трос, привязанный к машине Ивашкина. Он был натянут как струна, моя машина висела на нем. От машины по косоугору тянулась полоса взрытой земли и сломанного кустарника — метров двадцать Игорь волочил меня по обрыву.

Машина Игоря стояла на дороге. Игорь, высунувшись из кабины, смотрел на меня. Не вылезал, боялся снять ногу с тормоза. Он был бледен. На подножке стоял Шмаков Петр, он не был бледен. Внизу стоял Вадим. Он стоял почти на дне оврага, и я не видел — бледен он или нет.

Все трое с ужасом смотрели на меня. Однако не двигались с места. Думали, что я убит, и боялись подойти.

Но я был жив. Даже не ушибся. Только обжег руки. И тут до моего сознания дошло, что я обжегся кислотой из аккумулятора. Зуев поставил его в кабине временно, чтобы доехать до Москвы. Но это не страшно. В аккумуляторе не стопроцентная серная кислота, а электролит, раствор, им не обожжешься. Поциплет и пройдет.

— Крош, ты жив? — закричал Вадим и побежал ко мне.

— Умер, — ответил я.

Шмаков тоже подошел. Они смотрели на меня так, точно я действительно вернулся с того света.

— Не узнали? — сказал я.

— Как тебя угораздило? — спросил Шмаков.

Я пожал плечами. Сам не понимал, как все получилось, как я попал в овраг. Руля из рук не выпускал, сознания не терял. Я только хорошо помнил, что руль вдруг перестал меня слушаться. Вернее, машина перестала слушаться руля. И ее потащило в овраг.

— Подойдите сюда! — закричал Игорь.

Он, бедняга, не мог снять ноги с тормоза. Мы подошли.

— Что случилось? — спросил Игорь.

— Сам не видишь!

— Но как это произошло?

— Черт его знает! Ты стал дергать, и машина потеряла управление.

У Игоря задрожали губы:

— Когда я стал дергать?!

— Тогда! Вадим кричал, чтобы ты остановился, а ты перся вперед.

— Неправда! — вскипел Игорь. — Я тут же остановился.

Я усмехнулся:

— Интересно... Кто же меня тащил по обрыву? Двадцать метров... Пушкин?

— Но как ты не удержал руля?

— Я-то удержал... Только машина перестала слушаться руля. Может быть, в ней рулевое управление не в порядке... Ведь мы эту машину не знаем. Буксировать не надо было, вот что! Прокатиться захотелось.

— А кто первый завел машину? Кто первый поехал? — сварливо возразил Игорь.

— Не будем торговаться, — мрачно сказал я, — ведь ты всегда прав. Подумаем, что делать.

Никто не знал, что делать.

Шмаков предложил:

— Подложим камни под эту машину, чтобы и ее не стащило вниз.

Мы подложили под все колеса по большому камню. Игорь осторожно снял ногу с тормоза. Машина стояла на месте.

— Можешь вылезать, — сказал я, — только оставь ее на ручном тормозе и на скорости.

— Не ты один такой умный, — ответил Игорь и вылез из кабины.

Мы спустились к моей машине.

— Был бы в ней бензин, обязательно случился бы пожар, — сказал Вадим.

Но нам было неинтересно думать, что могло еще случиться. С нас было достаточно того, что произошло.

— Будет грандиозный скандал! — не унимался Вадим.

Я сказал:

— Уговор: никого не продавать.

Ребята согласились. Возьмем вину на всех.

Мы стали думать, как нам вытащить машину. Буксир был крепкий, но обрыв был очень крутой, и машина лежала на боку.

Все же Игорь предложил попробовать.

— Опасное дело! — сказал Шмаков. — Загоним сюда и вторую машину. Снимем с тормоза, ее и потащит вниз.

— Что же делать?

Нам не пришлось думать, что делать. На дороге появились Ивашкин и Зуев.

Не буду передавать нашего разговора. Вместо слов, произнесенных Ивашкиным, ставлю многоточие...

Однако вместе с многоточием до нас доносился запах водки. Лицо у Ивашкина было красное, как помидор.

Между тем Зуев присел и осмотрел место, где был привязан трос. Потом поднялся и спокойно сказал:

— Так и есть!

— За тягу? — спросил Ивашкин, и лицо его налилось кровью.

— Именно.

Опять понеслись многоточия. Пока они неслись, я присел и посмотрел под машину. И сразу понял причину аварии. Буксирный трос был закреплен не за раму, как полагается, а за поперечную рулевую тягу. От рывка тяга вывернулась, и машина потеряла управление. Поэтому я и полетел в канаву. Привязывать буксирный трос за какую-нибудь часть рулевого управления — грубейшая техническая ошибка. Она неизбежно кончается катастрофой. Мы еще легко отделались. Развей машины побольше скорость, да еще на шоссе, где идут встречные машины, — от нас с Вадимом осталось бы одно воспоминание.

Меня мороз продрал по коже, когда я подумал об этом. Что было бы с мамой! Страшно подумать!

Я посмотрел на Игоря и на Шмакова Петра. Это они привязывали трос. Игорь стоял бледный как полотно, он ужасно боялся ответственности. А Шмаков ничего. Цвет лица у Шмакова был обычный.

Машины в конце концов вытащили. Провозились мы с этим до вечера. Нам помогали ребята из «Б» и дачники в пижамах. Дачники рассуждали и давали советы.

Ребята из «Б» упорно расспрашивали, как все произошло. Мы им ничего не рассказали. Произошла авария, и все! Подробности в афишах...

Начало быстро темнеть. Обе машины стояли на дороге. Все разошлись. Остались Ивашкин, Зуев и мы четверо.

Ивашкин объявил, что тащить ночью машину, да еще с испорченным рулевым управлением, невозможно, собрал инструмент, кинул в кузов трос и крикнул Зуеву:

— Поехали!

— Лезьте в кузов, ребята! — сказал Зуев.

Я спросил:

— Бросим машину?

— Еще рассуждает! — заорал Ивашкин.

— Не беспокойся, парень, ничего с машиной не случится, — сказал Зуев.

Но я твердо решил остаться:

— Нет! Мы не можем бросить машину, мы отвечаем за нее. Поезжайте и скажите, пусть утром за нами пришлют «техничку».

— Ну и оставайтесь! — крикнул Ивашкин и полез в кабину.

Но Зуев не хотел нас оставлять. Он уговаривал нас поехать.

Все это время Игорь молчал. Потом отвел нас в сторону и сказал:

— Кому-то из нас надо ехать в город. Во-первых, сообщить дома про тех, кто остался. Во-вторых, организовать помощь.

— Я вижу, тебе очень хочется уехать, — ответил я, — и поезжай. И Вадима бери с собой. Ему, наверно, тоже хочется домой.

Игорь притворился, что не заметил моей иронии:

— Я думаю, так будет правильно. Вадим оповестит ваших родных, а я разыщу директора, он тут же вышлет «техничку». С ней и я приеду.

Никакого директора Игорь сейчас, конечно, не найдет, да никто и не будет ночью высылать «техничку». Но ему очень не хотелось оставаться.

Я насмешливо сказал:

— Поезжай, поезжай, никто тебя не держит.

Игорь опять пропустил мимо ушей мою насмешку и сказал:

— Так будет лучше, увидишь. Впрочем, поезжайте вы со Шмаковым, а мы с Вадимом останемся.

Я знал, что он ни за что не останется:

— Поезжай, довольно болтать!

— Вы поедете или нет? — рявкнул Ивашкин из кабины.

— Сейчас, сейчас! — крикнул Игорь и спросил меня: — Значит, решили?

— Решили, — угрюмо ответил я.

— Поехали, Вадим! — сказал Игорь.

Вадим вдруг ответил:

— Я не поеду!

— Почему?
— Останусь с ребятами.
— Не валяй дурака! — рассердился Игорь. — Сказали тебе — поезжай, значит, поезжай!
— Если будешь орать, я тебе так вмажу!.. — ответил Вадим.
И я убедился, что Вадим окончательно вышел из-под влияния Игоря.
— Ну и черт с тобой! — сказал Игорь и полез в кузов.
Машина тронулась. Через минуту красный огонек ее стоп-сигнала скрылся в лесу.
Мы остались втроем у поломанной машины.

14

Наступила ночь. Было тихо и свежо. Справа темнел лес. Впереди и чуть слева виднелись огни пионерского лагеря, немного правее — редкие фонари дачного поселка. Мы присели на обочине дороги и стали рассуждать о том, почему мы не поехали в Москву.

Рассуждать об этом было поздно. Надо было рассуждать перед тем, как мы остались. Мы этого не сделали тогда, нам оставалось сделать это сейчас.

Что произошло, если бы мы уехали? Мы явились бы на автобазу без машины, потому что пустили ее под откос, совершили аварию. И, конечно, во второй раз послали бы не нас, а шоферов. Получилось бы: мы не смогли пригнать машину, а они смогли. Мы доказали бы свою несостоятельность.

Совсем другое дело получится теперь. Завтра мы въедем на этой машине в гараж. И, что бы там ни говорили, факт остается фактом — машину мы все-таки пригнали. Несмотря на аварию. Этим мы докажем свою состоятельность. А то, что случилось, ничего не значит! Мало ли что может случиться в дороге. Тем более с машиной неисправной, незнакомой, всю зиму простоявшей в сарае.

Вот почему мы остались здесь. А вовсе не потому, что боялись за машину. Кто ее ночью тронет!

Решив вопрос о том, почему мы остались, мы начали обсуждать аварию.

Я сказал Шмакову:

— Эх, ты! Не смог отличить тягу от крюка...

— Я-то отличил, — ответил Шмаков, — да подскочил Игорь и подсунул трос под тягу.

— А ты молчал...

— Я хотел сказать, да вы уже поехали.

— Соображать надо быстрее.

Вадим похвастался:

— А я правильно закрепил трос.

— Еще бы! — возразил Шмаков. — Под кузовом. Там крюк перед самым носом.

— Крюк не крюк, а я закрепил правильно, — повторил Вадим, очень довольный тем, что авария произошла не по его вине. Он привык быть всегда виноватым, а тут виноватыми оказались все, кроме него.

— А убежал ты куда? За километр, — заметил я.

— А где я стоял?! — возразил Вадим. — Машина прямо на меня валилась.

— Мне, думаешь, приятно было сидеть в машине, когда она переворачивалась? — спросил я. — Я тоже мог выскочить и убежать за километр. А я сидел за рулем до

последней секунды.

— «Не выпускай, моряк, руля...» — запел Вадим.

— Когда ты вылез из машины, у тебя руки и ноги дрожали! — сказал Шмаков.

— Ничего у меня не дрожало! — ответил я.

Я нащупал на правой штанине дырку величиной в кулак. Когда я ее тронул, материя под моими пальцами начала расползаться... Ясно! Я сжег брюки кислотой из аккумулятора. Ведь электролит кожу не сжигает, а материю сжигает моментально. Вот так штука! Эдак к утру можно остаться без штанов.

Я снял брюки. При свете луны мы стали рассматривать, здорово ли их прожгла кислота. Смогу ли я завтра ехать в них в город. Дырок оказалось две. Обе на правой штанине. Одна у колена, другая в самом низу.

— Пропали брюки, — сказал Шмаков Петр.

— Ничего, — утешил меня Вадим, — с вентиляцией лучше.

Подул свежий ветерок. Стоять в трусах было холодно. Я надел брюки.

Мы решили лечь спать. Когда спишь, не так хочется есть. Шмаков залез в кузов, мы с Вадимом — в кабину.

Мы сели в разных углах, прислонились головами к стенкам кабины. Хотелось вытянуться, хотелось есть, хотелось натянуть на себя что-нибудь теплое — стекло-то в кабине не было...

Мне вдруг приснилось, что я ползу на машине по косогору. Меня удивляет, что работает мотор. Ведь в машине нет бензина. Я сигналю, изо всех сил колочу по кнопке кулаком. Но Игорь не останавливается. Тогда я грудью наваливаюсь на сигнал, и он звучит непрерывно... Я наваливаюсь на него еще больше.

Я почувствовал, что падаю, тряхнул головой и проснулся. Я услышал звуки горна. В лагере подъем. Рассветало. Неужели уже прошла ночь? Ведь мы только заснули.

Я разбудил Вадима и Шмакова.

У них были здорово помятые морды. Но, когда я им сообщил об этом, они возразили, что такой противной физиономии, как моя, они никогда в своей жизни не видели.

Мы вылезли из кабины. После небольшого совещания решили, что двое пойдут в лагерь, в столовую, один останется дежурить возле машины.

Кинули жребий. Дежурить досталось мне. Поразительное невезение!

Они ушли. Я остался один и решил пройтись по дороге, чтобы немного размяться.

Мне ужасно хотелось есть, и я пошел по дороге к лагерю, чтобы встретить ребят и поскорее съесть то, что они мне несут.

Я шел, поминутно оглядываясь. Конечно, так рано за нами из Москвы не приедут. Пока придет директор, пока Игорь расскажет ему, что произошло, пока снарядят «техничку», пока она дойдет сюда. На все это уйдет часа два, а то и три. Все же я оглядывался. А вдруг приедут раньше?

Так я шел и шел. Свернул один раз, потом другой. Уже не видел нашей машины, но утешал себя мыслью, что, если подойдет «техничка», я ее сразу услышу.

Строя в уме эти расчеты, я добрался до лагеря. Запахи свежего хлеба, каши, жареного мяса ударили мне в нос. Шум в столовой обозначал, что завтрак идет вовсю. Я со всех ног помчался под навес, где кормили ребят из класса «Б».

Нас поразило количество людей, приехавших за нами на «техничке». Два шофера и слесарь — понятно. Бригадир Дмитрий Александрович — ладно. Игорь должен быть в центре событий. Но зачем приехали главный инженер и наша классная руководительница Наталья Павловна?! Мы обалдели от изумления, увидев, как они посыпались из фургона.

Наталья Павловна бросилась к нам и стала ощупывать, проверяя, мы ли это? А если мы, то живы ли? А если живы, то целы ли?

Главный инженер ей сказал:

— А вы беспокоились!

Но по его лицу было видно, что он тоже не надеялся застать нас в живых.

— Наделали делов, — сказал бригадир Дмитрий Александрович. Он даже снял свой берет. Под беретом обнаружилась лысина, и он сразу перестал быть похожим на испанца.

Нам стало ясно, что в Москве большой переполох.

— Если бы вы не заупрямились и поехали со мной в город, — с укором сказал Игорь, — то никакого шума бы не было.

— Но ты-то знал, зачем мы остались, — ответили мы Игорю.

— Никто не хотел верить, что вы остались стеречь эту балалайку, — сказал Игорь.

Опять, выходит, мы виноваты.

— Подумайте, мальчики, сколько волнений вы доставили своим родным! — сказала Наталья Павловна. — Перевернулась машина — и вас нет! Что они должны были подумать?

Еще бы! Разве могут родные рассуждать оптимистически. Или хотя бы логически.

Пока происходил этот разговор, нашу машину наладили и прицепили к «техничке». Не тросом, а длинной металлической палкой. Она называется «жесткий буксир». Теперь с нашей машиной уже ничего не случится.

Главный инженер сел в кабину передней машины, бригадир Дмитрий Александрович — в кабину задней, остальные — в фургон «технички». Наталье Павловне предложили сесть в кабину, но она объявила, что поедет с нами. При малейшем толчке она хватала нас за рукава. Боялась, что мы вылетим из фургона. Ей очень хотелось доставить нас домой в целости и сохранности.

Всю дорогу она расспрашивала нас, как все произошло. Мы, конечно, ничего не скрывали. Скрывать что-либо бессмысленно, все известно. Мы только не уточняли, кто в чем виноват. Обо всем говорили во множественном числе: «мы».

«Мы решили вывести машину за ворота», «Мы неправильно закрепили трос», «Мы виноваты»...

Вдруг Наталья Павловна объявила:

— Вы ни в чем не виноваты!

При этом у нее сделалось суровое лицо. Когда у нее делалось такое лицо, мы знали: Наталья Павловна будет проявлять характер.

— Виноваты не вы, — сурово повторила Наталья Павловна, — а те, кто послал вас, кто ехал с вами, позволил совершить аварию и затем бросил ночью на дороге. Вот кто виноват!

Мы не стали спорить с Натальей Павловной, хотя в душе и удивились ее наивности. Она считала нас детьми. А на автобазе мы не дети, а рабочие, получающие зарплату и отвечающие за свои поступки.

Но, как оказалось позже, точка зрения Натальи Павловны не всем показалась такой

наивной.

То, что мы увидели на автобазе, превзошло худшие наши опасения.

Никто из ребят не ушел домой, все ждали нас. Как только «техничка» въехала во двор, из всех цехов высыпали рабочие, из конторы — служащие. А когда мы вылезли из фургона, мы увидели наших родителей: мою маму, дедушку и бабушку Шмакова Петра, маму и двух сестер Вадима.

Переполох вышел грандиозный.

И подумать только! Еще сегодня утром мы мирно сидели в кабине машины, потом ели в лагере хлеб с маслом и ни о чем таком не думали.

Дырки на моих брюках произвели колоссальное впечатление. Все знали, что перевернулся с машиной один только я.

Моя мама была даже не в силах ко мне подойти. Стояла и качала головой.

Шмакова Петра подхватили под руки его дедушка и бабушка и уволокли домой. На это было смешно смотреть.

Шмаков Петр тащился между ними, как Гулливер меж двух лилипутов.

Вокруг Вадима вертелись его сестры, довольно противные девчонки, такие маленькие кривляки и ломаки.

Потом вышел директор, взял меня за плечи, повертел во все стороны и сказал:

— Живы, здоровы... А какую панику устроили...

И засмеялся. Но это был смех сквозь слезы...

Мать Вадима склочным голосом заявила:

— Все равно вы за это ответите!

Директор моментально скис, опустил руки, понурил голову и отправился к себе в кабинет.

Мне даже стало его жаль. Честное слово! Если такие мамы, как мамаша Вадима, подымут склоку, ему не обобратся неприятностей. А он совсем ни при чем...

Я заметил матери Вадима:

— Пожалуйста, не устраивайте склоку.

— Сергей! — закричала моя мама и сделала большие круглые глаза, как всегда, когда ей казалось, что я говорю или поступаю невежливо.

Вадим тоже сказал своей мамаше:

— Не говори, чего не знаешь!

— Я с тобой дома поговорю! — ответила мамаша, схватила Вадима за плечи и потащила домой.

Обе сестренки вприпрыжку побежали за ними.

Ребята по-прежнему не отходили от меня. Майка смотрела на меня с таким восхищением, что мне даже стало неудобно.

Игорь тоже был здесь. По его лицу я видел, что он завидует мне. Завидует, что я в центре событий. Ему хотелось быть сейчас на моем месте. А когда я переворачивался с машиной, ему небось не хотелось!

— Пойдем домой, Сережа! — сказала мама.

— Сейчас, — ответил я и обратился к ребятам: — Тут идут всякие разговоры, готовятся разные склоки. Так вот, имейте в виду, во всем виноваты мы сами, и больше никто.

Наталья Павловна недовольно проговорила:

— Без тебя разберутся, кто в чем виноват.

Я сказал:

— Справедливость восторжествует.

— Хорошо, хорошо, — торопливо ответила Наталья Павловна, — во всем разберутся, не беспокойся! А пока иди домой, переодень брюки.

— Есть вещи поважнее брюк, — возразил я.

В окружении ребят мы с мамой пошли домой. Всю дорогу я доказывал ребятам, что во всем виноваты мы сами, и больше никто. Но ребят это мало интересовало. То есть мало интересовало, кто виноват. Их интересовали мои ощущения в тот момент, когда машина переворачивалась. На это я ответил, что никаких ощущений у меня не было.

Такой ответ их не удовлетворил, и они спросили, что я все же чувствовал?

Я ответил, что ни черта не чувствовал.

...Не буду расписывать того, что произошло дома. Надоело! Я, наверно, раз двадцать рассказал маме, как все было. Потом еще раз двадцать папе, когда тот пришел с работы.

Папа взял у меня учебник автомобильного дела, тщательно разобрался, каким образом вывернуло рулевую тягу и отчего машина потеряла управление. Потом положил перед собой лист чертежной бумаги и нанес на нем схематический чертеж аварии. После этого объявил, что ему ясна вся картина. И, когда он это объявил, мы легли спать.

16

На следующий день на доске объявлений появился приказ директора. Зуеву объявлялся строгий выговор с предупреждением. За то, что он отлучился от машин. А если кто из нас посмеет еще раз сесть за руль, тот вылетит с автобазы.

— Что ты скажешь? — спросил я Игоря.

— Ловко написано.

— Что ж тут ловкого?

Он насмешливо и многозначительно прищурил один глаз. Давал понять, что только ему одному понятны тайные побуждения взрослых.

— Причины выявлены, виновники наказаны, меры приняты...

— Значит, Зуев виноват?

Игорь поднял брови:

— Так надо.

— Что значит — так надо! Виноват Зуев или нет?

— Видишь ли, — важно произнес Игорь своим хорошо поставленным баском, — с нашей точки зрения, Зуев не виноват. А с точки зрения директора — виноват. Он должен был обеспечить. А он не обеспечил. Будь я директором, я бы тоже влепил ему выговор!

— К счастью, ты не директор! — заметил я.

Но Игорь хладнокровно продолжал:

— Если бы Зуев не ушел, мы бы не буксировали.

— Ага! — воскликнул я. — Ты забыл запереть квартиру, ее обокрали, значит, виноват ты, а не вор?

— Неудачное сравнение, — возразил Игорь, — да и чего ты волнуешься? Зуев

чихал на этот выговор.

— Мы не должны прятаться за чужую спину! — сказал я.

— Скажите, какой альтруист! — усмехнулся Игорь.

— Лучше быть альтруистом, чем эгоистом, — заметил я.

У Игоря удивительная особенность. Если намекали на его недостатки, он делал вид, что не понимает намека.

Такой вид он сделал и сейчас. Понизил голос и сказал:

— А насчет Зуева учти: помнишь амортизаторы... Так вот, поговаривают...

И по тому, как он многозначительно пошевелил пальцами, было ясно, что Зуева подозревают в подмене амортизаторов.

Я с удивлением посмотрел на Игоря. Вот еще новость! Я-то ведь хорошо знал, кто подменил амортизаторы. Но не хотел говорить об этом Игорю. Он потребует доказательств, а доказательств у меня нет.

— Мы должны написать заявление, — сказал я. — В аварии виноват не Зуев, а мы.

Игорь поморщился:

— Крош, ты смешон! Кому нужно твое заявление? Пойми: если не виноват Зуев, значит, кто виноват? Директор. Он послал нас за машиной. Ты хочешь, чтобы директор объявил выговор самому себе?.. И потом, писать разные заявления... Противно.

Я в отчаянии закричал:

— Но ведь это будет заявление не на кого-то, а за кого-то.

— Ты глуп! — презрительно сказал Игорь.

Я очень расстроился. Такая несправедливость! И никто не возмутился, никто не обратил даже внимания.

Все шло по-прежнему. Машины въезжали и выезжали. Работали слесари в цехах, служащие в конторе. Начальник эксплуатации все так же орал по телефону на весь двор.

Удивительнее всего было то, что Зуев сам не придавал выговору никакого значения. Работал с нами. Так же задавал Шмакову разные вопросы. И Шмаков приблизительно через полчаса отвечал ему.

Вопросы были такие:

— Закон тяготения... А если перестанет действовать? Что в небе получится? Полный кавардак.

В ответ Шмаков начал почему-то объяснять Зуеву теорию относительности. Шмаков сам ее не понимал и плел несусветную чепуху. А Зуев одобрительно кивал головой.

Когда Зуев отошел, я сказал Шмакову насчет несправедливого выговора.

Шмаков подумал и ответил:

— Плевать!

Вадим тоже отнесся к этому равнодушно:

— Ха, подумаешь!

Вадим по-прежнему носился по автобазе. И нельзя было понять, где он работает.

...После работы мы собрались на пустыре и начали разбирать машину. Ту, что притащили из Липок.

В помощь нам дали Зуева. Он на автобазе вроде затычки. Некому поручить — поручают Зуеву. Подходили к нам и главный инженер и бригадир Дмитрий Александрович. Но практически руководил Зуев.

Одни ребята снимали кузов, другие кабину, третьи вынимали мотор. Мальчики отъединяли крепления, снимали агрегаты, девочки промывали в керосине болты, гайки,

шурупы. В машине почти десять тысяч всяких деталей. Проканителелись до вечера.

На следующий день мы сняли с нее передний и задний мосты, рессоры, руль и развезли их по цехам. На пустыре осталась одна рама. Потом мы и раму стащили на сварку. Остались одни только деревянные подставки. Потом и их кто-то уволок.

Все работали хорошо. Как говорит Наталья Павловна, «с увлечением». Всем было приятно сознание, что из старой лайбы получится новая машина. Все понимали, что восстановить машину — большое дело. И работали с энтузиазмом.

Меня тоже воодушевляла мысль, что из металлолома мы соберем настоящую машину. И мне было приятно сознавать, что мы со Шмаковым Петром научились кое-что делать. Даже лучше, чем другие ребята. Они знали только отдельные части машины, а мы — машину в целом. И Зуев привык работать с нами, доверял нам. Если кто-нибудь из ребят обращался к нему с вопросом, он кивал мне или Шмакову Петру, мол, покажите. Мы со Шмаковым показывали. Наш авторитет очень возрос.

Раньше Зуев меня не интересовал. Даже не нравился. Казался каким-то чокнутым. Меня смешили его глубокомысленные разговоры со Шмаковым Петром.

Но постепенно я изменил к нему отношение. Прежде всего потому, что с ним приятно было работать. С другими слесарями мы нервничали, боялись, что не так получится. А Зуева мы не боялись. Он никогда не делал нам замечаний. Даже если мы делали неправильно, говорил:

— Ничего, хорошо. А здесь малость поправим.

И переделывал за нами.

Мне понравилось, как благородно вел он себя в Липках, во всей истории с аварией. Даже не обругал нас. Получил за нас выговор и ничего, молчит. Другой бы хоть сказал: «Вот как из-за вас мне досталось» или еще что-нибудь в этом роде. Зуев ничего не сказал.

Чем большим уважением проникался я к Зуеву, тем сильнее переживал несправедливый выговор, полученный им из-за нас. Незаметный, благородный человек. Не умеет постоять за себя.

В первую минуту, когда Игорь намекнул мне, что Зуева подозревают в подмене амортизаторов, я хотя и удивился, но не придавал этому большого значения. А теперь я понял, что это очень серьезно. Если на Зуева свалили аварию, то могут свалить и амортизаторы. Сошло с одним, сойдет с другим. Безответный человек, вали на него что угодно!

И он даже не подозревает об опасности. Спокойно работает и не знает, какая угроза нависла над ним...

Что же делать при таких обстоятельствах? Предупредить его? Он не поверит, ничего не предпримет, махнет рукой. Да и как скажешь человеку, что его подозревают в воровстве?

Пойти к директору, сказать, что амортизаторы взял Лагутин? У меня нет доказательств.

И тут у меня возникла мысль поговорить с самим Лагутиным...

Неплохая мысль! Чем больше думал я о ней, тем больше в этом убеждался.

Лагутин, конечно, нечестный человек. Но ведь он человек. Рабочий. Неужели он останется равнодушным к судьбе товарища? Может быть, он не такой уж плохой. Может быть, он остутился. Ведь пишут в газетах, что надо помогать тем, кто остутился, надо их перевоспитывать. Может быть, с этого и начнется перевоспитание Лагутина? С мысли, что из-за него пострадает честный благородный, ни в чем не повинный человек.

Я представлял себе, как подойду к Лагутину и скажу ему насчет Зуева. Я, конечно, не скажу, что он, Лагутин, подменил амортизаторы. Я скажу:

«Зуева хотят в этом обвинить. Но ведь это не так. Зуев этого не сделал».

«Ну и что?» — спросит Лагутин.

Тогда я скажу:

«Он наш товарищ по работе. Мы должны спасти его».

«Ладно, — ответит Лагутин, — я подумаю».

И вот на следующий день Лагутин явится к директору, положит на стол амортизаторы и скажет:

«Владимир Георгиевич, амортизаторы подменил я. Делайте со мной что хотите, но Зуев ни при чем!»

Тогда директор спросит:

«Что побудило вас прийти ко мне?»

Лагутин ответит:

«Нашлись люди. Человек, вернее... — Но так как ему будет стыдно, что этот человек простой школьник, то он мрачно добавит: — А кто этот человек, неважно...»

«Вы обещаете вести себя честно?» — спросит директор.

«Сами увидите», — ответит Лагутин.

А в последний день практики, когда мы будем уходить с автобазы, Лагутин подойдет ко мне, протянет руку и скажет:

«Спасибо!»

Я пожму его руку и отвечу:

«И вам спасибо».

Ребята спросят, за что это мы благодарим друг друга.

«Так, — отвечу я, — за одно дело!..»

И больше ничего рассказывать не буду.

Так представлял я себе разговор с Лагутиным. Я настолько уверился, что все будет именно так, что в конце концов преодолел страх, который испытывал перед этим разговором. И решил его не откладывать.

Я дождался конца смены, догнал Лагутина на улице и сказал:

— Товарищ Лагутин, можно вас на минуточку?

Лагутин остановился и воззрился на меня. Мы стояли посредине тротуара.

— Отойдем немного в сторонку, — предложил я.

Мы отошли в сторонку.

— Видите ли, в чем дело... — начал я. — Зуева подозревают с этими амортизаторами. Будто он их взял.

И точно так, как я предполагал, Лагутин спросил:

— Ну и что?

Ободренный тем, что он сказал именно то, что я предполагал, я уверенно продолжал:

— Надо что-то делать. Ведь он наш товарищ по работе.

Лагутин молча смотрел на меня. Я тоже посмотрел на него. Наши взгляды встретились. И в эту минуту я окончательно убедился, что амортизаторы взял именно Лагутин. И Лагутин понял, что я это знаю. И мне вдруг стало неудобно, жутко даже.

Зловеще улыбаясь, Лагутин спросил:

— А может, он их взял?

Я молчал. Мимо нас шли люди. Я знал, что Лагутин ничего не может сделать. Но

мне было страшно.

Все так же напряженно и зловеще улыбаясь, Лагутин сказал:

— Может, и в самом деле взял?!

Я понял. Мне было страшно оттого, что я должен сейчас сказать ему, — не Зуев взял амортизаторы, а взял их он, Лагутин. И мне было неудобно это сказать.

— Эх, вы! — Лагутин скривил рот. — Аварию сделали — на Зуева свалили. Амортизаторы взяли — тоже на него валите. Ну и сволочи!

Я ужаснулся:

— Что вы говорите! Кто валит на Зуева?

Лагутин усмехнулся:

— Сам сказал: Зуев амортизаторы подменил.

— Я сказал, что так говорят! — в отчаянии закричал я.

— Врешь! — издевательски проговорил Лагутин. — Сказал! Валишь на других. Ну и люди!

17

В какое глупое, идиотское положение я попал. Кому я доверился? Лагутину! Нашел с кем откровенничать.

На следующий день бригадир Дмитрий Александрович, проверяя мою работу, сказал:

— Болтаешь много.

Я понял, что он имеет в виду. Лагутин передал ему наш разговор.

Зуев ничего не сказал. Но по тому, как он посмотрел на меня, я понял, что он тоже знает об этом разговоре. У меня просто сердце оборвалось от его укоризненного взгляда.

Даже Коська, слесарь, презрительно процедил сквозь зубы:

— Звонарь!

Я никому ничего не отвечал. Разве я сумею доказать, что Лагутин переврал мои слова? Значит, не о чем и говорить.

Игорь меня подвел, вот кто! Если бы он мне не сказал, что подозревает Зуева, то я бы не сморозил это Лагутину.

Игорь пришел к нам со своей блестящей папкой. Я ему рассказал, в какое глупое положение я из-за него попал.

— Видишь, Крош, к чему приводит твое упрямство, — назидательно проговорил Игорь, — лезешь не в свои дела! Подводишь и себя и других.

Я закричал:

— Но ведь это ты мне сказал насчет Зуева!

— Не кричи, — хладнокровно ответил Игорь, — я не помню, что я тебе говорил. Может быть, я и назвал фамилию Зуева. Но ведь это только мои предположения.

— Как — твой? Ты ведь сказал «поговаривают».

— Это одно и то же. И эти предположения я высказал лично тебе, моему товарищу, так просто, вскользь, между прочим, конфиденциально, а ты обвинил Зуева официально.

— Где я его обвинил официально?

— Ты сказал Лагутину, а Лагутин член коллектива. Одно дело, когда об этом болтаем между собой мы. Другое дело, когда это обсуждается в коллективе. Ясно? Надо

понимать разницу. А все оттого, что ты себя считаешь умнее всех.

Я был раздавлен. Ведь я хотел сделать Зуеву лучше, а что вышло? Почему у меня всегда так получается? Хочу сделать лучше, а получается хуже.

Вот Игорь. Спорол глупость — и ничего. Ходит как ни в чем не бывало. А я сказал только одному человеку. И не в порядке утверждения, а в порядке отрицания. И что же? Меня считают сплетником и клеветником.

Как я сразу не догадался, что Игорь высосал все из пальца? Хотел огорошить меня, подавить своей осведомленностью. Не хотел, чтобы я писал заявление, вот и придумал эту чепуху. А я принял всерьез. А Лагутин воспользовался моей глупостью. И с моей помощью замечает следы. Ведь амортизаторы взял он. Это теперь совершенно ясно.

Я был убежден, что все меня презирают. У меня было отвратительно на душе. Я не мог никому смотреть в глаза. Пусть бы лучше обругали меня! Но меня не ругали. Не хотели снова поднимать этот разговор. И правильно. Все проявляют такт, и только я показал себя дураком.

Ужасное положение!

В довершение всего Игорь растрепал эту историю ребятам.

Майка вызвала меня из гаража и спросила:

— Сережа, что произошло у тебя с Зуевым?

Я молчал. Что я мог сказать? Что бы я ни говорил, все равно я буду выглядеть болтуном.

— Неужели ты мне не доверяешь? — настаивала Майка.

Я мрачно проговорил:

— Ничего особенного. Трепанул языком как дурак.

— Все же?

Я рассказал, как хотел написать заявление в защиту Зуева, как мне Игорь сказал насчет амортизаторов и как я сдуру ляпнул про них Лагутину.

— Напрасно ты огорчаешься, — сказала Майка, — ведь ты хотел сделать лучше.

— «Хотел»! А что получилось? Все теперь на меня косятся.

— Покосятся и перестанут. Ты чересчур все переживаешь. Даже не похоже на тебя. Ведь ты умен и рассудителен.

Мне было приятно, что Майка так хорошо меня понимает. Но было неудобно, что ей приходится утешать меня. Значит, я выгляжу очень жалким.

— Игорь меня подвел, вот кто! — сказал я. — Я не хочу на него сваливать, но подвел он. Как ему все легко сходит! Просто удивительно.

— Потому что Игорь неискренний, а ты искренний, — сказала Майка.

Это тоже было приятно слышать. Но мне всегда неудобно, когда меня хвалят. Я не знаю, как на это реагировать. Соглашаться нескромно, а отрицать... Зачем же отрицать?!

— Если бы все люди были искренни, — сказал я, — то все было бы гораздо легче и проще.

Майка с этим согласилась.

Разговор с Майкой меня не успокоил. Приятно получить товарищескую поддержку. Больше всего я боялся, что Майка тоже сочтет меня сплетником и болтуном. Я был рад, что она меня им не сочла. Но того, что знает и понимает Майка, не знают и не понимают другие. Все меня презирали, и я себя чувствовал каким-то отщепенцем.

Я бродил по автобазе и не находил себе места. У меня было такое состояние, будто

я для всех здесь чужой. До меня доносились звонкие удары ручника и глухие — молота. Шипели паяльные лампы, стрекотала сварка, пахло ацетоном, шумел компрессор, за стеной слышались хлюпающие звуки — мотор обкатывали на стенде... Но эти привычные шумы и запахи производства только подчеркивали, что люди работают, им хорошо и весело, они безмятежны, у них чистая совесть, и только я здесь чужой, презираемый всеми человек.

Я увидел Вадима. Он стоял в дверях центрального склада, где сейчас работал. Он помахал мне рукой и исчез в складе. Я пошел за ним туда.

Склад — это единственное место на автобазе, которое я не люблю. Высокие, до потолка, стеллажи образуют узкие проходы, тесные и темные. На полках, в клетках и ящиках лежат части и детали, над ними длинные номера. Вадим даже не знает названий деталей. Скажешь ему: «Дай гайки крепления колеса!» А он спрашивает номер. Как будто номер легче запомнить, чем название. Канительная, бюрократическая работа. Не понимаю, почему она нравится Вадиму?..

Заведующего складом не было. Вадим восседал за его столиком. Я сел напротив. Вадим посмотрел на меня:

— Ты что такой?

— Не знаешь, что ли? — ответил я.

Хотя в складе никого, кроме нас, не было, Вадим наклонился ко мне и тихо проговорил:

— Крош, я нашел амортизаторы.

Я обалдел:

— Где?

— Пойдем! — Вадим встал.

— Но как ты оставишь склад?

— Запру.

— А если придут за деталями?

На это Вадим, как настоящий складской работник, ответил:

— Подождут.

Он запер склад и повел меня на пустырь. Все машины были на линии. Только на краю пустыря, у дороги, стояли пять машин, ждавшие отправки на авторемонтный завод. На их бортах мелом было написано: «В ремонт». Мы подошли к одной из этих машин и влезли в кузов.

В углу кузова что-то лежало, прикрытое кусками толя. Вадим приподнял толь, и я увидел амортизаторы. Совсем новые. Те самые, которые я получал на складе.

— Как они попали сюда? — спросил я.

— Понятия не имею, — ответил Вадим.

— Кто их мог сюда положить?

— Понятия не имею, — повторил Вадим, как попугай.

— Как ты их здесь обнаружил?

Вадим замялся:

— Совершенно случайно... Я что-то искал...

— Что ты искал?

— Я смотрел: нет ли чего подходящего для нашей машины, — признался Вадим.

— Продолжаешь шнырять!

Вадим поник головой:

— Как видишь...

— Вот к чему приводит твое шныряние, — сказал я.

— А что особенного? — возразил Вадим. — Если бы я не шнырял, то не нашел бы их.

— Эх ты, балда! Что хорошего в том, что ты их нашел?

Вадим оторопело смотрел на меня. Его толстая, румяная морда выражала полнейшее недоумение.

— Ты пойми, балда, — сказал я, — кто тебе поверит, что ты их нашел? Скажут, что ты их сам сюда положил. Вот что скажут. А если бы ты, балда, не шнырял, их бы нашел кто-нибудь другой, и мы были бы ни при чем...

— Что же делать? — спросил несчастный Вадим. — Ведь я хотел как лучше.

— С нами, дураками, так и получается, — с горечью сказал я, — мы хотим как лучше, а получается как хуже!

Конечно, я чересчур напугал Вадима. Можно взять эти амортизаторы и отнести их директору. Он поверит, что мы их нашли. И если человек будет вечно бояться, что ему не поверят, то он обречен на бездействие. Но если мы их сейчас отнесем к директору, то никогда не узнаем, кто их сюда положил. А положил их сюда Лагутин, вот кто! Чтобы в удобный момент вывезти. И, когда все узнают, что положил их сюда именно Лагутин, всем станет ясно, с какой целью он оклеветал меня.

И всем будет стыдно за то, что они поверили ему.

Значит, надо действовать осторожно. Нельзя трогать амортизаторы. Пусть лежат на месте. Надо только рассказать о них директору. Он примет меры...

Мы с Вадимом отправились в контору. Директора и главного инженера не было, они уехали в трест. Значит, вернутся поздно и вернутся сердитые. Они всегда возвращались из треста сердитые, там им давали нагоняй. За что — непонятно. Наша автобаза работала очень хорошо, перевыполняла план, вот уже год, как держала переходящее Красное знамя, но в тресте, наверно, хотели, чтобы мы работали еще лучше, и каждый раз давали нашему директору нагоняй.

Мы уселись на скамейке и стали ждать. Наши ребята ушли домой, но рабочий день еще продолжался. К нам подошел кладовщик, взял у Вадима ключи. И не сделал Вадиму замечания за то, что тот самовольно запер склад. Теперь я понял, почему приходится так подолгу ждать кладовщика: он нисколько не волнуется, что в цеху простаивают рабочие. Я сказал об этом Вадиму. Опять, как настоящий складской работник, он ответил:

— Вас много, а мы одни.

Я ему заметил на это, что он дурак.

Ожидать директора было довольно томительно, но мое настроение улучшилось. Теперь-то я развину эту историю. Узнает Лагутин, как клеветать на людей.

В три часа мимо нас прошла большая группа молодых рабочих. Они учились в вечерней школе, кто в девятом, кто в десятом, а некоторые даже в восьмом классе, и их сегодня отпустили с работы на два часа раньше.

Я сказал:

— Это очень хорошо, что они учатся, — повышается общая культура.

На это Вадим возразил, что они учатся не для общей культуры, а для поступления в вуз.

Мы заспорили, что следует понимать под общей культурой. Но тут прозвенел звонок. Вышла секретарша и сказала, что директора сегодня не будет, он задерживается в тресте. И мы с Вадимом решили отложить это дело до утра. Что касается

амортизаторов, они спокойно лежали два дня, полежат еще ночь.

18

В этот вечер я пошел в клуб на танцы. Клуб принадлежит машиностроительному заводу. Но ходят туда все: других клубов в нашем районе нет.

Есть на нашей улице кинотеатр «Искра». Новое двухзальное кино с фойе, оркестром, певицей и буфетом. Но в кино посмотришь картину и уйдешь. А в клубе бывают вечера, спектакли, концерты, приезжают артисты, а по средам и воскресеньям устраивают танцы под джаз или под радиолу. Мы стараемся проходить в клуб без билета. Это удастся только троим: Игорю, Вадиму и Шмакову Петру. Мне не удастся.

Девиз у Игоря такой: «Человек искусства пользуется искусством бесплатно». Игорь считает себя человеком искусства. Он два раза снимался в кино, в массовках. И все главные деятели клуба — его приятели.

Вадим тоже трется в клубе, выполняет всякие поручения, считается там заметной личностью. И как заметная личность проходит бесплатно.

Шмаков Петр, наоборот, проходит как незаметная личность. Стоит у контроля, молчит, а потом незаметно проходит. Глядя на его серьезный, сосредоточенный вид, никак нельзя подумать, что он идет без билета.

В тот вечер, когда мы с Вадимом ушли с автобазы, не дождавшись директора, в клубе были танцы под джаз.

Я люблю танцы. Не так, как некоторые, видящие в этом смысл жизни. А приблизительно так, как любил Пушкин. «Люблю я бешеную младость, и тесноту, и блеск, и радость...» Мне нравится джаз. Книги, кино и джаз — вот, пожалуй, что я люблю больше всего. Если бы у меня были технические наклонности, я, наверно, любил бы что-нибудь более серьезное.

Танцую я все танцы. И бальные и современные. Но современные люблю больше. Их танцуешь как хочешь. И человеческая личность раскрывается в них шире и глубже. Конечно, отдельные стилиги выламываются. Но выламываться можно и в польке-бабочке.

Народу в клубе было полно. Наши ребята — почти все. Много и с автобазы. В дверях стояли дружинники с красными повязками на рукаве.

Лагутин танцевал с диспетчером Зиной. Отношения этих двух людей мне совершенно непонятны.

Игорь танцевал с незнакомой мне гражданкой. Танцевал так, будто делал громадное одолжение и гражданке, и музыкантам, и всем, находящимся в зале. У него было усталое выражение лица, как у человека, который разочаровался во всем и двигает ногами только из чувства снисходительности.

В середине зала отплясывал Вадим. Он считал себя большим специалистом по рок-н-роллу. Просто выделывал руками и ногами что хотел.

Что касается Шмакова Петра, то он танцует неважно. Можно сказать, плохо танцует. Но танцует все подряд. Сначала молча стоит у колонны и высматривает, какая девица сидит без кавалеров. Потом подходит к ней и приглашает. Танцует Шмаков с серьезным и сосредоточенным видом, будто делает невесть какую сложную и ответственную работу. Никогда не смотрит, куда ведет свою даму, и врывается в толпу, как таран. Наступает даме на ноги. И, если дама не убегает тут же домой, приглашает ее и на следующий танец.

Ни одного слова со своей партнершей Шмаков не произносит Вообще молчит весь вечер. Только когда оркестр заиграет, спрашивает меня: «Какой танец?» Сам не может разобрать, что играют: у него полное отсутствие слуха. И зачем он спрашивает, что за танец, непонятно. Что бы ни играли, Шмаков танцует только одно: нечто среднее между фокстротом и танго. Некоторые девочки даже думают, что это новый стиль. И, танцуя со Шмаковым, очень стараются.

Больше всего я люблю танцевать с Майкой. Но Майку приглашают все, и она никому не отказывает. Мне это и нравится и не нравится. Нравится потому, что это говорит о Майкиной простоте. Она не ломается, она пришла сюда танцевать, танцует и никого не хочет обидеть отказом. В ответ на приглашение она улыбается, встает и идет танцевать.

Но нельзя танцевать и с кем попало, можно нарваться на нахала. Один такой пристал как-то к Майке на весь вечер. Мы с ребятами тут же его отшили, танцевали с Майкой по очереди. Но, когда танцы кончились, мы увидели, что он ожидает Майку на улице. Тогда мы все пошли ее провожать. Нахал испугался и не пошел за нами. Я потом узнал, что он работает на заводе в конструкторском бюро. Хлипкий такой тип, в очках.

Из-за того что Майка никому не отказывает, ее трудно пригласить. Сидеть возле нее неудобно, это выглядит назойливо. У нас не заведено сидеть парами. Мы пришли сюда танцевать, а не ухаживать. Девочки сидят отдельно, мальчики стоят отдельно. Но, пока пересечешь зал, кто-нибудь опередит тебя и пригласит Майку.

Когда я пришел, Майка уже танцевала, и как раз с очкастиком из конструкторского бюро. Когда танец кончился, он остался возле Майки с явным намерением пригласить ее опять.

Я тут же, пока еще не заиграла музыка, подошел к девчонкам, заговорил с ними, а как заиграла музыка, сразу пригласил Майку. Тип вместе со своими очками остался стоять у стены. Даже никого не пригласил. Показывал Майке свою преданность.

Играли вальс. Я танцую его в обе стороны, поворачиваясь и левым и правым плечом. И, чтобы морально подавить нахала в очках, я прошелся один круг левым плечом, потом круг правым плечом. И старался танцевать против того места, где стоял этот тип, чтобы он убедился, как я здорово танцую, и понял, что Майке гораздо интереснее танцевать с таким выдающимся партнером, как я, чем с таким идиотом, как он.

Следующий танец я опять танцевал с Майкой и отвел ее на место, только увидев, что музыканты кладут свои инструменты и отправляются на перерыв.

Мы со Шмаковым Петром взяли контрамарки и вышли на улицу, чтобы освежиться и выпить газировки.

Между прочим, Шмаков всегда в перерыве выходит на улицу. Чтобы взять контрамарку. И, возвращаясь в клуб, старается ее не отдавать. Шмаков собирает контрамарки. Когда ему не удастся пройти зайцем, он проходит в перерыве по этой контрамарке. Контрамарки от вечера до вечера меняются. Но у Шмакова Петра всегда находится нужная.

На улице накрапывал мелкий дождик. Но это хорошо: под дождем лучше освежимся. Мы спокойно пили газированную воду, освежались под мелким дождиком, дышали вечерним воздухом и глазели по сторонам. Вернее, глазел я. Шмаков Петр, когда пил воду, упирался глазами в дно стакана.

Я глазел по сторонам и увидел «Победу». Обычную «Победу». Я обратил на нее внимание только потому, что она подъехала не к подъезду клуба, а остановилась в

темном переулке, за углом. Из машины вышли два человека и прошли мимо нас в клуб. Двое парней в пиджаках, рубашках без галстуков и кепках, надвинутых на лоб. На одном были белые парусиновые туфли.

Но, во что бы они ни были одеты, я сразу понял, кто это такие. Я хорошо знал таких ребят. Встретишь такого на улице, мелькнет его лицо в подворотне, в магазине, в троллейбусе, в фойе кино, — сразу отличишь его среди тысячи других людей. Есть в них что-то такое особенное, я даже не могу объяснить что... Взгляд, что ли... С виду безразличный, равнодушный, а на самом деле — настороженный, внимательный. Идет такой, не оглядываясь, как будто спокойно, а сам напряжен, спиной чувствует, не следят ли за ним... У нас в школе одно время даже учился один такой, в восьмом или девятом классе. Все знали, что он бандит. Мы были только совсем еще маленькие, с интересом смотрели на него. Потому что, если всем известный бандит открыто учится в восьмом классе, значит, и взрослые его боятся. Потом, правда, оказалось, что он вовсе не бандит. Просто он хотел поступить в пожарники и, лазая по чердакам, заранее тренировался.

Но в том, что из машины вышли именно эти ребята, я не сомневался.

Мы со Шмаковым вернулись в клуб. Перерыв еще не кончился, но публика устремилась в зал. Некоторые затем, чтобы занять места у стены, другие — чтобы не пропустить ни одного танца. Есть и такие.

Я тоже было заторопился в зал, чтобы не дать возможности типу в очках танцевать с Майкой. Но увидел вдруг в конце коридора Лагутина и рядом с ним этих парней. Я подался немного назад и в сторону. Сделал вид, что хочу переждать толпу, которая протискивалась в зал.

Лагутин и парни стояли вместе совсем недолго, может быть, одну минуту. О чем они говорили, я тоже не мог расслышать. Я только видел мрачное лицо Лагутина. Потом оба парня, как по команде, повернулись и прошли мимо меня к выходу. Я услышал звуки музыки и вошел в зал. У стены, на том месте, где обычно сидели наши девочки, Майки не было. Я увидел ее танцующей с очкастиком. Какой, однако, назойливый нахал!

Я обошел зал и стал возле колонны. Недалеко от меня стояла Зина, диспетчер. На ней была зеленая шерстяная кофточка и туфли на тоненьком, как гвоздик, каблучке. Как держатся женщины на таких каблучках — непонятно.

Лагутин появился вслед за мной. Как и я, обошел зал и подошел к Зине. Они стояли с другой стороны колонны, довольно близко, но шум оркестра заглушал их голоса. Лагутин что-то раздраженно говорил, на чем-то настаивал. А Зина колебалась, не хотела, отказывалась, лицо ее покрылось красными пятнами.

Музыка смолкла. Я увидел, как нахал в очках проводил Майку на место. Я стал внимательно следить за оркестром. Как только музыканты подымут инструменты, я тут же подойду к Майке и первый приглашу ее.

Но, раньше чем я успел это сделать, меня опередили... И кто? Лагутин! Большими шагами он пересек зал, подошел к Майке, заговорил с ней, тут заиграла музыка, и они пошли танцевать.

Этого я Майке никогда не прощу! Ведь она отлично знала, что Лагутин — мой первый враг, он так подло подвел меня с Зуевым.

Простота и естественность хорошие качества, но не до такой же степени! Надо знать меру! Ведь это предательство по отношению к товарищу! Танцевать с человеком, который его оклеветал! Разве я пошел бы танцевать с девчонкой, которая оклеветала

Майку? Никогда в жизни!

Достаточно того, что я простил ей очкастого! Если разобраться, она и с ним не должна была танцевать. Одно дело — когда человек танцует, другое — когда ухаживает. А очкастый пытается ухаживать. И все это видят. И, танцуя с ним, Майка попускает его ухаживаниям.

Но очкастого я ей простил, а Лагутина не прощу ни за что! Мало того, что он меня предал, — ведь он танцует с ней только для того, чтобы досадить бедной Зине. Разве Майка этого не видит?

Ни на грош чувства собственного достоинства!

Она танцевала с Лагутиным и, увидев меня, даже улыбнулась.

Я отвернулся и сделал вид, что не вижу ни ее улыбки, ни ее самое.

19

Эту ночь я плохо спал. Не потому, что думал о Майке. Если я и думал о Майке, то только одно: что больше никогда не буду о ней думать.

Я думал о Лагутине, об этих ребятах, об амортизаторах, которые мы с Вадимом так легкомысленно оставили на ночь в старой машине. Они положены туда, чтобы легче их вывезти с автобазы. И, может быть, как раз сегодня ночью их и вывезли. Почему-то я связывал все это вместе: амортизаторы, этих ребят и Лагутина. Постепенно у меня возникла версия: положил амортизаторы в машину Лагутин, должны их вывезти эти ребята. Стройная, логичная версия.

Думая об этой версии, я в конце концов заснул. Очень крепко. Утром отец еле меня разбудил. Я чуть не опоздал на работу. Прибежал туда к самому звонку. В воротах я столкнулся с Вадимом: он всегда прибегает к самому звонку.

Я показался в гараже, получил работу. Потом вышел во двор к ожидавшемуся меня Вадиму. Мы пошли к директору, чтобы рассказать ему об амортизаторах.

Мы приоткрыли дверь кабинета и увидели, что там полно дыма и людей. Уже заседают. Видно, вчера вечером в тресте здорово гоняли нашего директора, если он с самого утра начал гонять своих подчиненных.

Тогда мы решили пойти посмотреть, на месте ли амортизаторы. Надо проверить.

Мы пересекли пустырь, подошли к крайней машине с надписью «В ремонт» и взобрались в кузов.

И, как только мы взобрались туда, мы увидели, что амортизаторов нет. Валялся кусок толя, и больше ничего не было.

Амортизаторы унесли. Мы молча смотрели друг на друга. Потом Вадим неуверенно сказал:

— Может быть, их нашел сторож.

Так, конечно, могло случиться. И это было бы очень хорошо. Просто замечательно! Амортизаторы нашлись, мы здесь ни при чем, прекрасно!

Но могло случиться и не так. Амортизаторы могли увезти те, для кого они здесь положены. Приехали на машине, положили в нее амортизаторы и уехали. Сторож спокойно спит всю ночь. Да и услышав шум подъезжающей машины, не обратил бы внимания. Подумал бы, что вернулась с линии какая-нибудь опоздавшая машина.

Пустырь представлял собой квадрат, расположенный сразу за ремонтными цехами. Справа он был огорожен забором лесного склада. Сзади темнел заброшенный песчаный карьер. Слева, за канавой, тянулась старая дорога. По ней раньше ездили к карьере за

песком. Сейчас этой дорогой не пользовались. Но если амортизаторы вывезли, то только по ней.

Мы слезли с машины и подошли к дороге. Первое, что мы увидели, был кусок толя. Он валялся в канаве. Все сразу стало ясно: амортизаторы пронесли именно здесь. Несли в толе, чтобы не гремели. А когда положили в «Победу», толь бросили в канаву.

Мы перебрались через канаву на дорогу. Она вела к песчаному карьеру и была покрыта где тонким, где толстым слоем песка. Вчера прошел дождь, и мы увидели на песке отчетливые следы машины.

Мы нагнулись и стали их рассматривать.

Следы на дороге остаются от колес. Точнее, от покрышек. Еще точнее, от протектора. Протектором называется верхняя часть покрышки, сделанная в виде рисунка. Углубления этого рисунка позволяют колесу лучше сцепляться с дорогой.

И вот мы увидели очень глубокие, очень резкие, широкие и косые следы, расположенные елкой.

Это были следы не от «Победы», а от какой-то другой, незнакомой нам машины. От «Победы» не остается таких глубоких следов.

— Похоже на трактор, — неуверенно проговорил Вадим.

— Сказал тоже! От трактора не следы, а борозда.

Мы пошли к карьеру, рассматривая следы. Я очень расстроился — рухнула моя версия. Ведь эти парни были на «Победке», а здесь была какая-то другая машина. Неужели не Лагутин, а кто-то другой положил сюда амортизаторы?

У карьера мы увидели множество следов. Здесь машина разворачивалась. Ее подавали то вперед, то назад. Песок здесь был глубже, и следы проступили отчетливее. Я внимательно пригляделся к ним и рядом с глубокими следами незнакомой машины увидел мелкие, фигурные следы «Победы»...

У меня даже сердце заколотилось от волнения. Значит, «Победа» здесь все-таки была...

Я присел на корточки. Следы шли рядом друг с другом, совсем вплотную. Обе машины здесь разворачивались. Вперед — назад, вперед — назад...

Но почему следы от «Победы» были только здесь? Почему их нет на дороге?

Может быть, мы невнимательно смотрели?

Мы пошли обратно, тщательно осматривая следы. Но как мы ни вглядывались, следов от «Победы» на дороге не было. На дороге был только один след. Резкий, глубокий, косой, незнакомый след.

— Все ясно, — сказал Вадим, — след у «Победы» мелкий, его задуло ветром.

— А почему его не задуло у карьера? — возразил я.

Получалась странная и не совсем понятная картина! Получалось так, что сначала пошла «Победа», а потом за ней, точно след в след, прошла вторая, незнакомая машина. И ее более глубокий и сильный след уничтожил след «Победы»...

— Все ясно, — сказал Вадим, — вторая машина нарочно шла за первой, чтобы уничтожить ее следы. Увезли амортизаторы на «Победке». Значит, надо замести следы.

Это объяснение показалось мне логичным. Но после некоторого размышления я увидел, что никакой логики в нем нет. Что за дурацкий способ заметать следы! Разве попадешь ночью след в след? Да и глупо это! Удивительно, что предположение Вадима показалось мне в первую минуту разумным.

Мы прошли в сторону шоссе. Песка становилось меньше, следы проступали тусклее. Все же было отчетливо видно, что это следы от второй машины. И только там,

где дорога выходила на шоссе, на том месте, где машины поворачивали, мы опять увидели следы «Победы». Ясно виднелся закругленный песчаный след незнакомой машины и рядом с ним, тоже песчаный, очень мелкий след от покрышек «Победы»... Дальше на асфальте вообще уже ничего нельзя было разобрать...

Так ничего толком не выяснив, мы вернулись на автобазу. Моя версия, хотя и висела на волоске, все же полностью не была опровергнута: какая-то «Победа» там была. Значит, можно предполагать, что амортизаторы увезли эти парни, а вынес их на пустырь Лагутин.

— Где пропал? — спросил меня Шмаков, когда я вернулся в гараж.

Я неопределенно помахал рукой:

— Тут...

— Бригадир ругался, — сказал Шмаков.

Раньше бригадир не ругал меня за отлучки. А теперь ругает. Понятно! Отношение ко мне изменилось. И все из-за Лагутина. Из-за того, что он оклеветал меня. Ничего, справедливость восторжествует!

Мы со Шмаковым принялись за работу, потом я его спросил:

— А что ты ответил бригадиру?

— Сказал, что тебя вызвал завуч, — ответил Шмаков.

Уже какой раз меня поражала сообразительность Шмакова Петра. Только он один мог придумать такой ловкий ответ. «Завуч вызвал»! Надо же! Если бы Шмаков сказал, что меня вызвал директор или главный инженер, бригадир мог бы это проверить. А «вызвал завуч» — как бригадир это проверит? Может, он и не знает, кто такой завуч? А если знает, то не пойдет же он в школу проверять. «Завуч» — это что-то далекое, непонятное, а потому убедительное. Я давно заметил, что самое убедительное для некоторых людей — это самое непонятное.

Молодец Шмаков! Верный товарищ! Мне стало стыдно, что я ничего не рассказал ему про амортизаторы. Ведь Шмаков куда более надежный человек, чем Вадим. И как ни туго соображает Шмаков, у него есть практическая хватка, сколько раз я убеждался в его глубоких практических познаниях.

Я уже было собрался рассказать Шмакову все по порядку. Ему обязательно надо рассказывать по порядку, иначе он не поймет, в чем дело. Как вдруг неожиданная мысль взволновала меня...

Как же я не срисовал следы незнакомой машины?! Ведь эти следы скоро исчезнут. Разве можно упустить такое важное обстоятельство? И второй след надо было срисовать. Я думал, что он от «Победы», а вдруг нет?

Я взял кусок картона, из которого мы вырезаем прокладки, взял кусок мела, карандаш и, предупредив Шмакова, чтобы он опять соврал бригадиру насчет завуча, побежал на пустырь...

Я вернулся через полчаса.

В кармане у меня лежал тщательно срисованный отпечаток протектора незнакомой машины и менее тщательно срисованный след протектора «Победы». Он очень сложный, мелкий, он был уже неясно виден, и его было труднее срисовать.

Мы со Шмаковым снова принялись за работу. Приходил бригадир, посмотрел на меня, но ничего не сказал. Видно, магическое для школьников слово «завуч» действовало и на него.

Работать нам со Шмаковым пришлось недолго. Скоро прозвенел звонок. Рабочие пошли на перерыв, мы могли отправиться домой.

Я сказал Шмакову:

— Задержись. Дело есть.

— Ладно, — ответил Шмаков Петр.

Он никогда не задавал вопросов, что да почему? Хорошая черта.

Мы пошли в местком, взяли у библиотекарши книгу под названием «Автомобильные шины», уселись за стол и стали ее рассматривать. Я вынул рисунки протекторов, которые сделал на дороге, положил их рядом с книгой и сказал Петру:

— Вопрос: с каких покрышек эти протекторы?

Протектор с «Победы» мы скоро нашли. Это действительно был протектор с покрышек «Победы», размер 6х16. У меня немного отлегло от сердца. Слава богу! Значит, «Победа» там действительно была. Прекрасно! Замечательно! Значит, я не ошибся...

Но рисунка, похожего на протектор второй машины, мы в книге не находили.

Тогда Шмаков внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Это покрышка с вездехода.

— Какого вездехода?

— «ГАЗ—69».

— Ты думаешь?

— Точно.

Я тут же потребовал у библиотекарши книги о вездеходах «ГАЗ—69». Мы ее перелистали и в разделе «Шины и камеры» нашли рисунок протектора. Он точно совпадал с тем, который я зарисовал на дороге. Такие же широкие косые полосы в виде елки... Очень глубокие — для увеличения проходимости вездехода.

Мы вернули библиотекарше книги и отправились на пустырь. По дороге я рассказал Шмакову все по порядку. Дорога была длинная, и мне хватило времени.

Снова, теперь уже со Шмаковым Петром, мы осмотрели следы. Песок подсох, следы начали рассыпаться, но были еще видны...

Шмаков подумал и сказал:

— Если на «Победе» были воры, значит, на вездеходе была милиция.

С досады я даже ударил себя кулаком по лбу. Как я сам не догадался! Конечно, Шмаков прав! Что значит практическая сметка! Ай да...

Впрочем, рано говорить «Ай да»... Почему все же на дороге нет следов от «Победы»?..

Конечно, объяснения Шмакова логичнее объяснений Вадима. Но не настолько, чтобы лупить себя кулаком по лбу.

У Шмакова есть практическая сметка. Но, чтобы разгадывать тайны, надо иметь еще кое-что...

Что именно? А черт его знает! Может быть, нечто прямо противоположное практической сметке. Например, фантазию.

20

Мы решили никого не посвящать в эту историю. Все равно не поверят. А поверят, так объявят нас лопухами. И не без основания: амортизаторы мы проворонили.

Я не сказал Вадиму, что Шмаков Петр тоже в курсе дела. Если Вадим об этом

узнает, он тут же расскажет еще кому-нибудь. Будет оправдываться тем, что я первый нарушил тайну. Такой уж он человек, Вадим. На него можно воздействовать только собственным примером. А какой пример я ему подам, если признаюсь, что все рассказал Шмакову Петру. Впрочем, на следующий день нам было не до этого: предстояла первая получка.

Зарплату на автобазе выдают два раза в месяц. Каждый раз это большое событие. Люди, привыкшие получать зарплату, и те чувствуют в этот день какой-то подъем. А мы тем более. Ведь это первая получка в нашей жизни.

Информацию мы получили от Игоря. Он работает в конторе и находится в курсе всего. На лице у него было этакое снисходительно-добродушное выражение, будто нашей зарплатой мы обязаны всецело ему. Будто без него мы бы ни гроша не получили.

Сначала он объявил, что мы «включены в ведомость». Наши фамилии занесены в список, по которому выдают зарплату. И дал понять, что он приложил к этому немалые усилия. Затем явился и сообщил, что мы получим только аванс — половину зарплату. Остальные деньги мы получим в конце месяца — в расчет. Расчет зависит от того, сколько мы заработаем. Это может быть и больше и меньше. Игорь, конечно, постарается, чтобы мы получили не меньше, а больше.

Потом он пришел и сказал, что кассир уехал в банк.

Потом сообщил, что дела в банке идут туго, возможно, сегодня не дадут. Потом пришел и объявил, что все налаживается, но выдавать нам будут зарплату после пяти часов.

В общем, целый день Игорь держал нас в возбужденном состоянии и отрывал от работы.

Мы со Шмаковым мало беспокоились. Полагается нам зарплата — получим. Сегодня, завтра — разница небольшая. И мы сказали Игорю, чтобы он не делал из мухи слона.

Он обиделся и ушел. Но не утерпел, вернулся и, чтобы задобрить нас, сказал, что все в порядке. Зарплату нам выдадут после двенадцати часов.

На это мы со Шмаковым ответили:

— Ладно!

...Кончив работу, мы всем классом собрались у кассы. Открылось окошко. Нам начали выдавать зарплату.

Мы расписывались в ведомости против своей фамилии. Кассир, бесстрастный человек, никому не смотрел в лицо. Смотрел только на ведомость, ставил галочку и отсчитывал деньги. Шестнадцать рублей двадцать копеек.

Мальчики вели себя с достоинством. Небрежно совали деньги в карман. Некоторые, правда, пытались получить без очереди. Но не из жадности, а из озорства. Только Шмаков Петр аккуратно сложил деньги в бумажник. Такая у него привычка.

Зато девочки были чересчур возбуждены. Отойдя от кассы, пересчитывали деньги и что-то оживленно обсуждали. Только Майка не шумела. Спокойно сунула деньги в карманчик платья. Я, конечно, заметил это случайно. Между нами все кончено. А она ни с того ни с сего улыбнулась мне своей приветливой улыбкой. Странно!

Игорь стоял у кассы и благодушно улыбался, как хлебосольный хозяин, угощающий своих друзей. Он страдает преувеличением собственной личности. Зарплату он получил до нас. Как свой человек в конторе. Рядом с ним стоял Вадим и собирал долги. Я отдал ему рубль за обед в Липках. Шмаков подумал и тоже отдал.

У меня осталось пятнадцать рублей двадцать копеек. Я решил сразу пойти в

универмаг и купить подарки папе и маме.

— Сходим в универмаг, — предложил я Шмакову Петру.

— Зачем?

— Надо кое-что купить.

Я не хотел ему говорить про подарки. Родители Шмакова работают в Индии, на строительстве завода. Живет он с бабушкой и дедушкой. И я не был уверен, станет ли Петр делать им подарки. И, узнав про подарки, мог не пойти. А одному идти скучно.

На первом этаже универмага, рядом с писчебумажным, спортивным и игрушечным отделениями, находилось то, что мне было нужно, — парфюмерия.

Я давно заметил, что в магазинах ненужные отделы располагаются внизу, а нужные — наверху. И чем нужнее, тем выше. Например, обувной — на четвертом.

Я поделился этим наблюдением со Шмаковым Петром.

Он подумал и сказал:

— За духами на четвертый этаж никто не полезет, а за ботинками полезут. — И добавил: — А кто идет на четвертый этаж, купит мимоходом на первом этаже какую-нибудь ерунду. Магазин выполняет план. Работники прилавка получают премию.

И я опять, уже в который раз, удивился практической сметке Шмакова Петра, его глубоким практическим познаниям.

В спортивном отделе все было так ловко разложено, выглядело таким новеньким и блестящим, что все хотелось купить. Неплохо бы купить боксерские перчатки. И гантели тоже необходимы. Но больше всего нам со Шмаковым Петром понравились спортивные брюки. Синие, трикотажные, с резинками внизу. В них у человека исключительно спортивный вид. Особенно если прибавить к ним синий свитер с белой каймой под воротником. Настоящий тренировочный костюм.

Но если купить и свитер, и брюки, и подарки, то я истрочу все деньги.

Сделаю так. Куплю спортивные брюки, они стоят три рубля. На два двадцать куплю подарки. Ровно десять рублей у меня останется. Если в расчет я получу двадцать рублей, как говорил Игорь, то у меня будет ровно тридцать. И на них я сделаю что-нибудь капитальное.

— Покупаем? — спросил я Шмакова Петра.

Он с сосредоточенным видом вертел в руках брюки, ощупывал, переворачивал их в разные стороны и молчал.

— Пошел платить! — решительно объявил я.

На Шмакова, как и на Вадима, надо действовать силой собственного примера.

Я заплатил в кассе три рубля, получил пакет, а Шмаков все еще стоял у прилавка и вертел в руках брюки.

— Чешешься, — сказал я ему, — плати деньги.

Шмаков вздохнул:

— Трикотаж плохой. Через два дня вытянутся. В коленках... И кругом. Второй сорт.

Я похолодел:

— Что же ты мне сразу не сказал?!

На что последовало обычное шмаковское:

— Не успел.

На этот раз я уже не восхищался его практической хваткой. Черт бы побрал эту хватку! Чего она стоит при такой медлительности.

Ладно! Что сделано, то сделано! Погорел я на трешку, впредь буду умнее.

Я решил немедленно отправиться в парфюмерный отдел и купить маме духи. Но по дороге был писчебумажный отдел. Возле него мы со Шмаковым Петром и задержались.

Наше внимание привлекли самопишущие ручки и толстые общие тетради в коленкоровом переплете. Ручку хорошо бы купить отцу. Это был бы подарок! Папина ручка уже никуда не годилась.

Но четыре пятьдесят! Мне придется тронуть десятку... Дернул меня черт купить эти брюки! Если бы я их не купил, то как раз хватило бы на ручку отцу и на маленький флакон духов маме. И у меня осталось бы ровно десять рублей...

— Тетрадь надо купить, — сказал Шмаков. — Ты какого цвета возьмешь?

Мне больше ничего не следовало покупать для себя. Но что такое тридцать пять копеек в сравнении с тремя рублями, которые я заплатил за брюки? И я ответил:

— Коричневую. А ты?

Шмаков сделал головой движение, означающее «надо подумать».

Я заплатил в кассе тридцать пять копеек и получил прекрасную общую тетрадь в коричневом коленкоровом переплете.

— Выбирай скорее, — поторопил я Шмакова Петра.

Он вздохнул:

— Не нравится.

— Жмот. Вот ты кто! — сказал я Шмакову Петру.

В парфюмерном отделе я спросил, сколько стоит коробочка «Подарочных».

— Пять рублей? Ого!

В коробке и духи и одеколон. А отдельно духи купить нельзя, только вместе. Странные порядки!..

Не зная, что купить, я стоял перед прилавком в полной растерянности. Меня даже в жар бросило.

— Петро, — сказал я, — давай купим мороженого.

— Не хочется, — ответил Шмаков.

Я купил себе мороженого. Надо было немного охладиться. И что такое девятнадцать копеек по сравнению с теми деньгами, которые я уже истратил?

В конце концов я выбрал «Огни Москвы» за два шестьдесят. Остается у меня ровно девять. Рубль я одолжу у мамы, будет ровно десять на что-нибудь капитальное. В следующую получку, в расчет, я верну маме долг и куплю отцу подарок. Это правильно. В эту получку — подарок маме, в следующую — папе...

Может быть, я немного и завидовал Шмакову Петру. Ведь у него сохранились все деньги. Но я утешал себя сознанием, что он жмот, а я нет.

— Прошвырнемся по магазину, — предложил Шмаков.

Я категорически отказался. Шмакову хорошо с его жмотским характером. А я обязательно что-нибудь куплю. Вдруг мы увидели, что нам машет Вадим. Откуда он появился, мы не заметили. Мы только увидели, как он замахал руками и помчался в спортивный отдел. Мы помчались за ним.

— Скорее занимайте очередь, — возбужденно прошептал Вадим.

Возле прилавка уже стояла очередь. Раньше ее не было. Мы стали за Вадимом. За нами сразу стали еще несколько человек.

— Привезли подводные маски и ласты, полный набор, — зашептал Вадим, — сейчас будут продавать.

— Зачем они нам? — спросил я.

— Вот чудак! — удивился Вадим. — «В мире безмолвия»!..

Я читал «В мире безмолвия». Но в Москве нет моря. С другой стороны, если я весной поеду в туристскую поездку в Крым или на Кавказ, то там они мне пригодятся. Но если я куплю маску и ласты, то на какие деньги я поеду в туристскую поездку? И дернул меня черт купить эти дурацкие штаны!

Терзаемый сомнениями, я стоял в очереди. Она быстро увеличивалась. Одни становились потому, что им нужны были маски, другие потому, что стояли первые.

Подошли Игорь с Мишкой Тарановым и стали между мной и Шмаковым Петром. Сделали вид, будто они здесь уже стояли. Мы тоже сделали такой вид.

— Опытная партия, — сказал Игорь. — Их в Москве днем с огнем не найдешь.

Продавцы притащили связки масок и связки ластов. Очередь заволновалась. Задние боялись, что им не достанется. Несколько добровольцев стали у прилавка, чтобы наводить порядок. В их числе, конечно, и Игорь.

Я не знал, что мне делать, не знал, на что решиться. Маска и ласты были мне абсолютно не нужны. Но если я окажусь на морском берегу? Все будут нырять, а я буду сидеть на песке как идиот? И я уже целый час стою в очереди! Не куплю, а потом буду жалеть!

Так я раздумывал, медленно подвигаясь к прилавку. Мне хотелось продвигаться еще медленнее.

Первым из нас стоял Вадим, за ним Игорь, за Игорем я, за мной Мишка Таранов и последним Шмаков Петр.

Продавец объявил:

— Граждане, не становитесь, имеется всего двадцать комплектов!

Очередь заволновалась. Но никто не уходил. Все на что-то надеялись.

Шмаков Петр пересчитал тех, кто стоял перед ним, и сказал:

— Кажется, мне не достанется.

Я тоже пересчитал и успокоил Шмакова:

— Тебе достанется, последнему.

Мог ли я устоять в условиях такого ажиотажа? Все стремятся купить. Некоторые чуть не плачут, оттого что им не достанется. А я, простоявший час в очереди и попавший в число счастливчиков, неужели я откажусь? Это было бы смешно и глупо!

Я заплатил по чеку и получил маску и ласты.

Но опасения Шмакова сбылись. Последний комплект достался Мишке Таранову.

У Шмакова был убитый вид. Мне было его очень жаль. Всегда неудобно, когда тебе что-то досталось, а товарищу нет. Если поступать по-честному, то Игорь или Мишка Таранов должны были уступить Шмакову. Ведь ему не досталось из-за того, что мы пустили их без очереди. Но Игоря, Вадима и Мишки Таранова и след простыл.

Мы вышли со Шмаковым на улицу. Шмаков молчал. Он всегда молчит. Но сейчас он молчал из-за того, что ему ничего не досталось. Мне было ужасно жаль его. Мне не нужно, а досталось. Шмакову хотелось купить, а не досталось. Очень несправедливо!

Я остановился и протянул Шмакову ласты и маску:

— Знаешь что, возьми. Мне они не нужны!

Шмаков отрицательно покачал головой. Не хотел лишать меня таких драгоценных вещей.

— Бери, бери, — настаивал я, — я купил просто так, на всякий случай. Мне они совершенно не нужны.

— Мне они тоже не нужны, — объявил Шмаков.

Я опешил.

— Зачем же ты стоял в очереди?

— Все стояли.

Когда Шмаков забраковал спортивные брюки, я похолодел. Теперь я просто окоченел. Выходит, я опять зря выбросил деньги.

Все же во мне теплилась надежда, что Шмаков отказывается из чистого благородства. Не хочет оставить меня без этих проклятых ластов.

Я пригрозил:

— Не возьмешь, снесу обратно!

— И правильно сделаешь! — одобрительно заметил Шмаков. — Кому нужна эта маска? Простая резинка со стеклышком! А в ластах вообще неудобно плавать.

Дрожащим голосом я проговорил:

— Последний раз спрашиваю: возьмешь или нет?

Шмаков пожал плечами:

— Вот пристал! Не нужно мне такое барахло.

Я пошел обратно в магазин.

В спортивном отделе очереди не было. Но какие-то личности толкались.

Я положил на прилавок маску и ласты и сказал продавцу, что хочу их вернуть.

— Товар обратно не принимается, — ответил продавец.

Я сам знал, что товар обратно не принимается. Я положил маску и ласты на прилавок для того, чтобы их у меня купили. Те, кому они не достались.

Но почему-то никто не торопился их покупать. Как же так? Ведь только что за ними стояла громадная толпа, некоторые чуть не плакали.

Подошел какой-то гражданин, потрогал маску. Я с надеждой смотрел на него. Он потрогал и отошел.

— Мальчик, не стой у прилавка, мешаешь! — сказал продавец.

Я свернул пакет. Сердце мое разрывалось от огорчения. Я истратил почти все деньги, и на что? Из всего, что я купил, мне была нужна только общая тетрадь в коленкоровом переплете.

Теперь уж все равно! Я пошел в писчебумажный отдел и на оставшиеся деньги купил папе китайскую самопишущую ручку.

21

Кто-то, не помню кто, правильно сказал: жизнь — это река, река времени. Течет себе и течет. На смену одной волне приходит другая, потом третья. Появится на воде щепка, покружится, проплывет перед тобой и исчезнет.

Как-то постепенно все забыли про части, найденные на складе у Вадима, и про аварию в Липках, даже об амортизаторах больше не говорили. Я перестал жалеть о том, как глупо истратил свою первую получку. Единственная покупка, которая мне пригодилась, — это тетрадь в коленкоровом переплете, в ней я пишу сейчас эти воспоминания.

Даже то, что Майка пошла танцевать с Лагутиным, не казалось мне таким уж значительным проступком. Протанцевала один раз с Лагутиным, что в этом такого? По отношению ко мне это не совсем по-товарищески. Но ведь она девчонка, даже при всем своем уме и твердом характере, и могла испугаться скандала.

Конечно, если бы я тогда был рядом с Майкой, я бы дал отпор Лагутину. Но меня рядом не было, и она была беззащитна.

Если бы сейчас Майка подошла ко мне то мы бы помирились. Подошла бы и сказала: «Получилось нехорошо, не надо было танцевать с Лагутиным, но я танцевала только во избежание скандала». Все между нами стало бы ясно и опять пошло бы по-прежнему.

Я перестал избегать Майку, наоборот, старался попадаться ей на глаза. Чтобы дать ей возможность подойти ко мне и сказать это. Но Майка не подходила ко мне и ничего не говорила. Только улыбалась мне издалека, как будто между нами ничего не произошло.

Я тоже не хотел первый подходить: не я танцевал с Лагутиным, а она!

Нельзя находиться в ссоре вечно. Когда-нибудь надо и помириться. Если люди не будут мириться, то все в конце концов перессорятся. Но в каждой ссоре есть правый и виноватый. И виноватый должен сделать первый шаг к примирению.

Все изменяется, но не все забывается. Есть вещи, которые я помню всегда. И чем больше проходит времени, тем больше о них думаю.

Они мне не дают покоя.

Чем больше думал я о Зуеве, тем более постыдным казалось мне мое поведение. Я ничего не сделал, чтобы исправить несправедливость, причиненную ему по нашей, а значит, и по моей вине. Мало того. По милости Лагутина получилось так, что я оклеветал Зуева. Я себя чувствовал предателем. Человек из-за меня пострадал, а я хожу как ни в чем не бывало. Подло! И как может Шмаков так спокойно разговаривать с Зуевым, рассуждать о всякой ерунде. Ведь Шмаков тоже виноват. Меньше, чем я, но все же... Буксир кто неправильно привязал?

Я опять сказал Шмакову и Вадиму, что надо написать директору заявление.

Шмаков равнодушно ответил:

— Кому это нужно?

А Вадим сказал:

— Здравствуйте, вспомнил!

Тогда я сам написал заявление. Короткое, но убедительное. Во всем виноваты мы: я, Игорь, Вадим и Шмаков Петр. Мы самовольно начали буксировать и неправильно привязали трос. А Зуев не отлучался, а пошел искать Ивашкина. И выговор ему объявлен неправильно. Это заявление я и положил на стол перед директором. Он спросил:

— Что такое?

— Заявление, — ответил я.

— О чем?

— Там написано.

Директор нахмурился. Он не любил, когда ему подавали заявления. В заявлениях просят то, что не полагается. То, что полагается, получают без всякого заявления.

Директор прочитал мое заявление один раз, потом начал читать второй. Неужели он его не понял с одного раза? Уж до чего ясно и просто написано. Прочитав второй раз, директор поднял на меня глаза:

— Чего ты хочешь? Конкретно!

Если бы он не произнес слово «конкретно», я объяснил бы ему, чего хочу: я хочу доказать, что виноват не Зуев, а мы. Но ведь это неконкретно. А что конкретно? Конкретно — это приказ с выговором Зуеву. Если директор его отменит, то это и будет

конкретно. Но если я предъявлю ему такое требование, это будет по меньшей мере смешно. Я дипломатично сказал:

— Ваш приказ неправильный. Зуев не виноват. Виноваты мы.

— Вот как?.. — протянул директор, будто впервые об этом услышал, и зачем-то тронул алюминиевый поршень, который вместо пепельницы стоял у него на столе. — Значит, надо и вам выговор объявить?

Я пожал плечами:

— Если считаете нужным... Только почему и нам? Только нам.

— Можно и объявить, — спокойно проговорил директор.

Кто-то открыл дверь. Директор сказал: «Занят!» Дверь закрылась.

— Как твоя фамилия? — спросил директор.

— Крашенинников.

— Отец есть?

— Есть.

— Где работает?

Я назвал завод, где работает мой отец.

Директор опять помолчал, а потом проговорил:

— Выходит, ты умный, а я дурак?

Этим он хотел сказать, что умный он, а дурак я. Спорить? Я ему ничего не ответил.

Не дождавшись ответа, директор посмотрел в окно. Я тоже посмотрел в окно. Там ничего интересного не было. Продолжая смотреть в окно, директор ровным голосом произнес:

— Не довели материалы на стройку. Кто не довез? Водитель не довез. Кто плохо организовал? Начальник эксплуатации плохо организовал. А кто выговор получил? Директор выговор получил. Почему? Потому что директор отвечает и за водителя и за начальника эксплуатации. Кто был ответственный за буксировку? Зуев был ответственный. С кого надо спрашивать? С Зуева надо спрашивать. Понял? Я тебе это не обязан объяснять, ты не местком. Но объясню. Потому что ты еще зеленый. А теперь иди, меня люди ждут.

...Директору легко рассуждать. Если ему в тресте поставят на вид, он на автобазе тоже кое-кому вцепит выговор. А кому может вцепить выговор Зуев? Никому. Зуев простой исполнитель и должен отвечать только за то, что сам сделал. Вот что я должен был ответить директору. Но правильный ответ приходит ко мне приблизительно через час после разговора.

Из моего заявления ничего не вышло. Но совесть моя чиста. Я сделал все, что мог. Мне хотелось сказать Зуеву, что я подал заявление. Чтобы он знал. Но это невозможно. Получится, что я хвастаюсь.

Ладно. Пусть думает что хочет. И все пусть думают что хотят. Я буду работать. Ни на кого не обращая внимания. Все равно практика скоро кончится. Через двенадцать дней. И с меня вообще нечего спрашивать. У меня нет технических склонностей. Это все знают.

Я вернулся в гараж и принялся за работу. Лагутин косо посмотрел на меня. Наверно, видел, что я ходил к директору. Ну и плевать, пусть косится!

Я принялся за передний мост для нашей машины. Это было последнее, что мы должны были сделать со Шмаковым, и мне хотелось закончить передний мост сегодня.

Мы со Шмаковым объявим, что у нас все готово к сборке. И это подстегнет остальных ребят. Иначе к окончанию практики мы не закончим восстановления нашей машины.

Но Шмаков сказал:

— Тут надо смазать.

И показал на стоявшую рядом машину.

— Нет, — ответил я, — давай лучше кончим сегодня передний мост для нашей.

— Бригадир запретил делать нашу машину, — сказал Шмаков.

— Как это — запретил?

— Запретил, и все.

Я подошел к бригадиру Дмитрию Александровичу и спросил, правда ли, что он запретил восстанавливать нашу машину. Дмитрий Александрович ответил, что восстанавливать нашу машину никто не запрещал. Но мы не должны это делать в рабочее время.

Оказывается, за нашу машину не начисляют зарплату.

— Вы со Шмаковым два дня проехали в Липки, — сказал Дмитрий Александрович, — наряда вам на поездку не выписали, а зарплату вы получили. За счет бригады. Разве это правильно?

Конечно, неправильно! Происходит неувязка. Но об этом пусть думает штаб во главе с Игорем, их для этого выбирали. Что касается меня, то мне надоело вмешиваться во все дела.

22

Все же мне было интересно знать, как намерен действовать штаб в создавшейся обстановке. Я решил спросить об этом Игоря. Не в порядке вмешательства в дела, а в порядке любопытства.

Игорь сидел в техническом отделе, развалившись на стуле так, что ноги его торчали из-под стола.

— Знаю, — ответил он мне равнодушно, — по всем цехам такая волынка.

— Будем оставаться после работы, — предложил я.

— Спасибо! — ответил Игорь. — У каждого свои дела. У меня, например, съемки на студии. И вообще ничего не выйдет. Не проявляет сознательности рабочий класс.

— При чем тут рабочий класс?! — возразил я. — Ты не сумел организовать!

— Возможно, — равнодушно ответил Игорь.

— Значит, в кусты?

— Значит, в кусты!

Я возмутился:

— Ты первый вылез с восстановлением машины, а теперь первый смываешься.

— Человек предполагает, а бог располагает, — изрек Игорь.

Мы потратили на нашу машину столько труда! И нам запретили ее восстанавливать. В момент, когда работа в самом разгаре. У меня со Шмаковым все почти готово, осталось только собрать передний мост, ребята из кузнечного и сварочного выправили и заварили раму, жестянщики и обойщики тоже все сделали... Разве можно допустить, чтобы работа пропала впустую?..

И потом, что значит: «Рабочий класс не проявляет сознательности»? Это глупость! Рабочие все отлично сознают и понимают. Но они не любят работу на «фу-фу», работу так себе, между прочим, которая только мешает главной. Значит, надо внести ясность.

Конечно, я твердо решил не вмешиваться ни в какие дела. Но в том случае, когда дела идут. А если дело стоит? Надо вмешаться! Чтобы дело опять пошло. А вот когда оно снова пойдет, можно больше не вмешиваться.

Прежде всего я отправился в моторный цех. Это главный цех мастерских, самый светлый и чистый, не то что наш гараж. Это и понятно: ремонт моторов требует точности, а значит, чистоты. Ошибка на сотую долю миллиметра, и все пропало — мотор барахлит. Недаром в моторном цехе работает Полекутин — тут надо разбираться в технике. Мотористы — слесари высокой квалификации — знают себе цену. Каждого из них директор называет по имени-отчеству.

Я всегда стесняюсь заходить в моторный цех. Там сердитый начальник, самоуверенный молодой человек в пенсне. Не любит посторонних. Не то что у нас в гараже, где шатаются все, кому не лень. Я приоткрыл дверь и поманил Полекутина пальцем.

Полекутин хороший парень, здорово разбирается в технике. Но у него дурацкая привычка класть руку на плечо собеседнику. А он очень высокий. Если собеседник одного с ним роста или чуть ниже, это выглядит еще ничего. Но когда он кладет руку на плечо человеку гораздо ниже себя ростом, то этим невольно подчеркивает его малый рост.

Поэтому я всегда держусь от Полекутина на некотором расстоянии.

Полекутин полностью со мной согласился, признал, что штаб бездействует, но добавил:

— Есть еще одна сложность — запасные части. На нашу машину их не выписывают. Кое-что можно наскрести. Но как быть с дефицитом? Например, с деталями номера...

Он стал сыпать номерами деталей. Точно как Вадим. Но Вадим называл номера деталей потому, что плохо их знал. Полекутин, наоборот, оттого, что знал их слишком хорошо.

Я перебил его:

— Пасуем?!

— Зачем! — возразил Полекутин. — Но требуется ясность.

— Вы с Игорем и должны внести ясность.

— Мы с Игорем не сработались, — объявил Полекутин.

— Подумаешь, какой кабинет министров! — сказал я и отправился в столярный цех.

Некоторые ребята относятся к столярному цеху с пренебрежением. Особенно ребята с техническими наклонностями. Считают, что техника — это исключительно металл, в крайнем случае пластмасса, а дерево — пройденный этап. «Деревяшки», — презрительно выражаются они.

А мне столярный цех нравится. Он не похож на другие цеха. Здесь свой особый звук: визг пилы и шуршание рубанка, свой запах — запах стружки и смолистого дерева. Он напоминает мне городок, где живет дедушка. И рабочие здесь спокойные, добродушные, медлительные, курят махорку. Запах махорки напоминает деревню.

В столярном цехе работали четверо наших ребят, в их числе Семечкина и Макарова, те, что всегда записывают по очереди. И эти четыре человека до сих пор ничего не сделали с кузовом и кабиной, только вынули поломанные доски и сгнившие рейки. А новых не поставили.

Я сказал:

— Вас тут четыре гаврика, а дело ни с места.

— Успокойтесь! — насмешливо ответила Инна Макарова. — За нами дело не станет.

Семечкина добавила:

— Что за манера подгонять других!

— Никто вас не подгоняет. Но видите, какое положение — полная неувязка.

— Только не у нас, — возразила Инна Макарова, — нам не запрещают делать нашу машину.

— Что же вы не делаете?

Они показали на стоящие в углу свежеструганные доски и рейки.

— Все заготовлено. Успеем. Ведь кузов ставят в последнюю очередь. Пусть материал пообсохнет.

Макарова и Семечкина меня удивили. Ведь технических наклонностей у них еще меньше, чем у меня, а у меня, как известно, их вовсе нет.

Семечкина и Макарова представляют в нашем классе литературу и искусство. Макарова — литературу, Семечкина — искусство. Макарова пишет рассказы, Семечкина поет. Правда, на школьных вечерах она не поет, говорит что ей «ставят» голос: один учитель ставит, другой переставляет. И эта волынка будет продолжаться, пока она не поступит в консерваторию. Что касается Макаровой, то все ее рассказы кончаются одной фразой: «Занималась заря».

...Мальчик, сирота, нашел своих папу и маму. Они плачут, целуются, выходят на улицу... Занималась заря...

...Другой мальчик, порядочный лодырь, перевоспитывался. Первый раз в жизни сделал уроки и, счастливый, вышел на улицу. Занималась заря...

...Третий мальчик, отличник, оторвался от коллектива. На собрании его прорабатывают, он осознает свои ошибки. Все довольны, выходят на улицу. Занималась заря...

Сует эту зарю куда попало...

Как бы то ни было, положение в столярке меня немного успокоило. Если бы так было в других цехах! Но в других цехах так не было...

В электроцехе Гринько мне сообщил:

— Бригадир сказал: «Со своей работой не управляемся, некогда вашей заниматься!»

Это сообщение меня тем более огорчило, что стоявший в электроцехе запах серной кислоты напомнил мне о сожженных в Липках брюках.

Сварщики вообще народ неразговорчивый. Может быть, потому, что из-за шума сварки не слышат, что им говорят. Сколько я к ним ни приходил, я слышал от них только одно слово: «Отойди!» Я посмотрел на раму нашей машины, одиноко стоящую на козлах, полюбовался голубым пламенем горелки и пошел дальше.

Так я обошел все цеха. Только в обойный не зашел — там работала Майка. К ней-то надо было зайти в первую очередь — Майка комсорг. Но между нами все кончено... Однако, когда я проходил мимо обойного цеха (а проходил я несколько раз), Майка увидела меня и сама вышла ко мне. Как ни в чем не бывало. Мы с ней обсудили положение и решили собрать классное собрание. Я был рад, что Майка сама вышла ко мне.

Конечно, между нами все кончено. Но Майка, по-видимому, этого не знала. То есть не знала, что между нами все кончено. Действительно, откуда ей это знать? Я ей не

говорил, а сама она могла не догадаться.

23

Как у нас уже повелось, мы собрались на пустыре. Пришли директор автобазы, главный инженер, начальник моторного цеха, наш бригадир Дмитрий Александрович, похожий на испанца, и еще два бригадира: из обойного и столярного цехов. Получилось прямо-таки торжественное заседание.

Главный инженер сказал:

— Ваша инициатива похвальна. Восстанавливая машину, вы видите общественно полезные результаты своего труда. Но надо считаться с реальными условиями производства. Восстановление машины не предусмотрено планом. На нее нет ни фонда зарплаты, ни лимита материалов. Об этом надо подумать, это надо обсудить.

Наш бригадир Дмитрий Александрович сказал:

— Ребята хорошие. Выполняют. Но восстанавливают машину в рабочее время, а наряды на эту работу не выписывают. Отражается на зарплате.

Бригадир обойщиков спросил:

— Откуда материал брать?

Директор заметил:

— Кроили бы с умом, выкроили бы.

— Норма в обрез, Владимир Георгиевич, — ответил бригадир.

Начальник моторного цеха, самоуверенный молодой человек в пенсне, сказал:

— Возможно, парусину и можно выкроить. А как поршневую группу? По существу говоря, новый мотор собираем.

Директор, глядя себе под ноги, ровным голосом проговорил:

— Формалисты вы! Брак выпускать умеете, болтаться без дела умеете, а где взять четыре доски, не знаете.

Из этого мы поняли, что бригадиры хотят, чтобы директор признал восстановление нашей машины делом официальным, отпускал бы на нее материалы и платил бы за нее зарплату. А директор, наоборот, хочет, чтобы это все совершалось в неофициальном порядке, чтобы цеха помогали нам своими силами, из внутренних ресурсов. Мы очутились между двух огней.

— Сознательности мало, — продолжал директор, — послушаем, что практиканты скажут!

Что мы могли сказать? Если они не знают, как выйти из положения, то мы и подавно...

Тут, конечно, Игорь открывает рот:

— Владимир Георгиевич, что мы можем сказать? Если товарищи из цехов не хотят нам помогать, то ничего из этого не выйдет.

Это значило, что у Игоря пропала охота восстанавливать машину. Так с ним всегда. Выдвинет идею, нашумит, «нафигурирует», а потом остывает, даже падает духом.

— Класс был полон энтузиазма, — продолжал Игорь, — но обстоятельства выше нас! Обстоятельства вынуждают нас прекратить работу.

Майка насмешливо бросила:

— Не надо было братья за оружие!

Игорь обиженно надул губы:

— Пожалуйста, не показывай свою образованность. Я тоже знаю, кто такой Плеханов. Но Плеханов в данном случае совсем ни при чем.

— Очень даже при чем, — ответила Майка, — а ты типичный оппортунист и соглашатель!

Все в один голос закричали, что Игорь, безусловно, типичный оппортунист и соглашатель!

И я тоже закричал.

Отказываться от восстановления машины значило бы покрыть себя позором.

— Ты давно гнешь эту линию — прекратить! — сказала Майка. — Но если мы взялись, то должны довести дело до конца. Стыд и позор! Комсомольцы так не поступают! Комсомольцы преодолевают большие трудности! На целине.

Игорь опять усмехнулся:

— Произносить красивые слова мы все умеем. Но как преодолеть трудности?

Тогда я сказал:

— Единственная наша трудность — это ты. Твоя неустойчивость плюс бюрократизм.

Тут все закричали, чтобы мы перестали препираться. Нужно не препираться, а искать выход из положения.

Тогда я сказал:

— У меня есть предложение!

— Знаем мы твое предложение, — проворчал Игорь.

— Ты знаешь, а другие не знают, — ответил я, — а предложение у меня такое: давайте закончим машину после работы. Неужели мы не можем десять дней поработать по два лишних часа?

— Конечно, можем! — подтвердил Полекутин.

— Безусловно, можем! — заявили Гринько, Мишка Таранов и другие ребята, у которых были технические наклонности.

— Пожалуй, можно, — неуверенно проговорили ребята с меньшими техническими наклонностями.

— Мы будем оставаться, но ненадолго, — сказали девочки.

Директор повернулся к бригадирам:

— И вам не стыдно? Школьники согласны работать в общественном порядке, а мы, шефы, не хотим им помочь. Ваши дети будут обучаться на этой машине. Плохие вы родители.

Тогда наш бригадир Дмитрий Александрович заявил:

— Если ребята будут делать машину в нерабочее время, мы им поможем. Но как быть с материалом?

Начальник моторного цеха сказал:

— Поскольку вопрос упрощается, то есть ребята будут работать сверхурочно, а рабочие в общественном порядке им помогут, то мы, начальники цехов, изыщем некоторые материалы из внутренних ресурсов. Но как быть с дефицитом?

Дефицит — это части, которые трудно достать. Ими распоряжается сам директор автобазы.

— Ну что ж, — вздохнул директор и посмотрел на небо, — если ребята будут работать сверхурочно, если рабочие будут помогать им в общественном порядке, если начальники цехов изыщут внутренние ресурсы, то дефицит мы отпустим. В порядке шефской помощи школе. Главное, чтобы это мероприятие в основе носило

общественный характер.

— Я думаю, двух часов в день будет достаточно, — сказал главный инженер, — по возрасту ребята могут работать по шесть часов, а они работают всего четыре. Так что это будет и законно и педагогично.

— Дело не в часах, а в том, чтобы была общественная основа, — повторил директор.

Основу, в сущности, предложил не кто иной, как я. Но я не стал об этом думать... Понимал, что во мне говорит пустое тщеславие.

24

Сегодня воскресенье!

Последние два воскресенья прошли бездарно. Даже не помню как. Но это воскресенье мы решили провести с толком. Мы — это я и Шмаков Петр. Поедем в Химки на пляж. Я возьму с собой ласты и маску. Надо же что-то с ними делать.

Позвонил Вадим. Услыхав, что мы едем в Химки, закричал, что едет с нами.

— Но мы уже готовы, — предупредил я.

— Я тоже готов, — ответил Вадим. — На чем поедем? На метро? Потихоньку идите, я вас встречу.

Мы со Шмаковым дошли до дома, где жил Вадим, и увидели Игоря. Он возился с «Москвичом» своего брата. Машина стояла у тротуара. Игорь никак не мог завести ее.

— Не гоняй стартер, — сказал я ему, — посадишь аккумулятор.

Игорь протянул нам заводную ручку:

— Покрутите.

Мы со Шмаковым начали по очереди крутить. Мотор проворачивался, как шарманка, но не заводился.

— Надо проверить зажигание и питание, — сказал я.

Игорь вылез из машины и в нерешительности встал у открытого капота. Честное слово, он не знает, как проверить зажигание и питание. Даю голову на отсечение!

— Проверяй! — сказал я.

Игорь нерешительно тронул свечу, потом другую и растерянно посмотрел на нас.

Я никогда не имел дело с «Москвичом». И у меня нет технических склонностей. Но «Москвич» это или не «Москвич» — принцип у всех одинаковый. Сначала надо проверить, есть ли искра, потом — поступает ли бензин в карбюратор.

— Проверим искру, — сказал я Шмакову Петру.

Я вытащил из трамблера проводок, Петр провернул мотор за ручку, из проводка на массу проскочила сильная голубая искра.

— Зажигание в порядке!

Я воткнул проводок обратно и на всякий случай воткнул туда еще спичку, чтобы контакт был плотнее. Так мы делаем в гараже.

— Теперь проверим питание. Игорь, дай ключ!

И что же Игорь мне дает? Заводной ключ! Ни черта не понимает!

— Ты что мне даешь?! — заорал я. — Что ты мне даешь, я спрашиваю? Гаечный давай!

Я нисколько не сердился. Только делал вид. Чтобы как следует погонять Игоря.

Игорь порылся в сумке и протянул мне гаечный ключ. Я отвернул бензопровод. Бензин из трубки не шел. Ясно, засорен бензопровод. Мы его продули — бензин пошел.

Мы со Шмаковым Петром, улыбаясь, смотрели друг на друга. Нашли неисправность!.. А это не так просто. Опытный шофер и тот иной раз день провозится, пока найдет неисправность. А мы нашли почти сразу. Приятно все-таки...

Появился Вадим. Его счастье, что мы задержались с «Москвичом», иначе бы ни за что не ждали.

Игорь сел в машину и начал газовать. Хотел убедиться, что все в порядке.

Потом голосом человека, который даже не прочь вас подвезти, если ему по дороге, спросил:

— Вы куда?

— На метро.

— Садитесь.

Мы сели и поехали. Игорь совсем очухался, то есть принял свой обычный самоуверенный вид. Глядя на него, нельзя было поверить, что за минуту до этого мы со Шмаковым гоняли его, как мышонка. Он сидел развалясь, правил одной рукой. В общем, задавался.

— В какие края? — покровительственно спросил он.

— На пляж, в Химки.

— Нашли куда ехать! — засмеялся Игорь. — Толкучка! Я еду в Серебряный бор. Пляж — мечта! У меня там встреча с друзьями.

Вадим вздохнул:

— Тебе хорошо — у тебя машина.

В голосе Вадима слышалась просьба взять и нас с собой. Игорь сделал вид, что не понял.

Чего не сумел добиться Вадим, сразу добился Шмаков Петр. Что значит практическая сметка! Шмаков Петр иногда просто меня поражает.

— Не доедешь, — равнодушно проговорил Шмаков.

— Почему?

— Бензопровод засорится.

— Ты думаешь? — встревоженно спросил Игорь и по ехал медленнее.

Я сразу понял тактику Шмакова Петра и подхватил:

— Конечно. В баке мусор. Где гарантия, что опять не забьется?

Игорь ничего не ответил. Молча ехал до самого метро. С одной стороны, ему не хотелось брать нас с собой. С другой стороны, боялся ехать один. Вдруг что в дороге случится? Что он будет делать без нас? То, что делают все неумехи. Останавливают проходящую машину и просят шофера помочь.

Мы доехали до метро. Игорь нерешительно сказал:

— Между прочим, нам еще немного по дороге.

— Очень интересно! — возразил я и приоткрыл дверцу, собираясь вылезти из машины. — На метро мы через десять минут будем на «Соколе». Охота нам на твоём драндулете тащиться!

— Но зачем вам ехать именно в Химки, — в отчаянии проговорил Игорь, — поедem лучше в Серебряный бор.

— Не знаю, — безразличным голосом протянул я, — как ребята.

— Можно, пожалуй, — сказал Шмаков. — Как, Вадим?

— Что ж, поедem, — согласился Вадим.

Мы поехали в Серебряный бор.

Здорово мы разыграли этот спектакль!

Пляж в Серебряном бору замечательный! Народу, правда, много, машин полно, но никакого сравнения с Химками. Простор! Красота!

Мы медленно ехали по взгорью. Пляж был усеян людьми. Игорь внимательно всматривался в машины и затормозил, увидев внизу «Победу». Возле нее, уткнувшись в песок, лежал черноволосый человек в белых плавках.

— Николай! — крикнул Игорь.

Человек поднял курчавую голову, лениво махнул Игорю рукой и снова уткнулся в песок.

Мы посоветовали Игорю не спускаться на пляж, оставить машину наверху. Снизу она будет хорошо видна. Но Игорь нас не послушался. Мы проехали дальше, нашли спуск и съехали. Игорь остановил машину:

— Занимайте место, я сейчас вернусь. Доеду до своих знакомых и вернусь.

Мы отлично понимали, почему Игорь оставляет нас здесь. Не хочет знакомить со своими приятелями. Вернее, не хочет их знакомить с нами. Нам, конечно, на это наплевать, мы отлично обойдемся и без Игоря. Но на чем мы уедем отсюда?

— А на чем мы уедем отсюда? — спросили мы.

— Вот чудачки, — засмеялся Игорь, — я сейчас вернусь!

— Не вернешься, — сказал Вадим. Он хорошо знал Игоря, сколько лет был его адъютантом.

— Честное благородное слово! — поклялся Игорь.

— Если смотаешься, мы тебе таких навешаем, что будешь помнить! — пригрозил я.

Игорь обиженно надул губы:

— Пожалуйста, без угроз. Какое свинство! А будете угрожать, сейчас уеду!

— Попробуй только! — сказал Шмаков Петр.

— Какая вам разница, где купаться?! — раздраженно спросил Игорь.

— Очень большая! — ответил Вадим. — В машине мы можем раздеться и будем спокойны за свое барахло. А здесь его могут спереть.

— Кому оно нужно, твое барахло! — возразил Игорь.

Мне надоело с ним препираться.

— Ладно, отчаливай! Но если уедешь — берегись!

Мы с презрением посмотрели ему вслед и стали отыскивать место, где нам расположиться. Там, где Игорь высадил нас, было плохо. Рядом съезд, ходят машины, тут же продуктовая палатка, снуют люди, валяются консервные банки. Беспокойное место!

Мы пошли по пляжу в ту сторону, куда поехал Игорь. Не будем же мы уходить в другую сторону. Игорь побоится уехать без нас, но упускать его из виду тоже не следует.

Мы нашли хорошее местечко метрах в пятидесяти от «Победы». Рядом с ней стоял «Москвич» Игоря. Сам Игорь, присев на корточки, разговаривал с лежащим на песке Николаем. Потом разделся, сложил одежду в машину, стал по стойке «смирно!», развел руки и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Очищал легкие от московского воздуха и набирал подмосковный.

Потом он что-то сказал Николаю и пошел к нам. Увидев нас, сделал радостные

глаза, будто только встретился с нами.

— Устроились? Прекрасно! — Он сел рядом. — Будем загорать.

— Пошли купаться, — предложил Вадим.

— Я немного поваляюсь, — сказал Игорь и лег на спину.

Мы бросились в воду. Река здесь широка, но мелковата, почти по колено. Только в середине чуть поглубже, затем опять мелко до противоположного берега.

В этом году я купался впервые. Каждый раз, когда я залезаю в воду, я решаю купаться ежедневно. Разве это так трудно? Некоторые купаются в любую погоду, даже зимой. Но я не выполняю этого решения. Сам не знаю почему. То лень, то некогда. Но теперь все! Теперь я твердо решил: буду после работы ездить на пляж или в бассейн...

— Почему ты ласты не надел? — спросил Вадим.

Я и забыл про них. Даже не вынул из машины. Там они и лежат.

— В машине забыл, — ответил я, — а твои где?

Вадим засмеялся:

— Вспомнил! Обменял давным-давно.

— На что?

— На одну вещь, — загадочно ответил Вадим.

Он не любил рассказывать про свои обменные операции: прогорал на них и боялся наших насмешек.

Мы еще немного поплескались и вылезли на берег. Игорь, конечно, смотался к своим друзьям. Сидел там в компании парня в трусах и девицы в красной резиновой шапочке. Я сразу их узнал. Они приезжали к Игорю на этой самой «Победе». Сейчас они сидели, разговаривали. Только Николай по-прежнему лежал ничком.

Если бы на пляже оказались мои знакомые, я мог бы пойти и посидеть с ними. В этом не было бы ничего оскорбительного ни для Вадима, ни для Шмакова Петра. И, если бы здесь нашлись знакомые Вадима или Шмакова, они тоже могли бы пойти и посидеть с ними. Никто бы из нас не навязывался, не лез бы знакомиться, никак бы не реагировал на это... А в поступке Игоря было что-то подлое. Он, как всегда, старался отделаться от нас.

— Тащи ласты, попробуем, — сказал Вадим.

— Не пойду я туда, ну их к черту!

— Ласты-то твои, — сказал Шмаков Петр.

— Разрешаю тебе их взять.

— Сам боишься?

— Не боюсь, а не пойду. Подумают, навязываюсь.

— Из ложного самолюбия мы должны лишать себя удовольствия? — возмутился Вадим. — Пошли все!

Мы подошли. Игорь с беспокойством уставился на нас. Парень и девица тоже воззрились выжидательно. Только Николай продолжал лежать ничком. Такого волосатого человека я еще в жизни не видал ни на одном пляже. Даже на лопатках у него курчавилась черная борода.

— Ласты возьмем, — сказал я Игорю.

— Бери, — ответил Игорь, обрадовавшись тому, что мы пришли только за ластами. Потом повернулся к своим знакомым и извиняющимся голосом добавил: — Это мальчишки из нашего дома, я их привез. Показываю мир божий.

— Игорь — друг детей, — насмешливо провозгласил парень, рыжеватый, длинноносый, с жестковатым и сильным взглядом.

Несмотря на двусмысленность этой фразы, я уловил в ней насмешку не над нами, а над Игорем.

Я открыл машину, взял ласты и маску. Девушка протянула руку:

— Покажи.

Николай чуть повернул голову, искоса посмотрел на нас и снова уткнулся в сложенные руки. Я заметил его черные глаза и черные усики. Девушка повертела в руках ласты и спросила:

— Можно в них поплавать?

— Пожалуйста, — сказал я.

Все пошли в воду. Кроме Николая. Николай не шелохнулся.

Мы зашли на глубокое место. Девушка, ее звали почему-то Елка, с помощью Игоря и рыжеватого парня надела ласты. Парня звали еще более странным именем — Люся! Мужчина — и вдруг Люся.

Елка натянула маску, повертела головой, показала нам язык и нырнула. В воздухе мелькнули удлинённые ластами ноги. Она вынырнула метрах в десяти от нас, стащила с головы маску и объявила:

— Ничего не видно.

— Не надо глаза закрывать, — сказал Люся, — не надо жмуриться. Давай сюда.

После Люси нырнул я, потом Игорь, за Игорем Вадим. Последним нырнул Шмаков Петр. Но выплыл он почему-то без маски. Держал маску в руке.

Толку в ластах и в маске немного. Короткое время видишь дно и чужие ноги. Может быть, на море они и хороши, но на Москве-реке...

Елка и Люся оказались неплохими ребятами. Они были даже простые ребята. Особенно понравилось нам то, что они относились к Игорю без уважения, не принимали его всерьез. Скажет Игорь что-нибудь, а Люся обязательно ответит: «Ну да?» — с сомнением в голосе. Как говорят с человеком, которому не верят ни на грош.

А Игорь, наоборот, говорил с излишней убедительностью. Как человек, привыкший к тому, что ему не верят ни на грош.

Мы вылезли на берег. Они пошли к своим машинам, мы к своей одежде.

Мы лежали, загорали и говорили об Игоре. Осуждали его прихлебательскую роль. Хорошо, что мы не прихлебатели, никогда ими не были и никогда не будем.

Чувствовали мы себя прекрасно. Солнце пекло всюду. Ожогов мы не боялись. У Вадима была специальная мазь против ожогов. Мы со Шмаковым выжали на себя весь тюбик, Шмаков даже пятки смазал.

Потом Игорь замахал нам руками. Николай и Люся одевались. Елки не было видно, наверно, тоже одевалась в машине. Игорь натягивал на себя штаны. Они уезжают...

Мы оделись и подошли к ним. Николай и Люся садились в машину. Елка уже сидела за рулем.

Игорь просительным голосом сказал:

— Я только довезу ребят до метро и сейчас же приеду.

— Ладно, — проговорил Люся.

— Только не уходите без меня.

— Ладно, — небрежно повторил Люся, — поехали, Нико!

Они сели в машину. Хлопнули дверцы. Зарычал мотор. Машина тронулась с места, сделала крутой поворот и поехала по пляжу.

Мы проводили ее автоматическим взглядом, каким смотрят вслед всякой уходящей машине. Потом взгляд мой упал на песок... Я вытаращил глаза.

На песке четко отпечатались резкие, глубокие и широкие следы, как будто здесь прошла не «Победа», а «ГАЗ—69». Точно такие же следы, как там, на дороге к карьеру.

Я потянулся взглядом за этими следами и на том месте, где машина круто повернула, увидел рядом со следами вездехода следы «Победы». Потом там, где машина пошла прямо, следы «Победы» исчезли и остались только следы вездехода...

— Крош, поехали, я опаздываю, — нетерпеливо сказал Игорь, снова обретая свой командирский тон.

Мне было стыдно смотреть на Игоря. Не поворачиваясь, я сказал:

— Какие странные покрышки на этой машине...

— Ничего странного! — ответил Игорь. — У нее покрышки с вездехода, для лучшей проходимости.

С замирающим сердцем я спросил:

— На всех четырех колесах?

— Нет! — нетерпеливо ответил Игорь. — Только на задних. На передних у нее обычная резина. Ну хватит, поехали!

26

Мы думали, что после собрания восстановление нашей машины пойдет медленнее. Ведь раньше мы ее делали в течение рабочего дня, а теперь только два часа после работы. Получилось наоборот — гораздо быстрее. Рабочие стали больше помогать. Некоторые так загорелись, что оттирали наших ребят и все делали сами. Это вызывало наше законное недовольство. Ведь восстанавливаем машину мы!

— Видишь ли, университет-эмансипе, — сказал мне бригадир Дмитрий Александрович, — раньше положение было неопределенное. Бригада не знала, на каких условиях восстанавливается машина. А теперь знает: на общественных. И каждый хочет способствовать общему делу.

Если пренебречь обращением «университет-эмансипе», то мысль Дмитрия Александровича показалась мне очень разумной. Даже глубокой. Во всем должна быть полная определенность.

Наконец мы поставили во дворе раму и начали сборку. Началась сборка — дело идет к концу. Дело идет к концу — все работают быстрее. Приятно видеть, как голая рама превращается в автомобиль.

Вокруг нашей машины толкались люди. Возле других машин никто не толкался, а возле нашей машины толкались все. Даже директор. Честное слово! И, если случался затор, не хватало чего-либо, он говорил: «Сходите на склад, принесите. Скажите — я велел». Дело шло без бюрократизма и бумажной волокиты.

Я думаю, это происходило оттого, что директору было приятнее сидеть во дворе, на солнышке, чем в прокуренном кабинете. Но просто сидеть во дворе неудобно. А сидеть возле нашей машины удобно — она общественная.

А рабочим приятно порассуждать. Когда они ремонтируют другие машины, рассуждать некогда, надо норму выполнять. А наша машина общественная, можно и порассуждать. И еще рабочим было приятно, что они могут поспорить с самим директором. В цехе спорить нечего, надо делать, что приказывают. А наша машина общественная, можно и поспорить. Тем более мы ее оборудовали как учебную, поставили добавочное управление для инструктора. Чтобы инструктор мог исправить ошибку ученика и предотвратить несчастный случай.

Во время обеденного перерыва рабочие сидели со своим молоком и полбатонами вокруг нашей машины и советовали, как что делать, вносили всякие предложения. Тут же стояли свободные от смены шоферы, вспоминали, как они учились на учебных машинах, и говорили, как лучше сделать нашу. И тоже спорили с директором. И когда директор отстаивал свое мнение, то ссылался не на то, что он директор, а на то, что раньше тоже был шофером. В общем, вокруг нашей машины установилась свободная, приятная атмосфера. В этой атмосфере всем нравилось работать. Даже служащие, выходя во двор, смотрели, как мы работаем, слушали рассуждения и споры рабочих, удивлялись тому, что мы, школьники, восстанавливаем настоящую машину.

Главный бухгалтер, довольно мрачный человек, сказал:

— Приятно посмотреть.

Это он сказал, по-видимому, в том смысле, что приятно смотреть, когда машину восстанавливают бесплатно. А может быть, в каком-нибудь другом смысле. Я его не расспрашивал.

Все ребята честно отработывали свои два часа. Некоторые оставались и дольше. Например, Полекутин, Гринько и другие ребята с техническими наклонностями. Ну и, конечно, мы со Шмаковым. Поскольку мы были первыми помощниками Зуева. Игорь тоже толкался возле машины. Даже шумел больше других. Увидел, что дело пошло на лад. Но ничего, кроме своей папки, в руках не держал.

Дело с амортизаторами стало мне теперь совершенно ясным. Как я сразу не сообразил? К пустырю подъезжала «Победа», но с покрышками от «ГАЗ—69» на задних колесах. Задние колеса, идя по колею передних, уничтожали их след. А на поворотах, где колеи не совпадают, виднелись и те и другие следы. И это была машина приятелей Игоря.

Я смотрел на Игоря и думал: неужели он участвовал в таком деле?! Даже сейчас я не мог этому поверить. Как же он решился на преступление?.. И Люся, Елка, Николай, неужели они преступники? Ведь они плавали и смеялись вместе с нами.

У меня лопалась голова от этих мыслей. В моем представлении преступник был совершенно особенный человек. Даже не человек, а что-то такое, стоящее вне всего. Мне всегда казалось странным, что преступники одеваются, как все люди, некоторые даже франтовато — ведь это проявление человеческих чувств, а все человеческое им чуждо, непонятно, враждебно. Я не понимал, зачем преступники ходят в кино, ведь там показывают нормальных людей, нормальные человеческие чувства. Я не понимал, почему они слушают музыку, поют песни, даже читают книги, ведь книги учат добру и осуждают зло. Преступник — это антипод человека, и все его поступки, похожие на человеческие, казались мне противоестественными.

Я читал и слышал о преступных детях всяких там хороших и даже заслуженных родителей. Но все это было далекое, отвлеченное... Я не мог предполагать, что они так похожи на обыкновенных нормальных людей. Игорь, которого я знаю столько лет, Игорь, мой товарищ, — преступник! Эти славные ребята: Люся, Елка, флегматичный Николай — тоже преступники...

Тогда, на пляже, я думал, что Вадим и Шмаков не догадались, ведь я один рассматривал следы на песке. Но в вестибюле метро, потихоньку от Вадима, Шмаков мне сказал:

— Машина та самая.

А когда мы спускались по эскалатору, Вадим наклонился ко мне и прошептал:

— Машинка та!

Всю дорогу то Вадим, то Шмаков говорили мне об этой машине. Вадим — улучив момент, когда не слышит Шмаков, Шмаков — когда не слышит Вадим. Чтобы положить конец этой неопределенности, я сказал Вадиму:

— Надо все рассказать Шмакову Петру.

— Зачем?

— Парень — могила!

Таким образом, Вадим так и не узнал, что я все уже давным-давно рассказал Шмакову.

Весь тот вечер мы ходили по нашей улице, даже шагов не мерили.

Все расстояния у нас точно вымерены в шагах. Чтобы никому не было обидно, когда мы провожаем друг друга. Если мы с Вадимом идем из школы мимо нашего дома, я обязан проводить его еще сорок шагов. Если мы идем мимо его дома, он обязан проводить меня еще шестьдесят.

Но в тот воскресный вечер нам было не до шагов...

— Как хотите, — сказал я, — я не могу поверить, что Игорь вор. Может быть, он просто влип в историю. Мы должны с ним поговорить.

Вадим возразил:

— Нечего с ним говорить. Поставим вопрос на классном собрании.

Я сказал:

— Вспомни, Вадим, ведь вы были товарищи.

— А он поступил как товарищ?! — закричал Вадим. — Хотел все свалить на меня!

Вадим был добрый парень. Но сейчас он из себя выходил, вспоминая, как подло вел себя Игорь в истории с запчастями. Вадим часто и незаслуженно бывал у нас в классе козлом отпущения. И, вспоминая теперь о несправедливостях, выпадавших на его долю, кипел от негодования.

Я заметил:

— Надо быть выше!

— Выше чего?

— Выше собственной обиды!

Шмаков Петр проворчал:

— Скажем Игорю, а они заметут следы. Останемся в дураках. Надо сообщить куда следует.

Я решительно сказал:

— За глаза? Ни за что!

Так мы тогда ни до чего не договорились. То есть мы договорились о том, что ничего не будем делать, пока не договоримся окончательно. И будем хранить тайну.

27

Я не люблю тайн. Другие ребята любят, а я не люблю. Даже не люблю книг с таинственным сюжетом: все равно в конце все раскрывается. И обычно сразу смотрю в последние страницы. Читать после этого становится неинтересно.

Книги еще туда-сюда. А вот таскать в себе всякие тайны — терпеть не могу. Это придает человеку оттенок скрытности, неискренности. Например, я иду с Майкой по улице, мы с ней откровенно обо всем разговариваем, и вместе с тем я от нее что-то скрываю. Неудобно и не приятно. Тем более, что Майка комсорг. Скрывать от нее такое дело вообще неправильно.

Когда я иду с Майкой по улице, улица другая, не такая, как обычно. Может быть, оттого, что мы с Майкой ходим по улице только в хорошую погоду, а в плохую сидим дома. Возможно, потому, что все смотрят на Майку, какая она красивая, а заодно смотрят на меня... Мы оказываемся в центре внимания, и я чувствую свою особенную ответственность: на улице хватает и нахалов и грубиянов, которым ничего не стоит толкнуть человека и даже не извиниться... Не знаю... Факт остается фактом. Когда я иду с Майкой, улица солнечнее, люди приветливее, все как-то веселее и смешнее. Тем более, что на улице мы играем в одну игру: разбираем всякие нелепые названия. Например, магазин: «Культтовары». Что это значит? Культурные товары? Выходит, в других магазинах товары некультурные? И могут ли товары, сами по себе, быть культурными или некультурными?.. Или вот еще: «Инпошив». Я всегда думал, что приставка «ин» от слова «инвалид» — артель инвалидов шьет платья. Оказывается, ничего подобного. Приставка «ин» от слова «индивидуальный». Довольно нелепо.

Мы шли к Наталье Павловне, нас послал к ней главный инженер. Практика кончалась, и он просил ее зайти на автобазу «обсудить вопросы». Какие вопросы, он не сказал. Майка вызвалась передать его просьбу Наталье Павловне. Я вызвался проводить Майку.

Наталья Павловна жила в конце нашей улицы, а наша улица одна из самых длинных в Москве, а может быть, и самая длинная. Специальный автобус ходит по ней из конца в конец, от станции метро до новой заставы.

Как и мы, Наталья Павловна жила в новом доме. Но мы переехали сюда из разных районов Москвы, а Наталья Павловна жила здесь и раньше, в деревне, которая была на этом месте.

И преподавала в школе, вместо которой теперь построена наша школа.

Майке все это казалось очень значительным. То есть то, что нет больше деревни, где жила Наталья Павловна, нет ее дома, нет ее школы, а сама Наталья Павловна есть, живет здесь и по-прежнему преподает. Только живет в новом доме и преподает в новой школе.

— Ничего уже нет, а человек остался. Согласись, в этом что-то есть, — говорила Майка.

По правде сказать, ничего особенного я в этом не видел. Старые дома и старую школу снесли по плану. Вместо них построили новые. Ясно, что люди остались. Куда они могли деться? Но Майка в самых, казалось бы, незначительных вещах всегда находила глубокий смысл. А я не люблю философии — у меня от нее голова болит. А Майка пусть философствует, я ей не мешаю. Я промышчал в ответ что-то одобрительное.

— Представь, — продолжала Майка, — что через много-много лет этого не будет, — она обвела рукой улицу, — а будет что-то другое. Придут новые люди. И только мы сохранимся от тех далеких времен.

Я удивился:

— Что здесь может быть другое?

— Я к примеру говорю. Допустим, новые дома.

— Эти дома еще очень долго простоят, — возразил я.

— Я понимаю... Но тем удивительнее жизнь Натальи Павловны, на глазах которой произошла такая разительная перемена.

— При ней были деревянные дома, — сказал я, — не дома, а избы... Снести их ничего не стоило. А разве такие громадные каменные дома будут сносить?

Майка сказала:

— Меня интересует философская сторона вопроса.

Я согласился, что с философской стороны это правильно. Но так как я не хотел больше философии, у меня от нее уже начинала болеть голова, я сказал:

— Метро будут тянуть до Бурцева.

Бурцево — в прошлом подмосковное село, а теперь большой промышленный город. Я читал в газете, что метро сначала дотянут до конца нашей улицы, а потом и до Бурцева. В результате Бурцево сольется с Москвой.

— Это будет здорово! — сказала Майка.

Мне нравилось, что Майка реагирует на все новое. Другие девчонки не реагируют, а она реагирует. Я тоже реагирую. Мне приятно, когда что-нибудь строят. Не знаю почему, но приятно. Новый дом, новый магазин, новая мостовая, деревья, новая станция метро, новая автобусная линия. В этом новом доме буду жить не я. Может быть, я ничего не куплю в этом новом магазине. Но то, что они новые, что раньше их не было, а теперь есть, доставляет мне удовольствие. И Майке тоже. А то, что она немного пофилософствует, ничему, в сущности, не мешает.

Наталья Павловна сидела за столом и правила тетради. Она преподает литературу в вечерней школе рабочей молодежи.

Майка бывала у Натальи Павловны и раньше. А я не бывал. Как-то не приходилось. Но я бывал дома у других учителей. И сейчас, у Натальи Павловны, я почувствовал то же самое, что чувствовал у них. Дома учитель выглядит совсем по-другому, похож не на учителя, а на самого обыкновенного человека. Даже как-то странно видеть его в домашней обстановке, в окружении таких будничных предметов: буфет, комод, большой стол посередине, гнутые стулья, старенький диван...

Странно и немного грустно. Может быть, потому, что эти вещи такие же старенькие, как и сама Наталья Павловна. В наших домах жильцы, въезжая, стараются привозить новую мебель. А у Натальи Павловны вещи старые, старомодные, наверно, те самые, что были у нее раньше, когда здесь была деревня.

Мы рассказали Наталье Павловне, какое горячее участие принимают все в восстановлении нашей машины. Наталья Павловна очень этому обрадовалась и стала угощать нас чаем. И, когда я пил чай с конфетами «Сливочная коровка», которые я люблю больше любых других, самых шоколадных конфет, все здесь показалось мне гораздо уютнее, чем в первую минуту. Все у Натальи Павловны было под рукой, никуда она не уходила. Нам с Майкой захотелось есть, и мы съели почти целую коробку овсяного печенья. Я его, между прочим, тоже очень люблю.

— Сережа, что за заявление ты подал директору? — спросила Наталья Павловна.

Я рассказал. Майка с удивлением смотрела на меня. Она ничего про это не знала. Ей понравилось, что я добивался справедливости.

— Да, Зуев, — вздохнула Наталья Павловна, — он ведь у меня учился.

Мы понимали, что Зуев когда-то был школьником, но представить себе это было очень трудно. Такой пожилой, небритый человек учился у той же Натальи Павловны, у которой теперь учимся мы.

— У него погибла семья, — печально проговорила Наталья Павловна. — После войны. Подорвались в поле на немецкой mine. Два мальчика. Жена его тогда тяжело заболела и до сих пор в больнице.

И потому, как Наталья Павловна сказала это, мы поняли, что жена Зуева находится в психиатрической больнице. Меня только удивляет, почему люди стесняются говорить об этом прямо. Ведь ничего позорного в этом нет.

— Он очень хороший мастер, — сказал я.

— Да, — подтвердила Наталья Павловна, — Сергей Сергееч уходит на пенсию, и на его место, по-видимому, пригласят Зуева.

Сергей Сергееч заведовал школьными мастерскими. Я очень обрадовался тому, что Зуев будет работать в нашей школе. Самое главное — у него есть подход к ребятам.

— Его рекомендовал директор автобазы, — сказала Наталья Павловна.

После того, что Наталья Павловна рассказала о Зуеве, мне стало еще обиднее за него, и я заметил:

— Сначала выговор объявляют, потом рекомендуют.

Наталья Павловна сказала:

— Игорь — вот кто меня беспокоит больше всего!

Я вытаращил глаза: неужели Наталье Павловне все известно? Откуда?!

— Ничего ему не дала практика, — грустно продолжала Наталья Павловна, — в цех надо было идти. Из всех работ на автобазе ему досталась именно та, которая ему не должна была достаться. Я проглядела. Но и класс виноват. Не работает коллектив с Игорем. Не воспитывает.

Вот это здорово! Выходит, мы же виноваты! Плохо воспитывали... Попробуй воспитай его!

Майка сказала:

— Коллектив коллективом, а каждый тоже должен отвечать за себя.

Они заговорили о воспитательной силе коллектива. Наталья Павловна приводила всякие примеры. Примеры сами по себе довольно убедительные. Но, как только я мысленно применял их к Игорю, они сразу становились неубедительными. Но я молчал. Если я заспорю об Игоре, то могу случайно проговориться и разгласить тайну. А ведь я обещал ее хранить.

28

Я бы, конечно, сохранил эту тайну, хотя и не люблю тайн. Но, когда мы возвращались от Натальи Павловны, Майка сама навела меня на этот разговор. Она сказала, что на автобазе мы узнали друг друга больше, чем в школе. И это, мол, доказывает, что по-настоящему характер человека раскрывается в столкновении с реальной жизнью.

Это правильная мысль, но общая. В школе мы тоже хорошо знали друг друга. Просто на производстве характер каждого выявился с большей определенностью.

— Взять того же Игоря, — сказал я, — разве мы не знали, какой он есть?

— Как он себя показал с восстановлением машины! — заметила Майка.

Не желая разглашать тайну, я только сдержанно добавил:

— Не только с этим.

— Да, — согласилась Майка, — и тогда, с частями у Вадима.

— Не только с частями у Вадима, — сдерживаясь изо всех сил, сказал я.

— Вообще всем своим поведением на автобазе, — сказала Майка.

Я промолчал.

Но Майка всегда угадывает, как я молчу: многозначительно или нет. И вопросительно посмотрела на меня. Мне некуда было деваться. И я рассказал Майке историю с амортизаторами. Как комсоргу.

К моему удивлению, мой рассказ не произвел на нее того впечатления, какое я

ожидал.

Она слушала меня несколько недоверчиво, даже чуть иронически. Как слушают подобные вещи девочки, убежденные, что мальчишки склонны ко всякой таинственности.

На самом деле девочки гораздо больше склонны к таинственности. Но их таинственность распространяется на пустяки. Кто-то в кого-то влюбился... Кто-то кому-то что-то написал... Кто-то с кем-то куда-то пошел. Но оценить сложное явление, где требуется железная логика, они не могут. Их ум не охватывает такого явления. Чем незначительнее факт, тем значительнее их фантазия. А если факт сам по себе значителен, он не оставляет места для их фантазии.

Все же Майка сказала:

— Прежде всего надо поговорить с Игорем.

— И я так считаю! — воскликнул я. — Давай сегодня вечером соберемся у тебя и позовем Игоря.

Вечером мы собрались у Майки.

Шмаков был недоволен тем, что мы решили поговорить с Игорем.

— Он предупредит своих воров, — сказал Шмаков.

— Нельзя в каждом видеть преступника, — заметила Майка.

— Действительно, — подхватил я, — говорим: «Церкви и тюрьмы сровняем с землей», а в каждом видим преступника.

Явился Игорь, веселый, насмешливый. Улыбаясь, спросил:

— Что за совет мудрейших и старейших?

Я рассказал ему про амортизаторы. Он засмеялся:

— Почему же вы их не забрали?.. Понятно!.. Хотели выследить вора и проспали.

Известные пинкертоньки.

— Не смейся, — хладнокровно проговорил я, — на дороге остались следы...

— Индийской кобры?

— Нет. Машины. «Победы»... И у нее очень интересные покрышки: передние с «Победы», задние с «ГАЗ—69».

Мы уставились на Игоря.

Он растерялся под нашими суровыми взглядами и растерянно спросил:

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то я хочу этим сказать, — ответил я, — что на машине твоих друзей, этих самых Елок, Люсек и Николаев, стоят точно такие же покрышки! Вот что я хочу сказать.

Даже Майка поняла драматичность момента. Убедилась, что это не фантазия, а серьезное и ответственное дело. И в душе, наверно, восхитилась железной логикой моих вопросов.

— Говори, куда амортизаторы дел?! — грубо потребовал Шмаков.

— Вы что, с ума сошли! — закричал Игорь и вскочил со стула. — Как вы смее со мной так говорить?!

Его негодование было таким искренним, что мы смутились. А Вадим чуть не плакал. Они с Игорем были когда-то товарищами, и теперь Вадим жалел его до слез. Только Шмаков не смутился. Презрительно буркнул:

— Не прыгай, стул ломаешь!

На что я Шмакову заметил:

— Нельзя ли без глупых шуток!

— Никто тебя не хочет оскорблять, Игорь, — сказала Майка, — но ты сам понимаешь: надо выяснить!

— Правда, Игорь, — жалобным голосом проговорил Вадим, — ведь лично тебя никто не подозревает.

Игорь немного успокоился, снова сел, закинул ногу на ногу, мрачно произнес:

— Ни я, ни мои товарищи не брали амортизаторов. Глупо и смешно об этом говорить. И потом: почему следы именно с этой машины? Думаете, мало в Москве машин с разной резиной?

— Все-таки странное совпадение, — сказала Майка.

— В жизни бывают самые неожиданные совпадения, — изрек Игорь, снова обретая свой уверенный и насмешливый тон.

— Друзей своих ты зачем на автобазу возил? — спросил вдруг Шмаков Петр.

Игорь прищурил глаза:

— Когда я их возил?.. Ах да, был такой случай... Я им хотел помочь с ремонтом, познакомил с главным инженером.

— Ну и что?

— Главный инженер отказал.

— Чтобы окончательно с этим покончить, — сказал я, — надо поговорить с твоими приятелями.

Игорь надул губы:

— Пожалуйста! Идите и разговаривайте.

— Ах, так! — сказала Майка. — Значит, ты не хочешь?

— Не хочу.

— Почему?

— Этот разговор меня компрометирует. Я снимаюсь на студии и не желаю, чтобы туда дошла такая чепуха.

— Поставим вопрос на бюро, — сказала Майка.

Игорь молчал.

— Ведь мы у них только спросим насчет машины, — сказал Вадим, — о тебе даже ни слова...

Игорь угрюмо проговорил:

— Ладно, я им сегодня позвоню.

Если человек ни в чем не виноват, чего ему беспокоиться? Почему Игорь так не хочет нашей встречи со своими друзьями? Чего боится? Ведь он убедил нас, что ни в чем не виноват... Да в этом мы, кроме Шмакова Петра, не сомневались и раньше.

Вот о чем мы думали, когда сидели на школьной площадке и ожидали Игоря и его друзей. Мы не высказывали вслух своих мыслей. Каждый из нас с тревогой задавал себе вопрос: чего боится Игорь? Нам страшно было подумать, что Игорь, наш товарищ, замешан в таком отвратительном деле.

Школьная площадка была пуста. Одинокó высились на ее краях щиты с порванными веревочными корзинками, покосившиеся столбы для волейбольной сетки, низкие, почерневшие длинные скамейки на врытых в землю столбиках; желтел песок на местах для прыжков; там виднелись даже отпечатки ног, будто кто-то совсем недавно здесь прыгал.

Было уже начало седьмого, когда к школе подъехала знакомая нам «Победа». Из

нее вышли Игорь, Люся и Николай. Елки не было. Они подошли к нам.

— Вот, — натянуто улыбаясь, сказал Игорь, — эти ребята с автобазы. Я вам говорил. И об амортизаторах тоже говорил. — Он повернулся к нам: — Они уже в курсе дела...

Нам не понравилось, что Игорь им все рассказал. Кто его просил?

Люся засмеялся:

— На автобазе все такие крошки? Николай, смотри, какие крошки!

Этот насмешливый тон нам тоже не понравился.

— Значит, — продолжал Люся, — вы подозреваете нас в краже каких-то амортизаторов?

— Нет, — возразил я, — никто вас не подозревает. Но амортизаторы вывезены на машине. И на этой машине стояли точно такие же покрышки, как и на вашей.

Люся расхохотался:

— Ах, так! Ты слышишь, Николай?! Но ведь на всех «Победах» одинаковые покрышки.

— Вы рано смеетесь, — сказал я, — на вашей машине сзади стоят покрышки с «ГАЗ—69». И на той машине тоже.

— Николай, ты слышишь? — закричал Люся. — На той машине такие же покрышки.

— А почему вы, собственно говоря, занимаетесь таким следствием? — спросил вдруг Николай.

— Потому, что подозрение пало на нас, на практикантов.

— Вы практиканты? — заинтересованно спросил Люся. — Откуда, из техникума?

— Нет, из школы.

Игорь, красный как рак, перебил меня:

— Дело не в этом...

— погоди, погоди, — остановил его Люся, — значит, вы практиканты, школьники. Ты слышишь, Николай?! А он? — Люся кивнул на Игоря.

— Он тоже.

Люся покатился с хохоту.

— Николай! Как это тебе нравится? Школьник! Вот комедия! Ай да Игорь, ну и молодец! Николай, как тебе нравится?

Но Николай ничем не показывал, как это ему нравится.

Игорь, не поднимая глаз, с мрачным лицом что-то чертил каблуком на песке.

— Ах, дети, дети, как страшны ваши лета, — насмешливо продолжал Люся. — Оказывается, вы школьники! И Игорь тоже... — Он вдруг нахмурился. — Что же нам с вами делать? А, Николай, что нам с ними делать? Отлупить? Нельзя, малолетние. Уши надрать? Слишком взрослые.

— Отлупить и мы можем, — мрачно проговорил Шмаков.

— А следовало бы, — продолжал Люся, не обращая внимания на Шмакова.

— За что же? — насмешливо спросил я.

Глядя на Игоря, Николай с презрением проговорил:

— «Заместитель начальника технического отдела»! Трепач несчастный!

Мы поняли, в чем дело... И не могли не рассмеяться. Игорь скрывал от своих друзей, что он школьник. Представился заместителем начальника технического отдела. На автобазе и должности такой нет. Ну и Игорь! Теперь понятно, почему он так боялся этой встречи.

Люся насмешливо прищурился:

— Играете во взрослых. Игорь в заместителя начальника, вы в следователей. Сначала Игорь морочил нам голову, теперь вы.

Майка сказала:

— Игорь представился вам крупным деятелем... Глупо! Он любит казаться старше, чем есть на самом деле. Это его недостаток. Но то, о чем мы с вами говорим, очень серьезно. Жаль, что вы отнеслись к этому так иронически.

Здорово высказалась Майка! Люся с Николаем присмирели. Я немедленно этим воспользовался:

— У нас только один вопрос: была ваша машина ночью на пустыре или нет?

— Что за пустырь?

— За автобазой.

— Нет, — сказал Люся, — мы подъезжали к вашей автобазе только днем. Игорь обещал устроить ремонт машины, ведь он «заместитель начальника технического отдела»... Из этого, конечно, ничего не вышло.

— Вы так ее и не отремонтировали? — спросил Вадим.

— Отремонтировали. Частным образом, — ответил Люся. — Но амортизаторов мы не меняли. Все? Мы свободны?

Он как-то сразу переходил от насмешливого тона к серьезному и наоборот. И еще любил повторять: «Ты слышишь, Николай?» Хотя Николай все отлично слышал. Он был не глухой.

Игорь поднял голову и ленивым голосом сказал:

— Ладно! Я действительно натрепался насчет технического отдела. Зачем? Просто так, для смеха. Захотелось, и потрепался. Надеюсь, никому это не повредило?

— Инцидент исчерпан! — Люся встал. — Поехали, Николай!

Шмаков Петр вдруг спросил:

— А кто из рабочих ремонтировал вашу машину?

Люся пожал плечами:

— Я думаю, это были не ваши рабочие.

Тогда я спросил:

— Вы им оставляли машину или они приходили к вам?

Люся посмотрел на меня. И Николай посмотрел на меня. И по этим взглядам мне стало ясно, что они оставляли машину.

— Нет, — сказал Люся, — мы им не оставляли машину. Они пришли ко мне в гараж со своим материалом и все сделали.

Он подумал и добавил.

— Впрочем, потом они ее часа два обкатывали, ездили по городу.

— Это было в среду вечером? — спросил я.

— Кажется...

Я сказал:

— Поздравляю, на вашей машине совершена кража. Можете радоваться.

Некоторое время все молчали.

Было видно, что Люся немного струсил. Но самое интересное, что Игорь тоже перетрусил. Он-то с чего?! Потом Люся сказал:

— Они заменили кольца и вкладыши, собрали мотор, обкатали машину, получили деньги и ушли. Одного звали, кажется, Василием Ивановичем. Вот все, что я о них знаю.

— Неосторожно доверять свою машину случайным людям, — заметила Майка.

— Мы понадеялись на Игоря, — возразил Люся. — Он выслал какого-то рабочего, который и познакомил нас с этими механиками. Это было у ворот автобазы.

— Этот рабочий — Лагутин? — глядя на Игоря, спросил я.

Игорь молчал.

— Что же ты молчишь? — сказала Майка.

Игорь глухо заговорил:

— Когда я вышел от главного инженера, мне навстречу попался Лагутин. Я спросил у него, не возьмется ли кто-нибудь отремонтировать мотор. Частным образом. Лагутин ответил, что знает механиков. Надежные люди, все ими довольны. Потом он показал Люсе этих механиков, они сговорились, вот и все.

— Ты и заварил эту кашу, — сказал Шмаков Петр.

— А что я такого сделал? — возмутился Игорь. — Кто-то подменил амортизаторы. При чем тут я, Люся, Николай?! Кто их подменил, пусть за то и отвечает. А кто их подменил — неизвестно.

— Известно, — сказал я, — Лагутин.

— Доказательства?

— Я в этом уверен.

Игорь махнул рукой:

— Твоя уверенность не доказательство. Нужны улики. А улики нет.

— Игорь прав, — сказал Люся. — Амортизаторы вывезли на моей машине? Простая случайность. Их могли вывезти на любой другой, хотя бы на такси. Шофер такси не обязан знать, что возят его пассажиры.

— Вы здесь ни при чем? — насмешливо спросила Майка.

— Ни при чем, — ответил Люся.

— Нет, при чем, — возразил я. — Игорь знал, что Лагутин нечестный человек, и не имел права обращаться к нему. А он обратился. Хотел вам доказать, какая он могучая и влиятельная личность. А вы постарше, должны были думать.

— Соображать надо, — добавил Шмаков Петр.

— Что сделано, то сделано, — сказал Люся. — Нам впредь наука: не связываться с такими молокососами, как Игорь.

— Его убить мало, — мрачно проговорил Николай.

— Убивать вам никто не позволит, — сказала Майка, — а вот амортизаторы надо вернуть.

Не только Люся, но и мы все удивились такому неожиданному предложению.

— Чему вы удивляетесь, — сказала Майка, — ничего удивительного нет. Государство не должно отвечать ни за ваше легкомыслие, ни за сомнение Игоря.

— Если мы их вернем, значит, мы их взяли, — возразил Люся.

— Заставьте вернуть тех, кто их взял, — сказал я, — ваших уважаемых механиков.

— Где же мы их найдем? — спросил Люся.

— Ничего! — мрачно проговорил Шмаков. — Лагутин вам скажет, где их найти.

— А почему мы должны вступать в переговоры с каким-то Лагутиным?

— Ага! — сказал я. — Когда вам надо было, вы вступали, а для общего дела не можете! Что ж, покупайте сами.

— Эге! — сказал Николай. — Четыре амортизатора стоят рублей пятьдесят.

— Приходится расплачиваться за свои ошибки, — улыбнулась Майка.

Ставим мотор! Ответственный момент в сборке машины. Мотор — ее сердце, он дает ей жизнь, движение, без мотора машина мертва.

Мотор подкатили на передвижной тали. Опутанный цепями, он качался и плыл в воздухе, как перышко. А ведь в нем, может быть, сто килограммов веса. И поставить его совсем не так просто, нужно очень точно все подогнать. Так рассчитать, чтобы все крепления попали на свое место.

Закрепили мотор, начали ставить электрооборудование, радиатор, карбюратор... Наконец, залили воду, бензин, масло.

И вот — машина готова! Все, кроме покраски. Покрасят ее сегодня вечером, за ночь она обсохнет. Завтра на ней можно будет прокатиться по городу, конечно, с надписью на кузове: «Проба».

А сегодня мы ее опробуем по двору.

Когда мы стали машину заводить, все ребята выбежали из цехов. Игорь тоже был с нами. Даже старался что-то делать. Наверно, жалел, что ничему за этот месяц не научился.

Почему-то весь класс знал про историю с амортизаторами. Кто рассказал? Не я, во всяком случае. Я ведь рассказал только Шмакову и Майке, да еще Полекутину и, кажется, Гринько... А остальным? Интересно, кто рассказал остальным?

Первым сел за руль Зуев, как руководитель нашей работы. И машина покатила по двору, «при восторженных кликах толпы», как здорово написано в одном романе.

Потом Зуев пересел на инструкторское место. Мы все по очереди сделали на машине круг по двору. Конечно, те, кто имел права юного водителя. Машина получилась великолепная, все агрегаты работали прекрасно.

Подошел директор, сказал: «Посмотрим, что вы сотворили» — и тоже сделал круг. А когда вылез из кабины, заявил:

— Подходящий аппарат.

После этого мы отогнали машину в малярный цех, где за нее взялись Гаркуша и Рождественский.

Как всегда, вокруг нашей машины толкалось много народу. Даже Лагутин подходил несколько раз. Но он смотрел не на машину, а на меня. И Шмаков Петр обратил на это внимание.

— Чего он на тебя глаза таращит? — сказал Шмаков.

Я не знал, чего Лагутин таращит на меня глаза. Мне было не до этого. В этот день я сделал одно открытие. Мне показалось, что у меня все же есть некоторые технические склонности. Это — серьезное открытие. Оно могло изменить мои жизненные планы.

Только к концу дня мне стало несколько не по себе от упорного взгляда Лагутина. Действительно, чего он на меня уставился?

Прозвенел звонок. Рабочий день кончился. Рабочие мылись в душе, переодевались у шкафчиков, снимали спецовки и надевали свои костюмы. Мы тоже стали расходиться. Здорово поработали сегодня.

И вот, когда мы со Шмаковым Петром дошли почти до нашего дома, я вдруг почувствовал на своем плече чью-то тяжелую руку. Я обернулся. Сзади стоял Лагутин. Удивительно, как мы не слышали его шагов.

Я отдернул плечо:

— Можно не хвататься?!

Лагутин посмотрел на Шмакова Петра:

— Отойди, нам поговорить надо.

Но Шмаков и не думал двигаться с места:

— Куда я пойду?

— Отойди, тебе говорят! — повысил голос Лагутин.

Мне, конечно, вовсе не было страшно разговаривать с ним один на один. Но, во-первых, чего он командует? Во-вторых, у меня нет секретов от Шмакова Петра. И я сказал:

— Можно не командовать?!

Тихим, но угрожающим голосом Лагутин проговорил:

— Ты что за бодягу про меня развел?

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Забыл?! Я тебе так напомним...

— Ха-ха! — сказал я. — Как страшно!

— Дрожь берет! — добавил Шмаков Петр.

— Ты видел, что я амортизаторы брал? — давясь от злости, прошептал Лагутин. —

Видел?

— Нет, — ответил я, — не видел. Но их вывезли с пустыря ваши знакомые механики. Даже известно, на какой машине.

— Это доказать надо, — нахально заявил Лагутин.

— Мы ничего не собираемся доказывать! — ответил я. — Вот если амортизаторы не найдутся, тогда придется что-то доказывать.

— Раньше на Зуева клепал, теперь на меня?

— На Зуева никто не клепал, вы все сами придумали, — возразил я, — но мне неинтересны ваши выдумки! Мы должны найти амортизаторы, и мы их найдем. А если они сами найдутся, тем лучше. Все! Говорить больше не о чем. Пошли, Петро!

Мы спокойно повернулись и пошли домой. А куда пошел Лагутин, мы не видели. Мы ни разу не обернулись.

...Вечером я лежал дома на диване и перечитывал «Мертвые души» Гоголя. Мне очень нравится эта книга, нравится, как там описаны люди. Очень тонко и смешно! И, когда я открываю «Мертвые души» и начинаю читать, как в губернский город N въехала рессорная бричка Чичикова и как два мужика рассуждали, доедет ли эта бричка до Москвы и до Казани или не доедет, я уже не могу оторваться. А Плюшкин, Собакевич, Ноздрев!

И вот, когда я лежал на диване и читал «Мертвые души», раздался звонок. В коридоре была мама, и она открыла дверь.

Потом заглянула в комнату и сказала:

— Сережа, к тебе пришли.

Я с сожалением отложил книгу — читал как раз про капитана Копейкина — и вышел в коридор. Выходная дверь была приоткрыта. Я распахнул ее... На площадке стояла Зина, диспетчер...

— Вы ко мне? — спросил я, несколько озадаченный таким визитом.

— Сережа! — взволнованно проговорила Зина. — Мне надо с тобой поговорить!

— Пожалуйста, заходите, — сказал я.

— Выйди на минуточку.

Я вышел на площадку и захлопнул за собой дверь.

Зина схватила меня за руку:

— Сережа! Что там произошло?

Я сразу догадался, что она имеет в виду. Но я видел, что Зина сейчас заплачет, и ужасно испугался. Я очень не люблю, когда женщины плачут. Женщины, маленькие дети и кошки. Сердце рвется, когда они плачут. Я стал быстро придумывать ответ, который бы успокоил Зину. Но не успел.

— Ты его совсем не знаешь, — всхлипывая, заговорила Зина, — он очень хороший. Но его друзья сбивают с пути...

Вот до чего доводит людей слепая любовь! И к кому? К человеку, который выказывает ей полное пренебрежение.

Я сказал:

Вот именно, друзья! Пусть он попросит своих друзей вернуть амортизаторы.

Зина стала тяжело дышать и наконец заплакала. Разревелась все-таки... Ну, что мне делать?

— Я его так люблю, — сквозь слезы проговорила Зина. — Если с ним что случится, я не знаю, что со мной будет.

Я еще никогда не разговаривал с женщинами о любви. Наверно, я обрадовался возможности изложить наконец свои взгляды по этому вопросу.

— Любовь — это прежде всего взаимное уважение, — сказал я.

Я очень жалел, что в эту минуту рядом не было Майки. Но, хотя ее и не было здесь, я продолжал развивать свои взгляды:

— Один не должен делать того, что обидит другого. Если другому неприятно, то не надо танцевать с разными нахалами.

Плачущим голосом Зина проговорила:

— Я никогда ни с кем не танцевала.

— Вообще танцевать можно, — пояснил я, — но если за этим кроется определенный смысл, то лучше не танцевать. — Я облокотился о перила и продолжал: — И потом, надо честно и прямо смотреть в глаза, говорить друг другу о недостатках и ошибках.

Некоторое время я думал, что бы еще такое умное сказать на тему о любви, но ничего не придумал.

Зина воспользовалась моим молчанием и спросила:

— А если они их вернут, ничего не будет?

— Конечно, ничего, — ответил я.

— Я так боюсь, — опять чуть не заплакала Зина, — а вдруг в тюрьму посадят.

— При чем здесь тюрьма! — возразил я. — «Церкви и тюрьмы сровняем с землей!» Вот как стоит вопрос! Если они все вернут и не будут больше жульничать, то ни в какую тюрьму их не посадят.

Зина прошептала:

— Он никогда ничего себе не позволял. А вот как связался с ними, все и началось.

— Тем более надо на него воздействовать, — сказал я, — лучше сейчас признать свои ошибки, чем потом отвечать за них.

Зина ушла. Я опять взялся за книгу. Но мне не читалось. Было жалко Зину. Такой несчастной она выглядела. И все из-за Лагутина. Мало того, что он ведет себя нечестно, он еще заставляет страдать других.

Пожалуй, я говорил Зине вовсе не то, что следовало. Надо было сказать: «Если вы любите Лагутина, то помогите ему перевоспитаться». Вот что надо было сказать. А я развел антимионию насчет любви.

Что поделаешь! Правильные мысли и нужные слова приходят ко мне приблизительно через час после разговора.

30

Сегодня кончается наша практика. Я рано пришел на работу. Машины еще только выезжали на линию.

Они выезжали одна за другой, тяжелые грузовики и самосвалы мчались по шоссе и растекались по улицам Москвы. В кабинах мелькали суровые лица шоферов.

Во дворе царило обычное в этот ранний час оживление. Раздавался по радио звонкий голос диспетчера, шумел по телефону начальник эксплуатации, мелькало озабоченное лицо главного инженера. Директор стоял на своем обычном месте, внушительный, молчаливый, и провожал глазами уходящие машины.

Я подумал: как странно! Завтра мы будем свободны как птицы. Можем спать сколько влезет. Можем делать что угодно. Через неделю я уеду с мамой в Корюков, буду купаться в реке и удивлять всех своими лапами.

И все же мне было грустно...

Мне было грустно при мысли, что я не буду больше приходить сюда ранним утром, не буду переодеваться у своего шкафчика, как все рабочие, не буду слушать их шуток и разговоров, не буду равнодушно говорить бригадиру Дмитрию Александровичу: «Кончил, проверяйте!»... И Дмитрий Александрович уже больше мне не скажет: «Ну что ж, университет-эмансипе, подходяще...»

Я не услышу больше шипения паяльной лампы, стрекотания сварки, визга пилы и шуршания рубанка и, наверно, скоро отвыкну от привычного запаха бензина, карбида и ацетона. И мне уже не придется спорить с кладовщиком о том, что он не вовремя запирает склад. Я не буду каждые две недели получать деньги, заработанные моим собственным трудом.

Конечно, мы не более как практиканты. Но мы чувствовали себя здесь рабочими. Мы делали работу, которую делали все.

Вот о чем я с грустью думал, когда сидел на скамейке возле гаража, грелся на солнце и дожидался начала смены. Потом прозвенел звонок, и мы разошлись по цехам.

По правде сказать, никто из нас сегодня не работал. Пришел Игорь и сказал, что на доске висит приказ про нас. Мы побежали его читать.

Всем практикантам объявлялась благодарность за хорошую работу. Главному инженеру объявлялась благодарность за хорошее общее руководство. Начальникам цехов — за хорошее конкретное руководство. Бригадирам — просто за руководство. Всем рабочим — за чуткое к нам отношение.

— Ловко написано! — сказал Игорь и построил ту самую физиономию, которой он давал понять, что ему известна тайная суть.

Но я был с ним не согласен. Теперь, когда практика кончилась, я забыл про плохое, и в памяти осталось только хорошее. Ведь вначале мы ровно ничего не умели делать, и трения были неизбежны.

И еще объявлялась благодарность Зуеву. За хорошую помощь при восстановлении нашей машины. И с него снимался выговор за аварию в Липках.

Потом прошел слух, что нам сейчас будут выдавать зарплату. Мы бросились в бухгалтерию. Выдали нам по шестнадцать рублей двадцать копеек, как и в первую получку. Мы так и не поняли, чем расчет отличается от аванса.

После получки главный инженер велел нам разойтись по цехам и сдать все, что за нами числится. И добавил:

— Не мешает и с рабочими попрощаться.

Мы это понимали и без главного инженера. Все же его слова меня приятно удивили. Они свидетельствовали об известной душевной тонкости. А ведь мы считали главного инженера сухарем и занудой.

Мы со Шмаковым пошли в гараж, сдали инструмент, спецовку, очистили свои верстаки и начали прощаться. Все вытирали руки обтирочными концами и пожимали наши руки. Те, кто работал в смотровых ямах, тоже пожали нам руки.

Не все, может быть, горевали по поводу нашего ухода. Но мы целый месяц работали вместе, делили все хорошее и плохое, и они не могли не проявить к нам рабочей солидарности.

Мы дошли со Шмаковым до ворот гаража и оглянулись. Никто не смотрел нам вслед. Все опять работали, как будто ничего не случилось. Конечно, окончание практики — это событие только для нас. Но все же мне сделалось как-то не по себе. Неужели мы для гаража уже чужие? Пройдет несколько дней, и нас, наверно, забудут.

Во дворе нас встретил Игорь и сказал, что сейчас будет заключительная беседа. При этом он как-то особенно посмотрел на меня, противно ухмыльнулся и добавил:

— Готовься, Крош.

По его тону было ясно, что мне надо готовиться к неприятности. Но к какой именно, он не сказал. Такая у Игоря манера — недоговаривать. Этим он подчеркивал свою исключительную осведомленность.

Эта манера всегда меня очень злит. Я не люблю неопределенности. Какая бы неприятность мне ни угрожала, я предпочитаю узнать о ней сразу. Терпеть не могу, например, когда мне говорят: «Сережа, мне надо с тобой поговорить». Такая привычка, между прочим, есть у моего отца. Никогда сразу не приступает к делу, а с хмурым видом произносит: «Сережа, мне надо с тобой поговорить». А говорит дня через два. И эти два дня я мучаюсь неизвестностью. Я знаю, что ничего такого страшного он мне не скажет. Но не люблю этого неопределенного периода между предупреждением о разговоре и самим разговором. Мне неприятно, что отец прямо не высказывает своего недовольства, а ходит с этим недовольством и ждет особенного момента.

Приблизительно такое же состояние было у меня и сейчас. Я не знал, какая неприятность ожидает меня на заключительной беседе. А если бы знал, то был бы спокоен. И будь Игорь настоящий товарищ, он избавил бы меня от этой противной неизвестности.

Мы собрались на пустыре — обычном, а сегодня уже последнем месте наших собраний.

Там стояла наша машина, блестящая, свежескрашенная, точно только выпущенная с завода. Ее официально передавали школе.

К нашему возмущению, машину принимал школьный завхоз Иван Семенович.

Он ходил вокруг машины и радостно потирал руки, очевидно, представлял себе, сколько угля он на ней перевезет.

Мы поняли, что за эту машину нам предстоит еще серьезная борьба.

Директор вынул самопишущую ручку, нахмурился и подписал передаточный акт. С этой минуты машина принадлежала школе.

Завхоз Иван Семенович одним духом вскочил в кабину, Зуев сел за руль и погнал машину в школьный гараж.

Наша классная руководительница Наталья Павловна сказала:

— Практика кончена! Прошла она хуже или лучше, чем нам хотелось, — дело не в этом. Дело в том, что это был первый месяц вашей самостоятельной жизни. Жизни в труде. Этот месяц вы никогда не забудете.

Это она, между прочим, подметила довольно точно.

Главный инженер объявил, что всем нам присваивается третий разряд, а Полекутину — четвертый. Некоторые ребята обиделись, а по-моему, это правильно. Полекутин кандидатура бесспорная. А если бы четвертый разряд присвоили мне или, скажем, Шмакову Петру, то это была бы кандидатура спорная. И оснований для недовольства было бы гораздо больше. Так что главный инженер поступил правильно. Как это он только заметил, что Полекутин лучше нас всех разбирается в технике?

Потом директор сказал:

— Думаю, вы не зря потратили время. Научились кое-чему. И увидели, как все на свете делается. А делается все на свете рабочими руками.

В эту минуту к нему подошел бригадир Дмитрий Александрович и что-то сказал на ухо.

Директор удивился и громко переспросил:

— Где, ты говоришь?

— В чулане.

— Шарада! — пробормотал директор. — Ладно, скоро приду.

Потом он обратился к нам:

— Видите, как хорошо, и амортизаторы нашлись!

Мы-то знали, как они нашлись. Но не подали вида. Пусть это останется загадкой.

— Разберемся! — продолжал директор. — Так насчет чего я говорил? — Он посмотрел на небо: — Забыл... Ну, что сказать? Хорошие ребята. Относились добросовестно. Вот Игорь хорошо помогал...

Все посмотрели на Игоря. У него был такой вид, будто он очень смущен похвалой директора; на самом деле он был очень доволен.

— Помогал Игорь, — продолжал директор, — главный инженер дал ему хорошую характеристику. Освоил учет и документацию. Я, правда, в молодые годы к молотку и зубилу больше подбирался. И вот ничего, директорствую. Но учет и документация тоже нужны... Так что все ребята работали хорошо. Особых нарушений дисциплины не было. Впрочем, у одного были заскоки по линии дисциплины.

Он обвел нас глазами. Его взгляд остановился на мне. Я похолодел.

Вот о чем предупреждал меня Игорь! Сейчас директор меня припечатает. Припомнит мне тот разговор в кабинете.

— Ага, вот он, — сказал директор. — Крашенинников, так?

— Так, — пролепетал я.

— Были заскоки?

Я молчал.

— Были, — сам себе ответил директор. — К аварии руку приложил?

— Приложил, — признался я.

— Ну вот! А потом явился в кабинет и начинает устанавливать свои порядки. Так, товарищи, нельзя. Если каждый начнет меня учить, что же получится?

Я поймал на себе насмешливый взгляд Игоря.

— Вот так обстоит дело, — продолжал директор, — вы еще молодые, зеленые, вам самим еще надо учиться. А учить других еще придет ваше время. Это надо запомнить.

Но в целом хорошие ребята! А что касается Крашенинникова, то, по-простому, по-рабочему, я так скажу: молодец Крош! Честный парень! Давай, Крош, действуй!

Обругал меня, а потом назвал молодцом.

Где логика?

1960 г. Январь — март Москва